

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

Санкт-Петербургский государственный университет

Основная образовательная программа «Свободные искусства и науки»

Александра Юрьевна Скочиленко

**Глазами государства, глазами родителей: визуальная продукция
для детей как поле моральной проблематизации в современной
русской культуре**

Выпускная квалификационная работа по направлению подготовки

035300/50.03.01 «Искусства и гуманитарные науки»

Профиль подготовки «Социология и антропология»

Научный руководитель:

Илья Александрович Калинин,

к. фил. н. , доцент, кафедра

междисциплинарных исследований в

области языков и литературы

Санкт-Петербург

2017

Содержание

Введение	4
Глава I. Теоретическая рамка исследования.	14
Глава II. Пределы моральной проблематизации визуальных медиа.	
1. Хронологические рамки проблематизации	30
2. Средства проблематизации	47
3. Модели «защиты» от визуальных медиа	60
Глава III. Пределы практики.	
1. Трансформация просмотра визуальных медиа в некоторых петербургских семьях	71
2. Проблематизация практики просмотра визуальных медиа в некоторых петербургских семьях	80
3. Реконструкция модели моральной проблематизации	89
Заключение	105
Литература и источники	111
Приложения	
Приложение 1. Сведения об Информантах	120
Приложение 2. Таблица коммуникативных стратегий поиска информантов.	125
Приложение 3. Интервью 1. (Инф_0, А., ж., 1982 г.р.)	126

Приложение 4. Интервью 2. (Инф_3, В., м., 2008 г.р.)	134
Приложение 5. Интервью 3. (Инф_4, О., ж., 2004 г.р.)	144
Приложение 6. Интервью 4. (Инф_5, М., ж., 2005 г.р.)	149
Приложение 7. Интервью 5. (Инф_8, А., м., 2010 г.р.)	156
Приложение 8. Интервью 6. (Инф_6., Н., ж., 1978 г.р.)	174

Введение.

*Нас так долго учили
любить твои запретные плоды.
(Д. Умецкий, В. Бутусов)*

В этой работе я попытаюсь описать одну единственную ситуацию: ребенок и взрослый сидят перед экраном. На экране демонстрируется нечто. То, что демонстрируется, взрослый понимает как *не предназначенное* для детского просмотра.

Я думала, что любые взрослые в этот момент всегда просят ребёнка закрыть глаза. Оказалось, что бывают случаи, когда взрослый говорит ребёнку: «пойди поиграй». Бывают случаи, когда взрослые просят ребёнка: «пойди в свою комнату». Иногда случается, что взрослый просит ребёнка отвернуться или прикрывает ему глаза собственными ладонями. Бывают случаи, когда взрослый говорит ребёнку: «мне не нравится то, что ты смотришь». Бывают случаи, когда взрослый молча переключает канал. Бывают случаи, когда взрослый смотрит на ребёнка, который смотрит на экран. Бывают случаи, когда взрослый продолжает смотреть на экран и никак не взаимодействует с ребёнком. В конце концов, бывают случаи, когда взрослые не считают, что на экране могут демонстрировать что-то, не предназначенное для детского просмотра. И я убеждена, что это далеко не все возможные случаи. Изобилие и разнообразие действий расцветает на том месте, которое казалось мне пустым или не интересным.

Поэтому я предприняла попытку наметить такое описание ситуации, где это многообразие возможных способов поведения взрослого – выключающего телевизор, делающего вид, будто ничего не произошло,

закрывающего ребёнку глаза и так далее - будет носить значение «морального поведения»¹.

Сами взрослые могут интерпретировать этот жест как некоторую обычную и необходимую заботу о здоровье чада или воспитательную практику. Вместе с тем, государственные институты только начиная с 2000-х годов стали формировать нормативную базу, объектами которой на равных правах стали и дети, и медиа. Появившиеся в начале 2010-х нормы *ограничивают* распространение визуальной продукции, которая определяется федеральным законом как *опасная* для детей *информация*. Эти нормы ограничивают время трансляции такой визуальной продукции, которая определена федеральным законом как объект, *угрожающий информационной безопасности* ребёнка. Эти нормы создают институты надзора, выявляющие случаи *угрозы* для *информационной безопасности* ребёнка. Эти нормы формируют запрос на организацию экспертных институтов, которые смогут оценить *риски* для *безопасности ребёнка* (те риски, которые произведет трансляция визуальной продукции). Эти нормы также формируют запрос на организацию научных исследований, посвященных объекту: «*информационная безопасность ребёнка*». Многослойность и многообразие действий постепенно начинает обретать форму социального института.

Цели, задачи, объект и предмет исследования.

В широком смысле я отношу описанное мною охранительное поведение взрослого и разрастающийся моральный дискурс вокруг понятий «ребёнок», «безопасность» и «медиа» к феномену *моральной*

¹ В терминах Мишеля Фуко (Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. СПб.: Академический проект, 2004. Т. 2. С. 42.)

проблематизации, где полем для проблематизации морального характера выступает визуальная продукция для детей. Объектом моего исследования оказывается *практика детского медиа досуга* в современной российской культуре, а предметом: *моральная проблематизация этой практики*.

Термин «*моральная проблематизация*» взят мной из работы Мишеля Фуко «История сексуальности»². В методологическом введении к ее второму тому – «Использование удовольствий» - Мишель Фуко определяет моральную проблематизацию как такой тип отношения индивида к реальности и к самому себе, посредством которого он узнает истину собственного бытия в качестве субъекта морали³. Сферы, очерченные пределами морального внимания, являются крайними точками, приближаясь к которым, индивид оказывается на границе возможности познания собственной моральной формы. Этот процесс и позволяет конституироваться моральной форме как таковой и одновременно является способом её познания.

Цель моей работы: понять, как складывалась и чем характеризуется моральная проблематизация медиа досуга детей в современной российской культуре.

Задачи:

- собрать данные, в массив которых включены интервью с современными российскими семьями, оказавшимися доступными мне в качестве информантов, а также законодательные акты и правовые прецеденты, которые тем или иным образом проблематизировали сферу

²Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Спб.: Академический проект, 2004. Т. 2.

³ Там же С.17.

практик просмотра аудиовизуальной продукции ребенком за предшествующие исследованию 20 лет.

- выделить некоторые ключевые события в недавней отечественной истории, которые могли произвести значительные изменения в практиках просмотра ребёнка и морального выбора родителя.

- проанализировать дискурсивное содержание законодательных актов и правовых прецедентов, вычленив из них модель моральной проблематизации, предлагаемую родителям.

- проанализировать качественные данные интервью, выделив в них основные модели моральной проблематизации визуальной продукции для детей, существующие в семьях.

- сопоставить модели моральной проблематизации визуального материала, выдвигаемые государственным типом дискурса с моделями моральной проблематизации, с которыми семьи встречаются внутри повседневных практик.

Общая методология и методы исследования.

То, что меня интересует в документах, тем или иным образом манифестирующих представления о морали, окружающей сферу детского медиа досуга - это то, чем обосновываются и как объясняются механизмы влияния медиа на ребенка или непосредственно на его моральное сознание. Из этих обоснований и объяснений, на мой взгляд, складывается модель морали ребенка, а также модель работы медиа по отношению к моральному сознанию индивида, которые я попытаюсь описать в своей работе. Коль скоро, я ищу обоснований в чужих речевых практиках, значит я исследую определенный рода дискурс. Поэтому я использую также метод

дискурсивного анализа в том виде, в котором его применяет Мишель Фуко для описания и исторического сравнения моральной проблематизации сферы сексуальности⁴, кроме того некоторые способы изучения дискурса я буду заимствовать из его «Археологии знания»⁵. Для осмысления отдельных явлений современности, в пространстве которых существует практика просмотра визуальных медиа и её проблематизация, мне также понадобились теоретические модели, которые так или иначе концептуализируют современные дискурсивные и прагматические феномены. Так, например, мною используется концепт «моральных паник»⁶ для осмысления правового прецедента 2008-го года, характеризующего переломную точку в юридических практиках, связанных с введением в правовое поле объекта «информационная безопасность ребёнка». Я также буду пользоваться теорией, актуальной для исследования общества риска (У. Бек⁷, Н. Луман⁸, О. Н. Яницкий⁹), - прежде всего для того, чтобы описать, как работает риск в сфере визуального потребления детей. А когда я буду говорить о потреблении визуальных медиа, я буду обращаться к описанию потребления телевидения, модель которого предлагает Бодрийяр в «К критике

⁴ Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. СПб.: Академический проект, 2004. Т. 2.

⁵ Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия»: Университетская книга, 2004.

⁶ В том виде, в котором его представляет в своей книге Кеннет Томпсон (*Thompson K. Moral panics. New York: Routledge, 2005.*)

⁷ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

⁸ Луман Н. Понятие риска //THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем, 1994. №. 5. С.135-160.

⁹ Яницкий О. Н. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции //Общественные науки и современность, 2004. №. 2. С.5-15.

политической экономии знака»¹⁰. Подробнее об этом написано в первой главе моей работы (см. Глава I. Теоретическая рамка).

Что касается эмпирической части исследования, то для сбора качественных данных и формирования выборки, мною был использован метод институциональной этнографии, впервые представленный Дороти Смит¹¹, который основывается на расширении субъектного знания исследователя по мере продвижения из собственной стартовой позиции (standpoint) к знаниям и опыту других, включенных в институт или практику, индивидов. Я росла в 1990-е годы, я также смотрела мультфильмы, сталкивалась с запретами и обоснованиями этих запретов, а в беседе с моими информантами я осознаю изменение этих обоснований и трансформацию этих запретов, и хочу понять, какие институты и какие события личного опыта индивидов говорят через эти процессы.

Основной стратегией поиска информантов становится метод доступной выборки. Вопрос доступности возникает из моего понимания современного института детства в постсоветской России, когда внутренний мир семьи и практики воспитания детей внутри семьи всё больше закрываются от посторонних¹². Я, как бездетный взрослый, не являющийся педагогом или работником, принадлежащим к сфере взаимодействия с детьми младшего школьного или дошкольного возраста, не имею приемлемой возможности подойти и просто познакомиться с ребёнком на улице, для того, чтобы позвать его на интервью.

¹⁰ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Академический проект, 2007. С.51-66.

¹¹ Smith D. Knowing the social: An Alternative Design / Smith D. Institutional Ethnography. A Sociology for people. Toronto: Altamira. 2005. Ch.10. P.205-229.

¹² Здравомыслова Е., Роткирх А., Тёмкина А. Создание приватности как сферы заботы, любви и наемного труда / Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности: Коллективная монография. СПб.: Издательство ЕУСПб, 2009. С. 8.

Это обстоятельство привело меня к следующему решению: исследовать возможности собственной социальной сети, постепенно расширяя контакты по степени ощущения их «социальной приемлемости» и свободы моего собственного диалога со взрослым о его ребёнке.

Я провела интервью с 10 семьями, с родителями, а также с младшими и старшими детьми в домашней обстановке¹³ (всего 32 интервью), беседуя о практиках просмотра медиа, запретах и воспоминаниях о детских практиках просмотра ТВ в советское время, девяностые, нулевые и сейчас. В финальный вариант работы попали выдержки не из всех интервью. Так, я не смогла на этих страницах дать слово самым младшим информантам. Тем не менее, эти интервью состоялись, поэтому некоторые из текстов, не вошедших в основную часть работы, я прикрепляю в качестве приложений (см. Приложения 3-8). Необходимые сведения об информантов, а также схему социальной сети, в рамках которой производилась выборка, вы также найдете в приложениях (см. Приложение 2).

Степень изученности темы.

Этнографические исследования практик просмотра медиа (главным образом телесмотрения) проводятся не так давно. Так, по словам Е. В. Овчинской, прагматический поворот отечественной науки в сфере изучения медиа состоялся лишь в конце нулевых годов¹⁴. Поэтому можно перечислить

¹³ Подобно тому как изучал практики просмотра телевизора Д. Морли (*Morley, D. Family Television: Cultural Power and Domestic Leisure. L.: Comedia, 1986.*)

¹⁴ Овчинская Е. В. Этнографические исследования телеаудитории в западной и российской социологии //Знание. Понимание. Умение. 2013. №. 3. С.117.; сведения об этом можно найти и у А.А. Новиковой (Новикова А. А. Антропология медиа в России: истоки и перспективы //Этнографическое обозрение. 2015. №. 5. С. 3–12.)

лишь небольшое количество работ, посвященных практикам медиапотребления. Так, значительным исследованием в этой области является работа А. А. Новиковой и И. В. Кирии «Депрессивное медиапотребление (исследование телевизионных предпочтений сельских жителей)»¹⁵, а также монография О.В. Сергеевой «Домашний телевизор: экранная культура в пространстве повседневности»¹⁶, в которых представлен анализ и интерпретация качественных данных.

В чистом виде феномен моральной проблематизации в приложении к семейным практикам просмотра ещё никто не изучал. Однако попытки тем или иным образом поставить вопрос о связи моральной проблематизации этой сферы с институциональными практиками и артикуляцией форм морали, безусловно, предпринимались.

Существует сборник статей, посвященный советской мультипликации – «Весёлые человечки», где внутри дискурсивного анализа советских мультфильмов заложено предположение об их возможности репрезентировать институты и социальную действительность, а также воспроизводить ценности советского общества. Так, в первой статье сборника¹⁷ обсуждается советский проект детства, и его преломление в продукции, адресованной детям, а также постулируется связь проекта с воспроизводством ценностных категорий: «именно благодаря своей утрированности Хрюши и прочие Степашки позволяют относительно легко

¹⁵ Кирия И. В., Новикова А. А. Депрессивное медиапотребление (исследование телевизионных предпочтений местных жителей) // Вестник Московского университета. 2013. № 5. С. 53–63.

¹⁶ Сергеева О.В. Домашний телевизор: экранная культура в пространстве повседневности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009.

¹⁷ Ушакин С. А. «Мы в город Изумрудный идем дорогой трудной»: маленькие радости веселых человечков // Веселые человечки: Культурные герои советского детства / Сост. и ред. И. Кукулин, М. Липовецкий, М. Майофис. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 9–60.

увидеть внутренние механизмы, с помощью которых советская культура обеспечивала воспроизводство взрослых соответствующего типа и маргинализовала тех, кто выходил за допустимые рамки»¹⁸.

Любопытно, что идея создания сборника (по крайней мере, так утверждается во вступительной статье¹⁹) приходит к авторам в ноябре 2007-го года. В тот самый момент, когда моральный аспект мультипликации постепенно выходит на первый план в публичных дискуссиях по поводу претензий общественных организаций к каналу «2x2», а старая советская мультипликация активно противопоставляется зарубежной.

Вслед за «Весёлыми человечками» идут и другие дискурсивные исследования мультфильмов (статья О. В. Гороховой²⁰ или Л. Г. Сафиуллиной²¹).

Но наиболее интересной для меня, в контексте данного исследования, является статья М. В. Ромашовой²², центральный тезис которой стал отправной точкой моего собственного исследования. В этой статье ее автор выдвигает гипотезу о том, что те «содержательные, нравственно-этические

¹⁸ Ушакин С. А. «Мы в город Изумрудный идем дорогой трудной»: маленькие радости веселых человечков // Веселые человечки: Культурные герои советского детства/Сост. и ред. И. Кукулин, М. Липовецкий, М. Майофис. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С.13.

¹⁹ Веселые человечки: Культурные герои советского детства/Сост. и ред. И. Кукулин, М. Липовецкий, М. Майофис. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С.5.

²⁰ Горохова О. В. Трансформация образа ребенка в отечественной анимации 1920–1940-х гг.// Том 1. Гуманитарные науки. 2013. № 4. С.262-266.

²¹ Сафиуллина Л. Г. Утопический и антиутопический дискурсы в анимационных версиях симфонической сказки «Петя и волк» С. Прокофьева //Филология и культура. 2012. № 3. С. 187–194.

²² Ромашова М. В. От истории анимации к истории детства в СССР: постановка проблемы // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2011. № 3–17. С. 114–119.

критерии»²³, мелькающие в правовых конфликтах или публичных дискуссиях, посвященных мультипликации, являются наследием советских институтов. За этим утверждением не стоит подробного и доказательного анализа, однако это не входит в задачи, рассматриваемого текста, в котором автор лишь намечает проблему, выдвигая гипотезу.

В настоящем исследовании я частично развиваю и пытаюсь подтвердить догадку М. В. Ромашовой, в попытке различить типы дискурса и институциональные требования за высказываниями государства и родителей, совершающих выбор медиа продукции, которая «не несет опасности» детям.

²³ Ромашова М. В. От истории анимации к истории детства в СССР: постановка проблемы // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2011. № 3–17. С.114.

Глава I.

Теоретическая рамка исследования.

Для начала я бы хотела пояснить выбор своих теоретических позиций. Дело в том, что в данной работе я не изучаю то, *как* медиа влияют на мораль ребёнка (в этом случае я бы обратилась к совсем иной теоретической рамке). Я изучаю *представления* о том, как медиа конституируют мораль ребёнка. *Чем* являются медиа в этих представлениях? *Какова* их работа по отношению к морали и *что* есть мораль по отношению к медиа внутри этих представлений? И я всякий раз опасаясь ввести в заблуждение читателя, употребив, к примеру, словосочетание “влияние медиа”, которое так естественно приходится к слову в контексте этого разговора. Тем сложнее не употреблять его вовсе, когда *дискурсивный анализ* текстов, которые я изучала, целиком и полностью состоял в разнообразном препарировании словосочетаний типа «влияние медиа».

Я убеждена, что некоторое знание (являющееся предметом моего анализа) о *влиянии медиа* на моральную конституцию ребёнка становится основой для родительского беспокойства, законодательного акта или судебного решения. О “влиянии медиа” принято говорить с той же уверенностью, с какой обыкновенно признают факт округлости Земли. Я же буду говорить о “влиянии медиа” в контексте одной из возможных моделей морали, внутри которой последняя представляется как нечто подверженное деформации в столкновении со зрелищем.

Это не означает, что тем самым я пытаюсь утверждать, что медиа не оказывают никакого влияния (на сознание ребёнка, выбор потребителя, агрессивное поведение и т. д.). Я скорее сконцентрирована на моменте, в котором организуется повседневное практическое применение, сопряженное со «знанием» о влиянии медиа. Это житейское знание, сопровождаемое

детальным объяснением, предъявляемое в качестве очевидного и депутатом государственной думы, и женщиной среднего класса - сосуществует с тем фактом, что консенсуса по поводу того, как и при помощи чего медиа влияет на индивида, внутри научного сообщества, кажется, ещё не возникло.

Формальное научное соглашение, кажется более-менее достигнутым в связи с феноменом, названном в англоязычной литературе - ‘subliminal advertising’. Подобные представления о скрытом послании, находящемся внутри продукции, которое не фиксируется глазом или ухом, но обладает суггестивным эффектом, впервые появились в Америке в 1950-е годы. Практически со времен своего появления и до наших дней этот концепт встречает острую критику со стороны институциональной психологии²⁴. С другой стороны, он находит поддержку масс-медиа, маркетологов, активистов фундаменталистского толка и отдельных исследователей²⁵. В российской культуре такого рода представления известны под названием «эффект 25-го кадра», и я ни один раз встречала упоминание о нем в рассматриваемых мною текстах, где оно было представлено в качестве доказательства дурного влияния той или иной продукции. На мой взгляд, это фиксирует момент ре-контекстуализации понятия, появившегося в США 1950-х годов. Независимо от того, каков в действительности научный статус этого явления, я буду рассматривать его в качестве метафоры, содержащей

²⁴ Vokey, J. R., & Read, J. D. Subliminal messages: Between the devil and the media. // American Psychologist, 40. 1985. P.1231–1239.; Pratkanis, A. R. The cargo-cult science of subliminal persuasion. Skeptical Inquirer, 16. 1992. P.260–271.; Brannon L. A., Brock T. C. The subliminal persuasion controversy: Reality, enduring fable, and Polonius’s weasel // Persuasion: Psychological insights and perspectives. Boston: Allyn and Bacon, 1994.; Vokey J. R., Subliminal Messages Vokey J. R., Allen S. W. Psychological Sketches. Lethbridge, Alberta: Psyence Ink, 2007.

²⁵ Например, Key, W. B. Subliminal seduction: Ad media’s manipulation of a not so innocent America. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1972; Beatty, S. E., & Hawkins, D. I. Subliminal stimulation: Some new data and interpretation. Journal of Advertising, 18,4—8, 1989.

представление о работе медиа и моральном сознании ребёнка, контактирующего с ним.

Намного сложнее в плане однородности научных суждений обстоит дело с вопросом о том, является ли медиа причиной агрессивного поведения. Спектр мнений и аналитических данных по этому вопросу столь обширен, что существуют целые книги и обзоры, посвященные научным и публичным дебатам на тему медиа-агрессии. Так в аналитическом обзоре Фергюсона и Килборна²⁶, проанализировавших данные из 25-ти существовавших на тот момент наиболее цитируемые научных работ, содержащих 27 независимых исследований, утверждается, что возможные риски влияния насилия на экране на эскалацию агрессии индивида в проанализированных работах серьезно завышены, в связи с некорректными и ненадежными измерениями, а также проблемами в области методологии²⁷. В заключении также говорится о том, что преувеличение угрозы медиа и неверная калькуляция исходят из политических и идеологических убеждений исследователей²⁸. С другой стороны, например, в более свежей книге Джентила²⁹ собраны данные 50 научных исследований, которые, по мнению автора, подтверждают наличие тяжелых последствий для детского здоровья, которые сопутствуют просмотру насилия на экране³⁰, а ограничения опасного контента серьезно

²⁶ Ferguson C. J., Kilburn J. The public health risks of media violence: A meta-analytic review // The Journal of pediatrics, 2009. Т. 154. №. 5. P.759-763.

²⁷ Ibid P.762.

²⁸ Ferguson C. J., Kilburn J. The public health risks of media violence: A meta-analytic review // The Journal of pediatrics, 2009. Т. 154. №. 5. P.762.

²⁹ Gentile D. A. Media Violence and Children: A Complete Guide for Parents and Professionals: A Complete Guide for Parents and Professionals. Santa Barbara, California: Praeger, 2014.

³⁰ Ibid P.12.

сдерживаются лишь нуждами рынка³¹. Упоминается и о том, что научные оппоненты, которые не оценивают угрозу объективно, движимы идеологическими и политическими убеждениями, либо ангажированы капиталом³². Опустив момент моего личного согласия с той или иной позицией, я перейду к утверждению, что отрицание влияния медиа на агрессивное поведение или его утверждение принадлежит здесь разным типам дискурса и, на мой взгляд, представляет собой характерный пример дискурсивной борьбы.

Для меня важно, что главным объектом этой дискурсивной борьбы становится *риск* и его значение. По мнению Ульриха Бека³³ и Никласа Лумана³⁴ понятие риска является определяющим для постиндустриального общества, такого общества, которое переживает процесс глобализации. О.Н. Яницкий отмечает, что понятие риска применимо и для описания отечественной постсоветской социальной действительности³⁵. Понятие риска, препарированное социологами, необходимо и мне, так как работа медиа и их влияние на ребёнка внутри научных, законодательных и повседневных представлений неизбежно наполнено рефлексией по поводу рисков. Ульрих Бек пишет: «...процесс модернизации становится “рефлексивным”, т. е. становится сам своей темой и проблемой. На вопросы

³¹ Gentile D. A. Media Violence and Children: A Complete Guide for Parents and Professionals: A Complete Guide for Parents and Professionals. Santa Barbara, California: Praeger, 2014. P.12.

³² Ibid.

³³ Ульрих Бек. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

³⁴ Луман Н. Понятие риска //THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем, 1994. №. 5. С.135-160.

³⁵ Яницкий О. Н. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции //Общественные науки и современность, 2004. №. 2. С.5-15.

развития и использования технологий (в сфере природы, общества или личности) накладываются вопросы политического и “научного” обращения (обнаружение, предотвращение, сокрытие, вовлечение, управление) с рисками, которые несут ожидаемому будущему уже используемые или потенциальные технологии»³⁶, - одной из таких технологий, готовой на любом этапе своего развития предоставить риски и рефлексии по их поводу, на мой взгляд, оказываются и визуальные медиа. Согласно теории Бека, распределение благ сменяется распределением рисков³⁷. Возможно, я понимаю его слишком буквально, но мне кажется, что этот тезис очень инструментально применим для описания пользования медиа, подобных телевидению, которое внутри повседневных практик оказывается ничем иным, как использованием «ТВ-предмета»³⁸.

Бодрийяр пишет: «...очевидно, что, прежде чем стать передатчиком образов, излучателем, обращенным к получателю, телевидение представляется в качестве телевизора, продаваемому производителем частному лицу. Это объект, который покупают и которым обладают. Несомненно, что ни на одной из ступеней социальной лестницы его статус не сводится лишь к этому, но такой первичный статус неявно обосновывает огромное количество форм культуры восприятия образов»³⁹, - это высказывание как нельзя лучше передает динамику той практики, которую я пытаюсь описать.

Конечно, Бодрийяр анализирует иерархическое значение ТВ-предмета применительно к классовой структуре общества, а это не совсем мой случай,

³⁶ Ульрих Бек. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С.22.

³⁷ Там же С.23.

³⁸ Термин Жана Бодрийяра (Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Академический проект, 2007. С.52.)

³⁹ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Академический проект, 2007. С.52.

коль скоро, я сосредоточена на микросоциуме семьи. Однако я подразумеваю, что семья в России сегодня и в позднесоветское время является иерархической структурой, где супруги имеют разный иерархический статус, а младшие дети обладают самым малым количеством свобод и собственных неотчуждаемых благ. Поэтому я смотрю на ТВ-предмет и практику пользования им на ранних этапах после его приобретения, как на благо, которое распределяется в соответствии с иерархиями, существующими в микросоциуме семьи. Сходные наблюдения, относящиеся к тому, что просмотр телевизора отражает иерархии внутри семьи (в случае, если телевизор один), демонстрируют, например, исследователи И.В. Кирия и А.А. Новикова, не так давно наблюдавшие практики медиа потребления деревенских жителей в сельском поселении Угоры Костромской области:

«Респонденты разных возрастов и уровней доходов демонстрируют очевидную патриархальность установок:

- *Западные сериалы не смотрим. Муж не любит (30 лет).*

В домохозяйствах с высоким социокультурным статусом проблема различия интересов решается наличием двух телевизионных приемников»⁴⁰.

На мой взгляд, экран как таковой несколько раз за свою историю и в каждой личной семейной истории проходит эти этапы освоения – от распределяющего пользования до ограждающего (или самоограниченного). Меняя черно-белый телевизор на цветной или телевизор на компьютер, или компьютер на некоторое количество персональных смартфонов, семья всякий раз демонстрирует переход на новый этап потребления, постепенно

⁴⁰ Кирия И. В., Новикова А. А. Депрессивное медиапотребление (исследование телевизионных предпочтений местных жителей) //Вестник Московского университета, 2013. №. 6. С.155.

осваивая техническую чудо-новинку как статусный объект, распределяя иерархии её использования, уже в этом процессе пользователи постепенно находят себя в отношениях коммуникации с сообщением, находящимся по ту сторону экрана. В этот момент телевизор начинает «излучать» не только блага, но и риски: «риски, возникающие на самой высокой ступени развития производительных сил <...> - эти риски существенно отличаются от богатств. Они высвобождают системно обусловленные, часто необратимые разрушительные силы, остаются, как правило, невидимыми, основываются на каузальных интерпретациях, т.е. проявляются только в знании (научном или антинаучном)»⁴¹. И только после этого практика просмотра, которую я рассматриваю как практику потребления, вписывается в сферу, являющуюся морально проблематизированной.

Прежде чем перейти непосредственно к феномену моральной проблематизации как таковой, мне необходимо обозначить ещё одну связку в моей теоретической логике. Как получается, что я изучаю практику, которую я связываю с моралью, но до сих пор обсуждаю лишь вопросы потребления и риски, которые это потребление производит для здоровья самого потребителя? Изначально это никак не входило в мой исследовательский план – эта рамка самым естественным образом вышла из материала, с которым я работала. «Концепция государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в Российской Федерации и защиты их нравственности»⁴², - один из проанализированных мною документов,

⁴¹ Ульрих Бек. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С.25.

⁴² Понкин И.В., Юрьев Е.Л., Елизаров В.Г, Абраменкова В.В., Пристанская О.В., Коровина Ю.В., Соловьев А.Ю., Халтурина Д.А., и др. Концепция государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в Российской Федерации и защиты их нравственности (02.06.2008) [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал Государство и религия URL: <http://www.state-religion.ru/index.php?p=post&id=14> (дата обращения: 13.03.17)

вышедший в 2008-м году, помимо понятия риска, вводит в государственный и правовой дискурсы о медиа объект, который я условно назову «информационная безопасность нравственности ребёнка».

Эта же концепция предусматривала в том числе запрос на научные работы по поводу этого предмета⁴³. Вскоре после формирования этого запроса в 2009-м году выходит статья, написанная доктором социологических наук В. А. Бачининым, в которой утверждается: «Совершенно чуждое чувству нравственной ответственности, ТВ подорвало *духовное здоровье народа* (выделено мною – А. С.), лишило несколько поколений молодых людей *этического иммунитета* (выделено мной – А.С.), который позволял бы им успешно сопротивляться воздействию темных соблазнов, противостоять напору деструктивных умонастроений»⁴⁴. Словосочетание «этический иммунитет», соединяющее биомедицинский и моральный термины, как мне кажется, очень наглядно иллюстрирует медиализацию морального дискурса, выстроенного на основе рефлексии о рисках, которые производят визуальные медиа.

Сам по себе процесс медиализации морального поведения вряд ли является чем-то новым. Мишель Фуко отмечает, что начиная с XIX века медицинская дискурсивная формация начинает осваивать всё новые и новые объекты, в отношении которых она постепенно становится главной

⁴³ Понкин И.В., Юрьев Е.Л., Елизаров В.Г., Абраменкова В.В., Пристанская О.В., Коровина Ю.В., Соловьев А.Ю., Халтурина Д.А., и др. Концепция государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в Российской Федерации и защиты их нравственности (02.06.2008). Ч.1. С.48. [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал Государство и религия URL: <http://www.state-religion.ru/index.php?p=post&id=14> (дата обращения: 13.03.17)

⁴⁴ Бачинин В. А. Детство и детское ТВ в социальном контексте //Социологические исследования. 2009. №. 10. С.123.

«инстанцией разграничения», то есть начинает «обозначать», «выделять», «называть» и «утверждать» эти объекты (так, например, происходит с безумием)⁴⁵. На мой взгляд, сегодняшняя ситуация, когда слова «этический иммунитет» звучат органично и естественно в устах доктора социологических наук, свидетельствует о том, что медиализация, подобно механизму автоматизации Виктора Шкловского, «съедает вещи, платье, мебель, жену и страх войны»⁴⁶, то есть охватывает и поглощает всё большее количество сфер человеческой жизни, становится универсальным способом говорения обо всём, в том числе, и о морали. Дмитрий Михель, сделавший обзор научной литературы, посвященной феномену медиализации, суммирует и обобщает этот процесс: «в пределах современной эпохи, хотя далеко не сразу, установление медицинского контроля привело к такому положению дел, когда сознание людей почти всегда вынуждено обращаться к ценностям, имеющим научно-медицинское происхождение. Все их можно свести в единую рубрику ценностей здорового образа жизни»⁴⁷.

Ценности здорового образа жизни, его моральный императив, очень тесно завязаны на практиках потребления и рисках, связанных с ним. Здесь и находится тот необходимый мне теоретический мостик, переводящий мою мысль от потребления к риску (и обратно), который внутри этой модели морали производят медиа: «потoki всего, что производится, - товары, услуги, информация (выделено мной – А.С.) - атакуют тело со всех сторон, стремясь быть потребленными»⁴⁸.

⁴⁵ Фуко М. Археология знания. Спб.: ИЦ «Гуманитарная академия»: Университетская книга, 2004. С.98.

⁴⁶ Шкловский В. О теории прозы. М.: «Федерация», 1929. С.13.

⁴⁷ Михель Д.В. «Воплощенный человек». Западная культура, медицинский контроль и тело. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. С.16.

⁴⁸ Там же С.166.

В самом кратком виде теоретическую логику, при помощи которой я описывала материал, можно сформулировать так: в процессе рефлексии о рисках глобального общества (или одновременно) медикализируется потребление и медикализируется моральный дискурс, параллельно с этим в сфере потребления надежно укореняются визуальные медиа, которые время от времени начинают производить риски для медикализованной морали. Где-то на стыке этих больших глобальных процессов, характерных и для постсоветского российского общества, возникает та модель морали, которую я пытаюсь описать, находя её следы и свидетельства в представлениях о влиянии визуальных медиа и практиках, связанных с ними. Организацию этой логики я создавала на основании теории и методологии морального субъекта, предложенную Мишелем Фуко в его поздних работах, в основе которой лежит такое представление о субъекте, где субъект – это то, что использует определенные инструменты и способы поведения для того, чтобы чего-то достичь⁴⁹.

Теперь я немного подробнее расскажу о том, почему я пользуюсь термином «модель морали», который был предложен Мишелем Фуко⁵⁰.

В своей статье, посвященной поведению ребенка перед экраном, Дж. Бигнелл отмечает: «первичной задачей в обсуждении детей и медиа является определение способов, какими фигура ребёнка, а также функции, эффекты и

⁴⁹ Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007. С.72.

⁵⁰ Фуко М. Использование удовольствий //История сексуальности. Т. 2. СПб.: Академический проект, 2004. С.43.

значение медиа в культуре задается в качестве дискурсивных»⁵¹. Эта первичная задача уже сама по себе делится на два аспекта – понимание того, какой тип дискурса о детстве задан и в контексте какого типа дискурса говорится о медиа. Двойную подоплеку этой первичной задачи, сопровождающей такого рода исследование на всем его протяжении, замечаю и я. И сейчас я попытаюсь переформулировать две эти задачи (о которых Бигнелл говорит в контексте одной первичной) применительно к моральной проблематизации вопроса, которую я изучаю.

Материалом в моей работе выступают не научные дебаты, а то, как работа медиа, сама возможность, а также способы его «влияния» концептуализируются в повседневной практике и способе говорения о медиа. Говоря о «влиянии», понимая определенным образом это «влияние», человек представляет себе некоторый инструмент, при помощи которого оно возникает, и это представление, - даже на уровне официального государственного дискурса, - не обязательно вычитано из корпуса текстов, посвященных media studies или аналитических обзоров, представляющих результаты изучения эскалации агрессии, вызванного медиа. Это представление происходит из практики, в том числе и из практики пользования медиа. Именно её я и пытаюсь описать.

В процессе исследования я поняла, насколько по-разному можно представлять себе медиа и его работу. Можно представлять масс-медиа, например, как «глас Сатаны», как окно в мир, как рупор трансконтинентальных корпораций, как насос, перекачивающий некоторое

⁵¹ (...the primary task in discussing children and media is to determine the ways in which the figure of the child, and the functions, effects, and cultural meaning of the media, are posed as discursiv”) Bignell J. Writing the child in media theory //The Yearbook of English Studies, 2002. P.127.

содержание в сознание зрителя, как набор блюд, которые потребляются индивидом... И это не полный перечень образов, через которые каждый конкретный пользователь медиа представляет то, что происходит в тот момент, когда его взгляд направлен на экран.

И я задаю себе вопрос: каким образом нужно представлять медиа, какую модель или метафору нужно иметь в виду, чтобы предполагать факт вторжения в сферу морали, и способность зрелища деформировать моральное сознание?

В данном случае речь идет о детском сознании. Тем не менее, я имею в виду, что сознание детей, как молчаливых субъектов, конструируется той моральной формой, которая на дискурсивном уровне присуща нашей современной культуре, так как не во все эпохи⁵² и не во всех культурах⁵³ отношение к ребёнку идентично нашему.

Более того, я думаю, что когда тот или иной человек или институция проблематизирует эту повседневную сцену (ребёнок, взирающий на экран), они выступают не только с решением проблемы (запреты, цензура, ограничение, воспитание критического взгляда...), но и с готовой моделью того, как устроена мораль в своем развитии, и что происходит с ней при взаимодействии с медиа. Иными словами, такое обоснование всегда будет иметь в виду, что мораль имеет какую-то конкретную или потенциальную

⁵² Как это следует, например, из исследований Арьеса или Элиаса (Арьес Ф. Ребёнок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 1999.; Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. М.; СПб.: Университетская книга, Т.1. 2001., Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. М.; СПб.: Университетская книга, Т.2. 2001.)

⁵³ Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988.

форму, а жест запрещения будет означать попытку защиты этой формы от деформации и исчезновения (независимо от того, считаем ли мы эту угрозу мнимой или реальной).

И я задаю себе вопрос: что это за модель «Я» и собственного морального сознания, предполагающая возможность деформации посредством медиа?

Задачи, сформулированные Бигнелл, можно вписать и в тот вопрос, который ставит Мишель Фуко в своем методологическом вступлении ко второму тому «Истории сексуальности»⁵⁴. Мишель Фуко предлагает такой способ изучения, при котором процесс познания не распадается на изучение набора разрозненных дискурсов. Речь идет об изучении способа, которым индивид познает (и одновременно конституирует) себя в качестве субъекта морали. Под «способом» я имею в виду такое взаимное расположение и отношение индивида к собственному «Я», при котором происходит его субъективация, в ходе которой он сталкивается с самим собой в качестве субъекта морали. Это такой способ мышления и понимания, который предполагает, что выход за пределы собственного познания невозможен, но если правильным образом применить этот метод изучения, то он совпадет с самой формой изученного. Благодаря этому, можно понять, каким образом современный субъект, которого Фуко называет Субъектом, находящим истину в желании⁵⁵, проблематизируя просмотр медиа, соотносит себя со своим «Я».

⁵⁴ Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. СПб.: Академический проект, 2004. Т. 2.

⁵⁵ Там же С.7.

Для того, чтобы описать такую модель, Фуко предлагает посмотреть на субъекта и его моральную практику в четырех её аспектах:

- 1) «выбор этической субстанции»⁵⁶, то есть понимание того, какая часть индивида (конституированная им же самим) является материалом для этической практики. За счет чего «Я», прежде всего, определяется в качестве морального субъекта? Откуда и из чего происходит его моральное поведение? При помощи какого способа обрисовываются контуры, в которых индивид узнает собственный источник морального поведения?
- 2) «тип подчинения»⁵⁷, каким образом индивид выстраивает свое отношение к правилу для того, чтобы ему следовать, каким способом индивид связывает себя с этим правилом.
- 3) «самовыстраивание этической работы»⁵⁸, тот способ, через который индивид практикует необходимые моральные императивы для того, чтобы трансформировать себя самого в моральный субъект собственного поведения.
- 4) «телеология морального субъекта»⁵⁹, некоторая большая форма – идеальный проект морального субъекта, к которому в своём предельном осуществлении ведёт моральная практика.

⁵⁶ Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Спб.: Академический проект, 2004. Т. 2. С.43.

⁵⁷ Там же С.44.

⁵⁸ Там же С.44.

⁵⁹ Там же С.45.

Таким образом, моральный субъект проходит через непрерывные серии трансформаций, единственным инструментом для осуществления и познания которых является сам субъект. Следы такого путешествия – дискурс моральной проблематизации.

Для того, чтобы описать мой случай, я буду изучать тот способ, при помощи которого индивид понимает, описывает, систематизирует или доказывает вещи, признает доказательства в качестве истинных, а также способ, которым организуются доказательства. Затем я буду изучать саму практику для того, чтобы понять, как сложился такой способ, как он познается и конституируется в своей динамике. Описание того, как он трансформируется, будет отвечать на вопрос о том, как он работает.

Для начала я изучу большую дискурсивную фигуру, в которой искомый способ моральной проблематизации выражается, а затем посмотрю на практики, моральная проблематизация которых, могла выразить этот способ на более общем уровне.

Очертания большой дискурсивной фигуры мне примерно известны. Эта фигура уже была атрибутирована исследователями. Её оригинальный раскручивающийся спиралевидный контур был выявлен западными социологами и назван «моральными паниками»⁶⁰ (moral panics). Я атрибутирую в качестве моральных паник события 2007-2009 гг., связанные с общественной кампанией против мультипликационного канала «2x2» и его влияния на мораль и нравственность детей.

⁶⁰ Освещенный в таких работах, как, например Cohen S. *Folk Devils and Moral Panics*. London and New York: Routledge, 2002.; Critcher Ch. *Moral Panics and the Media*. Milton Keynes, UK: Open University Press, 2003.; Thompson K. *Moral panics*. New York: Routledge, 2005.

По утверждению Кристена Часа теоретический концепт «моральных паник» по результатам своего приложения к событиям публичного дискурса обнажает момент моральной регуляции⁶¹, позволяет увидеть ядро моральной проблемы или в принципе опознать происходящее в качестве морального беспокойства⁶². С попытки описать события 2007-го года, касающиеся дебатов о мультипликации⁶³ и начнется следующая глава.

В самом начале второй главы я выстраиваю линейную ось хронологии – и это, пожалуй, самое большое несоответствие текста тому методу, который предлагает Мишель Фуко. Я отдаю себе в этом отчет. Однако такого рода классификация нужна мне именно для того, чтобы, в конце концов, её разобрать и вновь вернуться к к моральной проблематизации практики.

⁶¹ Critcher Ch. Widening the focus moral panics as moral regulation //British Journal of Criminology. 2009. Т. 49. №. 1. P.17-34.

⁶² Critcher Ch. Moral panic analysis: Past, present and future //Sociology Compass. 2008. Т. 2. №. 4. P. 1127-1144.

⁶³ К похожему кейсам уже применялся теоретический концепт «моральных паник» (например, Barker M. Petley J. Ill effects: The media violence debate. London and New York: Routledge, 2002.)

Глава 2. Пределы моральной проблематизации.

2.1. Хронологические рамки проблематизации

Для начала, я бы хотела отметить несколько ключевых исторических дат, которые тем или иным образом повлияли на практики семейного просмотра визуальных медиа (в основном, речь пойдет о Телевидении).

- 1960-е. Начало развития массового телевидения в Советском Союзе⁶⁴. Телевизионная аудитория растет. Выходит первое постановление, касающееся идейного содержания телепрограмм, а также идеологических задач телевидения⁶⁵. По данным Большой советской энциклопедии к 1970-му году 51 семья из 100 имела дома собственный телевизор, к 1975-му году телевизор имеют 74 семьи из 100⁶⁶. Совместный просмотр телепередач постепенно обретает черты семейной практики. Содержание телепередач полностью регламентируется Главлитом, исключая случаи прямого эфира, доля которого с появлением средств видеозаписи стремительно уменьшается к 1970-м годам.

- конец 1980-х. Сигналы зарубежных радио и телестанций перестают глушиться на территории Советского Союза.

- 1990-й год. Упразднение Главлита.

⁶⁴ Ромашова М. В. От истории анимации к истории детства в СССР: постановка проблемы // Вестник Пермского университета. Серия: История, 2011. № 3–17. С.117.

⁶⁵ Постановление Секретариата ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему улучшению работы радиовещания и телевидения» [Электронный ресурс] // Архив Александра Н. Яковлева URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1026898> (дата обращения: 4.10.17)

⁶⁶ Большая советская энциклопедия (3-е изд.). Т. 24: Кн. 2: Союз Советских Социалистических Республик. 1977. М.: Сов. энциклопедия, 1969—1978. С.269.

- 1991-й год. Выход закона «О средствах массовой информации», статьёй 3 данного закона запрещается цензура. Выход закона, легализовавшего рекламу.

- 1990-е. Частичная децентрализация и коммерциализация телевидения. Рост общей доли телевизионного вещания. Появление новых телеканалов. Появление большого количества иностранных франшиз и импортной продукции в отечественном телеэфире.

- 2003-й год. Появление статьи 282 в уголовном кодексе Российской Федерации, осуждающей некоторые публичные действия, в том числе в средствах массовой информации (телевидении и сети Интернет).

- 2006 год. Вступление в силу закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»

- 12 мая 2008 года. Создание Роскомнадзора.

- Июнь 2008 года. Утверждение новой концепции государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в Российской Федерации и защиты их нравственности.

- 2010 год. Выход Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»⁶⁷.

⁶⁷ Текст федерального закона о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=181927&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.0339708457861978#0> (дата обращения: 14.3.17)

- 23 февраля 2013. Федеральный закон об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака, предусматривающий запрет демонстрации табачных изделий или процесса курения в аудиовизуальной продукции для детей и взрослых.

- 2013 год. Поправки к закону «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», «в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей»⁶⁸.

В 2008-м году намечается серьезный перелом государственной политики по отношению к детскому просмотру медиа. Законопроекты, так или иначе касающиеся этой области, начинают появляться чаще, случаев упоминания о морали и нравственности в этих текстах становится больше. Что происходит в это время? Что обеспечивает этот дискурсивный сдвиг? Для того, чтобы попытаться это объяснить, я хочу воспользоваться теоретическим концептом «моральных паник» (moral panics) и через его призму посмотреть на общественную кампанию, организованную против мультипликационного канала «2x2», начавшего свое вещание 1 апреля 2007-го года⁶⁹.

Кеннет Томпсон, сделавший свой вклад в концептуализацию феномена «моральных паник», выделяет 5 динамических этапов развития этого социального процесса:

⁶⁸ Текст федерального закона о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=181927&fld=134&dst=1000000001.0&rnd=0.0339708457861978#0> (дата обращения: 14.3.17)

⁶⁹ В действительности канал начал свое вещание раньше, но в 2007-м году он пережил ребрендинг и начал транслировать мультипликационную продукцию.

«1. Что-то или кто-то определяется как угроза ценностям или интересам [Something or someone is defined as a threat to values or Interests].

2. Эта угроза изображается медиа в простой для узнавания форме [This threat is depicted in an easily recognizable form by the Media].

3. Стремительно растет общественное беспокойство [There is a rapid build-up of public concern].

4. Возникает отклик со стороны правительства и лидеров мнений [There is a response from authorities or opinion-makers].

5. Паника спадает или её результатом становятся социальные изменения [The panic recedes or results in social changes]»⁷⁰.

Самое важное для меня здесь – это пятый пункт. Моральные паники либо спадают, либо преобразуются в социальные изменения. Такими социальными изменениями, я бы назвала серию последующих законодательных актов, тем или иным образом морально проблематизирующих продукцию для детей.

Стенли Коэн выделяет 7 узнаваемых форм моральных паник, привязанных к конкретным социальным вопросам, возникающих в современном обществе время от времени, среди них: «Секс, насилие и обвинение медиа» [«Sex, violence and blaming the media»]⁷¹. К этой форме я и отношу отечественный кейс 2008-го года. По мнению С. Коэна социальные опасения и страх такого рода довольно часто возникают при столкновении с любыми новыми формами медиа, а ключевую роль в предложении

⁷⁰ Thompson K. Moral panics. New York: Routledge, 2005. P.8.

⁷¹ Cohen S. Moral panics as cultural politics introduction to the third edition // Cohen S. Folk Devils and Moral Panics. London and New York: Routledge, 2002. P.19.

обвинений и раскручивании спирали моральных паник играют медиа старого образца⁷².

Я не думаю, что предметом общественной паники стали конкретные мультфильмы, транслируемые телеканалом («South Park», «Happy Tree Friends» и др.), в которых идейные противники канала не увидели «абсолютно никакого смысла»⁷³. Эти мультфильмы транслировались другими каналами и раньше. На мой взгляд, отторжение и озабоченность российской аудитории в 2007-м вызвала именно новая форма трансляции, которую предлагал канал. Канал «2x2» в том виде, в котором он вышел в эфир в 2007-м году не был похож на знакомую и понятную советскому поколению модель телевизионного медиа. Он и не был похож на иные коммерческие телевизионные каналы для взрослой аудитории в федеральном эфире. Независимый и коммерческий, не транслирующий рекламные или новостные блоки, целиком и полностью состоявший из непрерывного мультипликационного потока западной сатирической мультипликации или абсурдистской анимации в стиле «треш», адресованной молодым взрослым, идентифицирующим себя как «кидалты». В эфире практически отсутствовали какие бы то ни было комментарии или идеологические мнения редакции - просто голый и непрерывный мультипликационный поток.

Стоит отметить и ещё один фактор, который, на мой взгляд, способствовал возникновению моральной кампании 2007-го года. На середину нулевых также приходится форсированная интернетизация и компьютеризация страны, а также появление первых русскоязычных

⁷² Cohen S. Moral panics as cultural politics introduction to the third edition // Cohen S. Folk Devils and Moral Panics. London and New York: Routledge, 2002. P.20.

⁷³ Понкин И.В. Российский телеканал "2x2" демонстрирует мультсериалы, направленные на дискредитацию моральных норм и разрушение нравственных ценностей [Электронный ресурс] // Бывший официальный сайт организации РОСХВЕ (пятидесятников) URL: <http://old.cef.ru/3/a/4331/> (дата обращения: 14.01.17)

социальных сетей⁷⁴. Благодаря сети Интернет голоса маргинальных организаций и групп смогли прозвучать громко и уверенно и, более того, быть услышанными. Так в 2008-м основным действующим лицом, выступившим против дальнейшего вещания телеканала «2x2», оказалась организация «РОСХВЕ» («Российский объединенный союз христиан веры евангельской» - Пятидесятники). В эти события были вовлечены и другие участники, но подробно в этой работе я рассмотрю именно ту модель морали и медиа, которая продвигалась организацией РОСХВЕ, так как экспертизы, проведенные именно этой организацией, легли в основу дальнейшей проблематизации медиа внутри правового поля.

«РОСХВЕ» - это объединение различных церквей пятидесятников и харизматов на территории Российской Федерации. Пятидесятники и харизматы понимают прозелитизм в качестве основной задачи собственной организации и кроме традиционных способов проповеди, они также практикуют проповедь в сети Интернет (например, видеохостинг YouTube), а ранее на кабельных телеканалах. В этом контексте стоит подчеркнуть и их серьезное отношение к феномену коммуникации как таковой. С одной стороны, коммуникация внутри самого союза является критическим фактором состояния его целостности и адаптации, как утверждает Скоробогатова⁷⁵. С другой, коммуникация занимает центральное место и в их религиозных практиках, а также миссионерской деятельности. Для пятидесятников характерна специфическая озабоченность вопросом евангелизации детей и обеспокоенность проблемой правильного воспитания ребёнка. Лункин пишет: «Наличие семьи и соблюдение семейной этики

⁷⁴ Воронкин А. С. Социальные сети: эволюция, структура, анализ // Образовательные технологии и общество, 2014. Т. 17. №. 1. С.655.

⁷⁵ Скоробогатова И. В. Новые тенденции в развитии пятидесятнического движения в России // Вестник Ленинградского государственного университета им. АС Пушкина. 2012. Т. 2. №. 1. С.236.

является фактически необходимым или крайне желательным для члена церкви, так как благополучная и большая семья христианина лучше всего говорит о том, как он служит Богу и как Бог “благославляет” его жизнь»⁷⁶.

Кроме того, правозащитная деятельность и борьба в законодательном поле может пониматься пятидесятниками (в качестве протестантского течения) как часть миссии по преобразованию и евангелизации мира. В связи с обозначенными чертами, которые свойственны этому религиозному сообществу, мне кажется вполне естественным, что именно они выступили первыми *моральными антрепренерами*⁷⁷ внутри общественной кампании, посвященной моральному аспекту медийной коммуникации и защиты детей от влияния медиа.

Что касается строгой хронологии событий, то она выглядит так:

- апрель 2007-го года. Начало теле вещания канала «2x2» в формате мультипликационного потока.

- сентябрь 2007-го года. Первые обращения РОСХВЕ в прокуратуру с требованием приостановить вещание телеканала по причине возможного негативного влияния на детей, а также оскорбления религиозных чувств верующих.

⁷⁶ Лункин Р. Н. евангельские церкви России и общество: реформация для “малой родины” //Современная Европа. 2014 №. 4. С.143.

⁷⁷ ‘moral entrepreneurs’ (В терминах теоретического концепта moral panics: Critcher C. Moral panic analysis: Past, present and future //Sociology Compass. 2008. Т. 2. №. 4. P.1129.)

- 11 февраля 2008 года. Первое заседание Экспертной Комиссии по вопросам нравственности социальной информации РФ (сформирована в 2007-м году согласно официальному сайту⁷⁸)

- 4 март 2008 года. Роскомсвязьохранкультура выносит предупреждение каналу «2x2» по поводу мультфильмов «Приключения Большого Джефа» и «Маленькие лесные друзья», на основании того, что они «пропагандируют культ насилия и жестокости, наносят ущерб здоровью, нравственному и духовному развитию ребенка»⁷⁹.

- 28 марта 2008 года. Общественная дискуссия о нравственности в СМИ в рамках круглого стола: «Закон о СМИ – инструмент давления или гарантия свободы творчества? Практика надзора в сфере телевидения»⁸⁰ в общественной палате РФ.

- 12 мая 2008 года. Указ президента о преобразовании Роскомсвязьохранкультуры в два независимых государственных органа: Роскомсвязьнадзор и Росохранкультуру. В данном виде орган «Роскомсвязьнадзор» стал напрямую подчиняться президенту.

⁷⁸ Официальный сайт экспертной комиссии по вопросам нравственности и социальной информации [Электронный ресурс] / URL: <http://www.nssi.ru/comission.html> (дата обращения: 11.03.2017)

⁷⁹ Россвязьохранкультура выносит предупреждения редакции телепрограммы «Телеканал 2x2» и ЗАО «Телеканал 2x2». 4 марта 2008 года [Электронный ресурс] // официальный сайт РКН / URL: <http://rkn.gov.ru/news/rsoc/news559.htm?print=1> (дата обращения: 4.04.2017)

⁸⁰ Пресс-служба Общественной палаты РФ «Кто эти светочи нравственности и морали?». 28 марта 2008. [Электронный ресурс] // Официальный сайт общественной палаты / URL: <https://www.oprf.ru/press/news/2008/newsitem/1600> (дата обращения: 10.04.17)

- июнь 2008 года. Рассмотрение и утверждение «Концепции Государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в Российской Федерации и защиты их нравственности».

- сентябрь 2008 года. Всероссийское родительское собрание. Обращение РОСХВЕ и Всеобщего родительского собрания к ген. Прокурору Чайке по поводу телеканала «2x2».

- сентябрь 2008 года. Генпрокуратура выносит решение по поводу мультипликации канала «2x2».

Итог: мультфильмы «Happy three friends» и «Приключения большого Джеффа» сняты с телеэфира по решению прокуратуры, так как «демонстрация мультфильмов в доступное для детей время вещания противоречит общепризнанным принципам и нормам международного права, направленным на приоритетную охрану прав и законных интересов детей, их защиту от информации и материалов, наносящих вред их благополучию, здоровью, нравственному и духовному развитию»⁸¹. Телеканал продолжает свое вещание.

РОСХВЕ не оставляют своих попыток приостановить вещание канала, на почве остальных не замеченных прокуратурой претензий (например, «наличие», зафиксированного организацией, так называемого феномена 25-го кадра в некоторых эфирах), однако их попытки не приносят успеха.

Подчеркну, что во всех обращениях РОСХВЕ речь не идет о моральной компенсации для пострадавших, хотя в каждом обращении юристы стремятся доказать глубину и серьезность причиненного морального ущерба.

⁸¹ Цит по. Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям [Электронный ресурс] / URL: <http://www.fapmc.ru/mobile/newsandevents/media/2008/09/item5765.html> (дата обращения: 3.11.2017)

Речь идет о требовании закрыть канал или, по крайней мере, снять продукцию с эфира. В своих обращениях РОСХВЕ претендует на экспертный статус, с одной стороны, в области морали, а, с другой, в области медиа. Наиболее ярко это иллюстрирует ответ пастора Дубровского на вопрос, присланный посетителем сайта в разгар моральных паник 2008-го:

«Как я уже сказал, никакой корысти мы тут не преследуем. Просто у нас тоже есть дети, а кроме того, нам не все равно, что происходит в нашем обществе. <...> Задача Церкви - говорить людям о том, что происходит, почему и что с этим нужно делать»⁸²

Козн пишет, что общественное беспокойство в ходе моральных паник выражается в форме символа, предложенного моральными антрепренерами⁸³, где на первых этапах между антрепренерами может происходить борьба за означивание проблем, угроз и методов решений⁸⁴. Как мне кажется, символом, который был предложен пятидесятниками (и в последствии подхвачен официальным государственным дискурсом) в ходе событий 2007-2009 гг. можно считать ребёнка, сидящего перед телевизором и

⁸² Дубровский М. Объясните пожалуйста, какую выгоду для вас имеет преследование телеканала 2X2? Василий 10 ноября 2008 года [Электронный ресурс] // Бывший официальный сайт организации РОСХВЕ (пятидесятников) URL: <http://old.ccf.ru/140003/14/a/6385/> (дата обращения: 14.01.17)

⁸³ Cohen S. Folk Devils and Moral Panics. London and New York: Routledge, 2002.

⁸⁴ Critcher Ch. Moral Panics and the Media. Milton Keynes, UK: Open University Press, 2003. P.17.

приобщающегося к «антиценностям»⁸⁵ (в терминологии самих пятидесятников⁸⁶):

«Итак, вернувшись из школы домой, предоставленные самим себе, пока родители добывают «хлеб насущный», миллионы детей и подростков замирают у экранов... И телеканал 2х2 предлагает им «веселенькие» мультфильмы»⁸⁷

Почему эта ситуация демонстрируется церковью как угрожающая? Почему эта ситуация демонстрируется как та, что требует немедленного решения, причем на законодательном уровне? Я начну с того, что попытаюсь понять, как устроено медиа, точнее, как оно понимается авторами этих текстов. В контексте обращений РОСХВЕ, внутри тех метафор, которые они используют для описания работы медиа, человек, смотрящий телевизор, совместно с экраном как таковым превращаются в систему сообщающихся сосудов, а изображение, транслируемое по телеканалу «2х2», принимает форму нечистых или устрашающих субстанций: «грязь», «потoki крови», «потoki религиозной ненависти» (чаще всего «поток» чего бы то ни было), которые закачиваются в индивида:

⁸⁵ Час Критчер называет подобные случаи, имевшие место в Англии и США - 'media violence' (Cricher C. Moral panic analysis: Past, present and future //Sociology Compass. 2008. Т. 2. №. 4. P.1135.)

⁸⁶ Понкин И.В. Российский телеканал «2х2» демонстрирует мультсериалы, направленные на дискредитацию моральных норм и разрушение нравственных ценностей [Электронный ресурс] // Бывший официальный сайт организации РОСХВЕ (пятидесятников) URL: <http://old.cef.ru/3/a/4331/> (дата обращения: 14.01.17)

⁸⁷ Бендас К.В. Открытое обращение РОСХВЕ с требованием закрыть экстремистский телевизионный канал - 2х2- 1 сентября 2008 [Электронный ресурс] // Бывший официальный сайт организации РОСХВЕ (пятидесятников) URL: <http://old.cef.ru/3/a/6056/> (дата обращения: 14.01.17)

*«На данном телеканале через мультипликационные фильмы круглосуточно идет **массированная накачка (выделено мной – А.С.)** сознания несовершеннолетних идеологией разврата и других пороков, безжалостности и жестокости, пропагандой гомосексуализма, религиозной ненависти и нетерпимости»⁸⁸*

Человек пассивен по отношению к экрану и всегда открыт его влиянию, и это касается не только ребёнка, но и взрослого:

*«В тех случаях, когда взрослый человек может переключить канал одним нажатием кнопки, считая для себя **неэтичным (выделено мною – А.С.)** смотреть ту или иную программу, ребенок или подросток в силу любопытства и отсутствия твердых убеждений не выключит передачу, не зная о ее губительном воздействии»⁸⁹*

Таким образом, предполагается наличие и необходимость некоторой этики просмотра. Некоторой формы моральной практики по отношению к этому процессу. А ребёнок ещё не может ей овладеть, потому что не обладает достаточным количеством сведений о том, что может быть “губительным” в момент, когда он открывает себя экрану.

Опознать губительное не просто. Во-первых, потому что это требует от индивида очень устойчивого понимания, что есть хорошее, а что есть дурное. Во-вторых, это дурное может не узнаваться с легкостью, потому что оно способно соблазнять. Соблазнение здесь понимается как способность дурной

⁸⁸ Ряховский С.В., Столяр В.Д., Окара П.Н., Сипко Ю.К. Обращение Консультативного совета глав протестантских церквей к генпрокурору РФ по поводу закрытия канала "2x2" 11 марта 2008 года [Электронный ресурс] // Бывший официальный сайт организации РОСХВЕ (пятидесятников) URL: <http://old.cef.ru/3/a/5134/> (дата обращения: 14.01.17)

⁸⁹ Манкина И. Не превращайте дом в Содом! 3 марта 2009 [Электронный ресурс] // Бывший официальный сайт организации РОСХВЕ (пятидесятников) URL: <http://old.cef.ru/3/a/7178/> (дата обращения: 14.01.17)

субстанции переходить в незащищенного, открытого экрану зрителя, под личиной приемлемого и нормативного:

«Транслировавшиеся каналом «2х2» серии мультфильма «Южный парк» в российском эфире не раз содержали скрытую (выделено мной – А.С.) и явную пропаганду гомосексуализма и педофилии как нормы сексуальных отношений, пропаганду асоциального образа жизни, многочисленных пороков»⁹⁰

Существуют также уловки и хитрости, некоторое «скрытое» от глаза содержание, которое будучи неузнанным, напрямую «вкачивается» в индивида, который сидит перед экраном. Так в последних обращениях РОСХВЕ настаивает на наличии «эффекта 25-го кадра» в контенте телеканала «2х2» и его губительном влиянии на зрителя:

«Выявленные факты использования так называемого 25-го кадра в телеэфире канала 2х2 31 августа и 7 сентября 2008 года, были тщательно исследованы привлеченными экспертами, которые убедительно доказали, что эти краткосрочные вставки по 1-3 кадра носят крайне деструктивный характер, направлены на индуцирование психозов и эскалацию жестокости зрителей...»⁹¹

То есть для сопротивления транслирующемуся пороку не всегда достаточно зрелости и этического решения выключить телевизор, по мнению

⁹⁰ Бендас К.В. Засилье безнравственных образов на ТВ - главная угроза российскому обществу и Российскому государству 22 сентября 2007 [Электронный ресурс] // Бывший официальный сайт организации РОСХВЕ (пятидесятников) URL: <http://old.cef.ru/5/a/5549/> (дата обращения: 14.01.17)

⁹¹ Бендас К.В. Открытое заявление российского объединенного союза христиан веры евангельской (пятидесятников) от 27.11.2008г. [Электронный ресурс] // Бывший официальный сайт организации РОСХВЕ (пятидесятников) URL: <http://old.cef.ru/3/a/6529/> (дата обращения: 14.01.17)

РОСХВЕ, пороку свойственно проникать в индивида мгновенно, ещё до того, как он успевает это осознать и разобраться в том, что смотрит на дурное, выключит телевизор и спрячет себя от потока, который наполняет его дурным и грязным. В сущности, индивид незащищен перед соблазном такого рода и ещё более незащищен его ребёнок. Единственное средство предотвращения морального кризиса в этой ситуации – это предоставление возможности никогда не смотреть на порок, отторжение самого канала коммуникации, по которому поступает поток, несущий угрозу:

«Насколько бы стало чище дышать на нашей Родине, (выделено мной – А.С.) если бы все руководство телепрограммы «Телеканал “2х2”» по собственному почину добровольно эмигрировало бы в полном составе куда-нибудь на необитаемый остров и там предавалось вдали от приличных людей своим гадким утехам, а не пачкало ими информационное пространство»⁹²

Несмотря на наличие лексики, которая могла бы быть отнесена к религиозному типу дискурса, различного в текстах кампании (например, «теле-рупор сатанизма»⁹³), моральная субстанция предстает в виде вполне секулярной категории «сознания», а её описание или описание влияния медиа часто стилизовано под биомедицинский дискурс:

⁹² Бендас К.В. Открытое обращение РОСХВЕ с требованием закрыть экстремистский телевизионный канал - 2х2- 1 сентября 2008 [Электронный ресурс] // Бывший официальный сайт организации РОСХВЕ (пятидесятников) URL: <http://old.cef.ru/3/a/6056/> (дата обращения: 14.01.17)

⁹³ Бендас К.В. Открытое обращение РОСХВЕ с требованием закрыть экстремистский телевизионный канал - 2х2- 1 сентября 2008 [Электронный ресурс] // Бывший официальный сайт организации РОСХВЕ (пятидесятников) URL: <http://old.cef.ru/3/a/6056/> (дата обращения: 14.01.17)

«Для ребенка этого возраста характерна спонтанная способность к запечатлению и длительному сохранению визуальных и др. образов - так называемое "последствие" (выделено мною – А.С.), т.е. если на чистое детское сознание, как на фотопленку попадает образ, вызвавший у ребенка эмоциональный отклик (радость, испуг, потрясение и пр.), то он имеет силу сохраняться и воздействовать в течение длительного времени, иногда всю жизнь»⁹⁴

Ребёнок при взаимодействии с медиа становится частью большого оптического аппарата, где медиа экран оказывается объективом, а работа морали ребёнка выражается при помощи метафоры визуального характера (фотоплёнка).

Иными словами, в этих текстах представлена такая модель морали, при которой моральной субстанцией оказывается «сознание» индивида, это «сознание» представляется некоторым внутренним местом - вместилищем для образов. Внутри представлений о такой морали эти образы способны в дальнейшем формировать ценностную программу индивида. Образы могут внедряться, перекачиваться и поступать в сознание без ведома самого индивида. Практикой, связанной с этой моральной субстанцией оказывается сохранение чистоты сознания - запоминание, сохранение и восприятие только тех образов, которые являются «чистыми». Их «чистота» воплощена как в прямом смысле своего значения - то есть речь идет о изображении, которое не напоминает грязь (на экране нет «потокров крови», «фекалий» и т.д.), так и в метафорическом значении, которое свойственно религиозному дискурсу. Согласно Мэри Дуглас, изучившей вопрос чистоты и опасности

⁹⁴ Абраменкова В.В., Понкин И.В. Российский телеканал "2x2" демонстрирует мультсериалы, направленные на дискредитацию моральных норм и разрушение нравственных ценностей, 29 ноября 2007 года [Электронный ресурс] // Бывший официальный сайт организации РОСХВЕ (пятидесятников) URL: <http://old.cef.ru/3/a/4331/> (дата обращения: 12.03.17)

внутри религиозных представлений, чистое – это то, что не содержит двойственности, что-то, что не пересекает и не включает в себя границы сред, мыслимых как раздельные: «когда нечто с уверенностью классифицируется как отклонение, то тем самым очерчивается совокупность, к которой это нечто не может принадлежать»⁹⁵. В этом смысле такое явление как «мультфильм для взрослых» уже содержит в себе некоторую амбивалентность и наводит на подозрение в нечистоте.

Здесь некоторым образом намечается моральная телеология кампании – то есть та большая форма, к которой должно вести моральное поведение пятидесятников – я вижу эту телеологию в проекте консолидации. Они призывают *«каждого гражданина, воспринимающего себя ЧЕЛОВЕКОМ, а не палкой в телерейтинге, уважающего себя и не считающего свое человеческое достоинство ничтожной безделицей»*⁹⁶, объединяться для того, чтобы выразить своё отторжение телеканалу - его продукции и его руководству (в форме отключения канала на домашнем телевизоре, публичного осуждения, жалоб в прокуратуру). Это призыв-поиск к тем индивидам, с которыми удастся слиться в коллективном стремлении к образованию общей моральной формы.

На ином уровне эта модель воспроизводится самим объединением РОСХВЕ, церкви которого действительно очень различны по своим религиозным доктринам.

В ходе кампании официальные обращения пятидесятников несколько раз меняют свой регистр обращения (переходя от просьб к требованиям, а затем возвращаясь к просьбам), адресата и характер призыва, а также транслируют определенное настроение и авторефлексию по поводу

⁹⁵ Дуглас М. Чистота и опасность. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково Поле, 2000. С.68.

⁹⁶ Бендас К.В. Открытое обращение РОСХВЕ с требованием закрыть экстремистский телевизионный канал - 2x2- 1 сентября 2008 [Электронный ресурс] // Бывший официальный сайт организации РОСХВЕ (пятидесятников) URL: <http://old.ccf.ru/3/a/6056/> (дата обращения: 14.01.17)

поведения участников и успеха самой организации. Так на сайте опубликована статья с описанием общественной кампании и полной хронологии событий с подписью в конце: «продолжение следует...»⁹⁷. Вероятно, события 2007-2009 гг. переживались сообществом наподобие драматического противостояния, с присущим ему моментами разобщения и сплочения.

Эта форма воспроизводится и структурными трансформациями внутри самого союза пятидесятнических и харизматических церквей. Укрепление внутреннего и внешнего статуса организации, превращение номинального объединения в реальную структуру с некоторыми элементами духовных иерархий внутри самого объединения⁹⁸ хронологически совпадают с разгаром общественной кампании.

⁹⁷ Духовные рейдеры против нравственности. Краткая справка по ситуации вокруг телеканала «2х2». Часть 1 6 октября 2008 года [Электронный ресурс] // Бывший официальный сайт организации РОСХВЕ (пятидесятников) URL: <http://old.cef.ru/3/a/6175/p/1/> (дата обращения: 14.01.17)

⁹⁸ Амбарцумов И. В. Пятидесятнические и харизматические группы Санкт-Петербурга и Ленинградской области // Вестник ленинградского государственного университета им. АС Пушкина. 2016. №. 1. С.167.

2.2. Средства проблематизации

В разгар моральной кампании против мультипликационного канала «2x2», создается «Концепция Государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в Российской Федерации и защиты их нравственности»⁹⁹ (принята в июне 2008-го года). Я могу отнести появление этого документа к более широкому витку моральных паник¹⁰⁰ по поводу детского медиа досуга.

В рамках этой концепции проблематизируются разные формы соприкосновения несовершеннолетних с разными институциональными сферами. В основном, речь идет о четырех сферах: образование, религия, медицина и потребление. На более общем уровне эта концепция выдвигает проект новых аспектов проблематизации такого объекта, как «ребёнок» в юридической сфере. Этот текст предлагает способ разработки, а подчас уже и готовую канву новых законопроектов, касающихся способа присутствия «ребёнка» в таких типах юридического дискурса, которые очерчивают образование, религию, медицину и потребление.

Концепция предусматривает, в том числе, разработку и фиксирование правовых норм, касающихся содержания и трансляции визуальной продукции, которая может попасть в сферу детского потребления. Как отмечено в стенограмме парламентских слушаний Государственной Думы по

⁹⁹ Понкин И.В., Юрьев Е.Л., Елизаров В.Г., Абраменкова В.В., Пристанская О.В., Коровина Ю.В., Соловьев А.Ю., Халтурина Д.А., и др. Концепция государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в Российской Федерации и защиты их нравственности (02.06.2008) [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал Государство и религия URL: <http://www.state-religion.ru/index.php?p=post&id=14> (дата обращения: 13.03.17)

¹⁰⁰ К. Томпсон отмечает, что моральные паники имеют спиральную структуру (Thompson K. Moral panics. New York: Routledge, 2005.)

вопросам семьи, женщин и детей, 2 июня 2008 года, эта концепция была разработана комиссией по социальной и демографической политике Общественной палаты Российской Федерации¹⁰¹. Среди субъектов, одоббивших и подписавших документ – эта информация представлена в самом тексте - находятся эксперты в сфере судебной психологии (начальник психологической службы Генеральной прокуратуры Российской Федерации В.В. Глибовец), педагогики, юриспруденции (в области права и безопасности) и религии (старший преподаватель В.А. Чернушевич православного Свято-тихоновского гуманитарного университета, кафедра социальной и педагогической психологии)¹⁰². Это и иллюстрирует некоторую закономерность поля присутствия, которое очерчено в документе.

Некоторой сферой отсутствия в этих документах является сам дискурс потребления, который не представлен экспертами из этой области. На похожих правах существует в тексте и сфера медицины, - несмотря на тип письма, который опознается мною, как биомедицинский дискурс, - эта сфера артикулируется только от лица юристов, педагогов, психологов и религиозных экспертов.

В числе авторов законопроекта я встречаю двух знакомых мне персон – юриста И. В. Понкина и психолога В. В. Абраменкову, чьи экспертизы

¹⁰¹Стенограмма парламентских слушаний Комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей на тему: «О концепции государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в РФ и защите их нравственности» [Электронный ресурс] // официальный сайт Всероссийского союза общественных объединений, действующих в интересах детей URL: <http://www.detirossii.ru/13124.php> (дата обращения: 13.03.17)

¹⁰² Понкин И.В., Юрьев Е.Л., Елизаров В.Г., Абраменкова В.В., Пристанская О.В., Коровина Ю.В., Соловьев А.Ю., Халтурина Д.А., и др. Концепция государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в Российской Федерации и защиты их нравственности (02.06.2008). Ч.1. С.64-65 [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал Государство и религия URL: <http://www.state-religion.ru/index.php?p=post&id=14> (дата обращения: 13.03.17)

мультипликационной продукции за год до принятия концепции были приложены к обращениям в прокуратуру, составленных РОСХВЕ.

В основе концепции находится такое понимание морали, при котором мораль понимается как субстанция способная к деформации, причем, «необратимой»:

«общество вплотную приблизилось к грани, за которой могут последовать необратимые процессы духовно-нравственной и физической деградации, фактического вырождения российского народа»¹⁰³.

Авторы концепции и сторонники необходимости её применения исходят из предпосылки «системного духовно-нравственного кризиса»¹⁰⁴, в котором, на момент составления текста, по их мнению, находится такая общность, как «нация». «Причинами»¹⁰⁵ и одновременно «факторами»¹⁰⁶ духовно-нравственного кризиса авторы называют, например, статистические данные, касающиеся:

- употребления подростками наркотических веществ, алкоголя и табака и снижения возраста знакомства с ними
- самоубийств среди подростков
- криминализации детской среды

¹⁰³ Понкин И.В., Юрьев Е.Л., Елизаров В.Г, Абраменкова В.В., Пристанская О.В., Коровина Ю.В., Соловьев А.Ю., Халтурина Д.А., и др. Концепция государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в Российской Федерации и защиты их нравственности (02.06.2008). Ч.1. С.12 [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал Государство и религия URL: <http://www.state-religion.ru/index.php?p=post&id=14> (дата обращения: 13.03.17)

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же Ч.2. С.71.

¹⁰⁶ Там же.

- количества аборт, которые производят женщины (в оригинальном документе - “девушки”¹⁰⁷), не достигшие 19-ти летнего возраста.

Некоторые из этих признаков напрямую связаны со сферами потребления определенных услуг (аборт) или товаров (алкоголь, табак). Иные, такие как самоубийства или криминализация детской среды, в нескольких местах документа также косвенно связываются с потреблением товаров или услуг, примерно таким образом:

*«Весной 2008 года в столице Коми на городском кладбище шестнадцатилетняя девушка- “готесса” повесилась на кресте. Задумав уйти из жизни, юная сыктывкарка поделилась своим намерением с подругами, но ни родители, ни учителя даже не подозревали о ее мрачных мыслях. Найдя в **Интернете** (выделено мною – А. С) информацию о том, как гот может “**красиво**” (выделено мною – А. С.) расстаться с этим миром, она выполнила описанный в **Интернете** ритуал»*

Проблематизируется потребление видов некоторых услуг в ненадлежащем возрасте, как в случае с «девушкой», которая делает аборт ещё до наступления девятнадцатилетия. Слово «девушка» здесь не привязано к такому пониманию женской идентичности, которое подразумевает инициацию и переход в новый статус в сфере сексуальной жизни. В этом построении проблематизируется как сам «аборт», в качестве аморального поведения, так и наличие сексуального опыта, несоответствующего возрастному статусу субъекта. Услуги или товары проблематизируются в

¹⁰⁷ Понкин И.В., Юрьев Е.Л., Елизаров В.Г, Абраменкова В.В., Пристанская О.В., Коровина Ю.В., Соловьев А.Ю., Халтурина Д.А., и др. Концепция государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в Российской Федерации и защиты их нравственности (02.06.2008). Ч.1. С.13 [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал Государство и религия URL: <http://www.state-religion.ru/index.php?p=post&id=14> (дата обращения: 13.03.17)

качестве звеньев причинно-следственной цепи, которая ведёт к аморальному поведению.

Наконец, проблематизируется само потребление в контексте капитала и законов рынка:

*«Быстрый и масштабный рост с 90-х годов прошлого столетия **незаконных рынков** (выделено мною – А.С.) наркотических средств и порнографии привели к появлению предпринимателей, зарабатывающих на порнографии, проституции, приучении детей к повседневному **употреблению** (выделено мною – А. Ю.) алкогольной продукции, растлении детей посредством систематической демонстрации продукции, пропагандирующей жестокость, безнравственность, и **культу** **потребления продукции средств массовой информации** (выделено мною – А. С.)»*

В качестве признака духовно-нравственного кризиса рассматриваются и статистические данные опросов. Данные опросов демонстрируются в виде цветных таблиц, рисунков и графиков. Эти рисунки призваны продемонстрировать разницу ценностной ориентации младшего и старшего поколения, а также склонность тех и других осуждать те или иные явления (от употребления наркотиков до гомосексуальности, измены Родине и безбилетного проезда)¹⁰⁸. На визуальном уровне пиковым показателем в этих графиках и своеобразной точкой отсчета является опыт «старшего поколения». Признаком духовно-нравственного кризиса также видится потеря смысла и былого значения понятий, свойственных советским

¹⁰⁸ Понкин И.В., Юрьев Е.Л., Елизаров В.Г., Абраменкова В.В., Пристанская О.В., Коровина Ю.В., Соловьев А.Ю., Халтурина Д.А., и др. Концепция государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в Российской Федерации и защиты их нравственности (02.06.2008). Ч.2. С.79-81 [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал Государство и религия URL: <http://www.state-religion.ru/index.php?p=post&id=14> (дата обращения: 13.03.17)

практикам говорения о нравственности и морали:

*«...значительная часть **молодежи** (выделено мною – А. С.) выражает желание покинуть Родину и считает, что такие понятия, как «воинская честь» и «военная доблесть» лишены смысла и ушли в прошлое. **За последние 15 лет** (выделено мною – А.С.) в общественном сознании обесценивались такие понятия, как “нравственность”, “долг”, “совесть”, “патриотизм”»¹⁰⁹*

Среди главных причин-факторов этого кризиса фигурирует влияние медиа: *«нельзя не учитывать, что современный ребенок живет в информационном обществе, **подвергается влиянию** (выделено мною - А.С.) множества современных стремительно развивающихся информационных и коммуникационных технологий. Семья, родители не всегда способны выиграть **конкуренцию** (выделено мною - А.С.) с той информационной средой, в которой растет и воспитывается их ребенок»¹¹⁰*

Медиа понимаются в качестве среды, в которую погружен ребёнок.

Медиа внутри этой концепции представлены в форме «потока», производящего риски («...минимизировать вредное влияние информационных потоков за счет навыков **самоорганизации, самовоспитания...**»¹¹¹). Медиа выступают в качестве активного субъекта, который находится в состоянии конкуренции с членами семьи за воспитание ребёнка. Медиа конкурируют,

¹⁰⁹ Понкин И.В., Юрьев Е.Л., Елизаров В.Г., Абраменкова В.В., Пристанская О.В., Коровина Ю.В., Соловьев А.Ю., Халтурина Д.А., и др. Концепция государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в Российской Федерации и защиты их нравственности (02.06.2008). Ч.2. С.93 [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал Государство и религия URL: <http://www.state-religion.ru/index.php?p=post&id=14> (дата обращения: 13.03.17)

¹¹⁰ Там же С.112.

¹¹¹ Там же С.103.

медиа воспитывают ребёнка, нарушая преемственность ценностей, характерных для поколения родителей, медиа “воюют” с родителями, угрожая моральной конституции ребёнка.

Законодательные действия (ограничение трансляции тех или иных изображений или сообщений, присвоение продукции информационных знаков, предупреждающих о содержании продукции), предусмотренные авторами концепции, понимаются как моральный жест защиты:

«Разгул насилия, разврата, бездуховности, попрания традиционных человеческих ценностей приобретает характер “невидимой” “войны” (выделено мною - А.С.) против человека и человечности. Выиграть эту “войну” можно только при одном условии – разработки государственной информационной политики в отношении детей...»¹¹²

Модель морали, которая в тексте законопроекта рефлексирована как нормативная, парадоксальным образом зациклена на фигуре ребёнка. Угрожающие образы, описываемые концепцией, могут принимать такие формы: ребёнок, развращенный экраном. Ребёнок – преступник. Ребёнок, развращающий ребёнка. Ребёнок, который делает аборт, то есть ребёнок, убивающий ребёнка. Ребёнок в этом перечне угроз является центральной ценностью и одновременно угрозой для нормативной системы ценностей. В центре этой системы ценности стоит он сам как объект и субъект желания, так как львиная доля обозначенных рисков является «платой» за потребление - чье-то или его собственное.

Уточню, что в тексте этого дискурсивного типа моральная телеология, как и моральная субстанция определяется именно для коллективного

¹¹² Понкин И.В., Юрьев Е.Л., Елизаров В.Г., Абраменкова В.В., Пристанская О.В., Коровина Ю.В., Соловьев А.Ю., Халтурина Д.А., и др. Концепция государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в Российской Федерации и защиты их нравственности (02.06.2008). Ч.2. С.112 [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал Государство и религия URL: <http://www.state-religion.ru/index.php?p=post&id=14> (дата обращения: 13.03.17)

субъекта. Такого коллективного субъекта, который будет сильным и «самостоятельным»¹¹³:

«Именно на основе прочного духовно-нравственного и культурного фундамента складывается устойчивый менталитет нации, обеспечивающий ее историческую жизнеспособность (выделено мной – А.С.). Нация, утратившая свою духовно-нравственную, национально-культурную идентичность, оказывается беззащитной перед вызовами истории»¹¹⁴.

Внутри задач концепции, на мой взгляд, довольно четко обозначено желание создания национального коллектива, живущего одними и теми же ценностями, то есть такого морального субъекта, который сможет себя узнать посредством консолидации. Для осуществления этой программы проект предполагает воспитание нового поколения детей в русле:

«традиционных для России семейных ценностей, нравственных представлений о браке и семье, установки на создание полной, состоящей в законном браке, семьи с двумя и более детьми, как социальной нормы, ответственного отцовства и ответственного материнства, убежденности в необходимости сохранения супружеской верности, полоролевой идентичности юношей как будущих мужей и отцов, защитников семьи и Отечества, девушек – как будущих жен и матерей,

¹¹³ Понкин И.В., Юрьев Е.Л., Елизаров В.Г., Абраменкова В.В., Пристанская О.В., Коровина Ю.В., Соловьев А.Ю., Халтурина Д.А., и др. Концепция государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в Российской Федерации и защиты их нравственности (02.06.2008). Ч.1. С.15 [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал Государство и религия URL: <http://www.state-religion.ru/index.php?p=post&id=14> (дата обращения: 13.03.17)

¹¹⁴ Там же С.9.

способных передать своим детям нравственные ценности и семейные традиции»¹¹⁵.

Мужчине предлагается соотносить себя с такой идентичностью, где моральный субъект должен оказаться защитником ценностей и женщины с детьми, а также национальной общности. А женщине предлагается узнать себя в такой идентичности, где моральный субъект – это тот, кто рождает детей, которым будут переданы определенные (традиционные) ценности. Те ценности, которые будущие дети будут либо защищать, либо передавать детям, которых они родят, и так далее. То есть семья понимается как медиум, который обслуживает ценности, основным содержанием которых оказывается сама медиальная функция семьи - государству здесь уделена роль некоторого посредника, который сможет запустить эту цепочку преемственности.

Меры преодоления кризиса, предложенные авторами концепции - это меры, которые главным образом направлены на преодоление состояния дискommunikации. Дискommunikацией я называю такое положение вещей, когда утрачивается преемственность ценностей в силу того, что плохо работает медиум, в данном случае семья, которая обретает сходство с другими медиа, например, электронными, визуальными. Этот медиум понимается как работающий плохо, потому что: либо не может породить и вырастить преемника, либо не может воспитать преемника, который будет компетентен, чтобы нести нравственную информацию дальше. А сообщение, которое передается этим медиумом не может быть принято также и в силу того, что его форма перестала быть очевидной. Как иначе трактовать

¹¹⁵ Понкин И.В., Юрьев Е.Л., Елизаров В.Г., Абраменкова В.В., Пристанская О.В., Коровина Ю.В., Соловьев А.Ю., Халтурина Д.А., и др. Концепция государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в Российской Федерации и защиты их нравственности (02.06.2008). Ч.1. С.18 [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал Государство и религия URL: <http://www.state-religion.ru/index.php?p=post&id=14> (дата обращения: 13.03.17)

рефлексию авторов концепции по поводу того, что некоторые словосочетания перестали иметь смысл, свойственный их «бывшему употреблению»¹¹⁶? Означает ли сама возможность рефлексировать об утрате смысла то, что этот смысл частично утрачен и для самого рефлексирующего? Единственное, что доподлинно и точно известно по поводу этих ценностей это лишь то, что их необходимо передать, подобно тому как, если бы из поколения в поколение передавалась закрытая шкатулка, но в какой-то момент было забыто, что конкретно в ней лежит и единственное очевидное значение этой шкатулки теперь состояло в необходимости её передавать из поколения в поколение.

Известно также из текста «Концепции...» то - и из этой предпосылки она исходит, - что состояние дискоммуникации (то, как я интерпретирую «моральный кризис») ослабляет коллективный субъект, ведёт его к деградации, зависимости и регрессу. Такое состояние коллективного субъекта я буду интерпретировать через понятие «болезнь». Тем более, что медиализация морального кризиса прослеживается и в самом тексте концепции:

«В настоящее время общее количество детей, имеющих необратимые аномальные отклонения в области духовно-нравственного, психического и (или) физического здоровья или неспособных по тем или иным причинам к социальной адаптации, достигло критического уровня, за которым накапливаемый государством экономический потенциал окажется

¹¹⁶ Этим словосочетанием Сергей Ушакин описывает такое состояние постсоветского дискурса, когда он стремится выразить себя в советских терминах, но сталкивается с ситуацией «дискурсивного паралича» и «афазии» (Ушакин С. Бывшее в употреблении: Постсоветское состояние как форма афазии //Новое литературное обозрение, 2009. №.100)

лишенным необходимого для его успешной реализации количества полноценных работников»¹¹⁷.

Симптомами этого вида болезни являются аморальные поступки. Среди причин, которые вызвали состояние нездоровья оказываются масс-медиа, транслирующие неверные ценности, подменяющие истинный медиум (семью) или дискредитирующие и лишаящие смысла ценности, необходимые для воспроизводства и усиления коллективного субъекта.

Я не забыла, что предметом моего рассмотрения является вовсе не медицина, но определенная модель морали. Эта модель морали предполагает, что только в состоянии здоровья коллективный субъект не совершает аморальных выборов или поступков, поэтому моральную субстанцию, предлагаемую для этой коллективной модели морали, я могла бы определить как *здоровье коллективного субъекта*.

Эта государственная концепция предлагает разработать и принять несколько законопроектов, касающихся сферы образования и медиа – некоторые из них будут приняты впоследствии, тексты других законопроектов в измененном виде войдут в законодательство РФ. Так проект закона «О защите детей от информационной продукции, причиняющей вред их здоровью и развитию» почти в дословном виде будет реализован в 2010-м год¹¹⁸. В качестве поправки к нему в 2013-м году войдут устойчивые

¹¹⁷ Понкин И.В., Юрьев Е.Л., Елизаров В.Г, Абраменкова В.В., Пристанская О.В., Коровина Ю.В., Соловьев А.Ю., Халтурина Д.А., и др. Концепция государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в Российской Федерации и защиты их нравственности (02.06.2008). Ч.2. С.99 [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал Государство и религия URL: <http://www.state-religion.ru/index.php?p=post&id=14> (дата обращения: 13.03.17)

¹¹⁸ Текст федерального закона о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=181927&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.0339708457861978#0> (дата обращения: 14.3.17)

выражения, такие как «пропаганда гомосексуализма», «нетрадиционные сексуальные отношения», использованные в других местах текста концепции.

Невзирая на то, сколько раз в тексте концепции и в последующих законах было произнесено словосочетание «традиционные ценности» значение этого словосочетания никогда не превосходило функции закрытой шкатулки, о содержании которой все помнят только то, что его необходимо передавать. «Традиционные ценности» не тождественны морали традиционного общества, утраченной вместе с его прагматикой. Для короткого, но необходимого объяснения я воспользуюсь описанием традиционного общества, которое предлагает Макинтайр в своей работе «После добродетели»¹¹⁹. В терминологии Макинтайра это общество называется героическим, что освобождает меня от необходимости употреблять слово «традиционное», чтобы не вспоминать лишний раз о шкатулке и необходимости её передавать.

В таком обществе, по мнению Макинтайра, всякий знает своё место¹²⁰, так как «мораль и социальная структура в таком обществе - это одно и то же»¹²¹, а необходимость занимать собственное место не нуждается в моральной аргументации или в дополнительном напоминании о том, что есть хорошо, а что есть плохо. Последнее Макинтайр называет эмотивистским пониманием морали, которое видится ему одним из признаков исчезновения морали в той форме, которая присуща героическому обществу¹²². Согласно Макинтайру, эмотивизм, претендующий на объяснение морали в качестве

¹¹⁹ Макинтайр А. После добродетели. М.: Академический проект, 2000.

¹²⁰ Там же С.167.

¹²¹ Там же С.169.

¹²² Там же С.29.

теории значения, понимает моральную установку как эмоциональную оценку по отношению к моральному императиву – «это есть хорошо», «ура этому!»¹²³ Вместе с тем, мораль героического общества по Макинтайру не представляет набора разрозненных установок и не предполагает их эмоциональную оценку, она представляется скорее цельной системой, в которой добродетель индивида выражает коллективную необходимость, а сама мораль состоит в деянии, но не в одобрении индивидом некоторой ценности.

Та модель морали, на которую ориентирована Концепция 2008-го года и принятый в 2010-м году закон, который ввёл в нормативное поле объект: «информационная безопасность ребёнка», на мой взгляд, отчасти демонстрирует нечто, сходное с эмотивистским пониманием морали. То есть имеет в виду такой тип подчинения правилу, содержанием которого оказывается одобрение или осуждение тех или иных ценностей.

¹²³ *Макинтайр А.* После добродетели. М.: Академический проект, 2000. С.20.

2.3. Модели «защиты» от визуальных медиа

Федеральный закон 2010-го года – «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию» - предлагает модель защиты ребёнка от влияния медиа. Ключевыми терминами закона 2010-го года являются «информационная безопасность» и «вред здоровью». «Информационная безопасность» трактуется так:

«состояние защищенности детей, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда их здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию»¹²⁴.

Законопроект не делает никаких различий между здоровьем, физическим, психическим, духовным и нравственным развитием, так как нигде не указано, что чему и как конкретно вредит. То есть вред для здоровья, психики, духовности и нравственности проблематизирован по одной и той же модели. Взгляд на нечто небезопасен до достижения определенного возраста, так как он равен риску получения вреда в одной или в нескольких из этих областей.

Закон исходит из такой предпосылки, что демонстрация ценностей, которые представляются концепцией в качестве нормативно-позитивных, а также ограждение детей от демонстраций, которые отрицательно репрезентируют эти ценности будут способствовать нормативно-позитивному формированию морального субъекта. Так, к продукции,

¹²⁴ Текст федерального закона о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=181927&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.0339708457861978#0> (дата обращения: 14.3.17)

разрешенной к показу детям, достигшим 6 лет, в законе 2010-го года отнесены, например, следующие изображения:

*«не побуждающие к совершению антиобщественных действий и (или) преступлений эпизодические изображение или описание этих действий и (или) преступлений при условии, что не обосновывается и не оправдывается их допустимость и выражается отрицательное, осуждающее отношение к лицам, их совершающим»*¹²⁵

Моральная субстанция выносится за пределы субъекта и его личной трактовки изображения или текста – моральная субстанция формируется из взгляда на одобрение или осуждение – одобрение или осуждение экрана становится тождественным одобрению или осуждению индивида, который на него смотрит. Сами же категории одобрения или осуждения, «отрицательного» и «положительного» не нуждаются в отдельном комментарии или объяснении, так, как если бы они были непрямым и абсолютным атрибутом морального поведения. Категории эстетики были бы универсальными. А разночтения визуального текста были бы невозможны. И правильное изображение, не включающее осуждения, запускало бы моральный императив – «делай так, потому что это есть хорошо, ведь ты никогда не делаешь того, что считаешь плохим или того, что ты никак не оцениваешь». Моральная субстанция будто бы целиком происходит из экранного текста – так, как если бы моральную конституцию можно было бы изобразить для того, чтобы зритель интериоризировал её целиком – то есть субъективировал себя по средствам изображения, которое транслируется медиа.

¹²⁵ Текст федерального закона о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=181927&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.0339708457861978#0> (дата обращения: 14.3.17)

Законопроект демонстрирует такую модель морали, где осуждение некоторого действия, происходящего на экране, или его одобрение в реальном времени конституируют мораль индивида. Такая модель морали строится на связи изображения со знаком отрицания или утверждения ему присущему. Эта связь несколько раз прослеживается в порядке дискурса, в формах его последовательностей. К этому я отношу, например, использование кавычек в качестве знака отрицания или использование знака «+» для классификации возрастного соответствия информации (0+, 6+, 12+ и так далее), а также проблематизацию обоснований и оправданий, выражающих «позитивное» или «негативное» отношение.

Эту модель морали характеризует последовательное описание собственной работы и развития. Это описание «работы морали» и «развития морали» возникает в процессе противопоставления тому механизму медиа, которую субъект дискурса имеет в виду. Эта модель морали находит себя в состоянии конкуренции с медиа и вынуждена делать себя видимой, субъективируя свои элементы, обнажая свой механизм, и, прежде всего, понимая себя в качестве механизма.

Ещё одним важным объектом является временной фактор – те изображения, которые понимаются как угрожающие здоровью или развитию ребёнку, могут быть показаны эпизодически или кратковременно. Так к продукции, разрешенной к просмотру детям от 12 лет, отнесены тексты, имеющие следующую характеристику:

«эпизодические изображение или описание жестокости и (или) насилия (за исключением сексуального насилия) без натуралистического показа процесса лишения жизни или нанесения увечий при условии, что выражается сострадание к жертве и (или) отрицательное, осуждающее отношение к жестокости, насилию (за исключением насилия, применяемого в случаях защиты прав граждан и охраняемых законом интересов общества или

Проблематизируется «натуралистичность», то есть такого рода изображение, которое пытается имитировать биомедицинские представления о человеческом теле, его смерти и сексуальных практиках. С преодолением определенного возрастного этапа, ребёнку позволяется видеть чуть больше «опасной» и по-биомедицински реалистической информации, так, как если бы у него укреплялся иммунитет по отношению к влиянию экрана. В 16 лет он может смотреть на насилие почти неограниченное количество времени, в 18 он в состоянии смотреть на эротику, и это не принесет вреда ни его здоровью, ни нравственности, ни развитию, ни остальным функциональным эквивалентам в типе дискурса этого закона, которые призваны определить состояние безопасности ребёнка по отношению к информации.

Внутри метафоры, которая понимает зрительский опыт в качестве иммунитета, такая ситуация выглядит очень органично, она не требует описания или дополнительных объяснений, так как сама метафора здесь и служит способом моральной проблематизации. Поэтому для того, чтобы описать способ моральной проблематизации здесь я попытаюсь интерпретировать возрастную классификацию продукции с точки зрения распределения рисков. На мой взгляд, наибольшие сведения о способе дает механизм распределения рисков. Так как риски распределяются не детьми, а взрослыми, я предполагаю, что риски распределяются иерархически – в самом полном своём объеме они спускаются вниз по возрастной иерархии¹²⁷. Тому,

¹²⁶ Текст федерального закона о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=181927&fld=134&dst=1000000001.0&rnd=0.0339708457861978#0> (дата обращения: 14.3.17)

¹²⁷ Бек пишет, что риски распределяются ассиметрично (Ульрих Бек. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С.30)

что находится в пределах наименьшей возрастной границы соответствуют большие риски, за пределами наибольшей возрастной границы находятся наименьшие.

При этом в определении самой этой вредной (содержащей риски) информации закон бесконечно автореферентен:

*«информация, причиняющая вред здоровью и (или) развитию детей, - информация (в том числе содержащаяся в информационной продукции для детей), распространение которой среди детей запрещено или ограничено в соответствии с **настоящим Федеральным законом** (выделено мною – А.С.)»*¹²⁸

Такое определение вредной информации позволяет постоянно расширять и насыщать это понятийное поле. Определение вредной информации – тело этого текста - устроено так, чтобы «потреблять» и присваивать новые объекты, которые трансформируются в риски. Кроме того, закон также создает запрос на возникновение института экспертизы визуальной продукции, главной задачей которого будет поиск рисков и их распределение по модели, выдвинутой законом. Речь здесь идет, с одной стороны, о создании специальных, аккредитованных федеральным органом исполнительной власти (который в свою очередь уполномочен Правительством РФ), комиссий¹²⁹, с другой стороны, о вменении требования

¹²⁸ Текст федерального закона о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=181927&fld=134&dst=1000000001.0&rnd=0.0339708457861978#0> (дата обращения: 14.3.17)

¹²⁹ Такая комиссия должна состоять не менее, чем из трех экспертов, имеющих высшее образование в одной из этих областей: «педагогики, возрастной психологии, возрастной физиологии, детской психиатрии» (Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) от 24 августа 2012 г. N 824 г. Москва «Об утверждении Порядка аккредитации экспертов и экспертных организаций на право проведения экспертизы информационной

экспертизы самим производителям продукции, с третьей, о частичном распределении функции надзора за безопасностью продукции общественным объединениям, НКО и просто гражданам:

*«При осуществлении **общественного контроля** (выделено мною – А.С.) общественные объединения и иные некоммерческие организации, граждане вправе осуществлять мониторинг оборота информационной продукции и доступа детей к информации, в том числе посредством создания "горячих линий"»¹³⁰»*

К 2013-му году открываются, распределяются и вводятся в правовое поле через закон о «Защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» новые риски. Эти риски были обрисованы ещё в концепции 2008-го года (а также в более ранних экспертизах Дмитрия Понкина), но ещё не вошли в закон, введенный в правоприменение в 2010-м. Так, в 2013-м году в дополнение к информации, запрещенной к показу лицам до 18 лет, включается:

«отрицающая семейные ценности, пропагандирующая нетрадиционные сексуальные отношения и формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи»¹³¹

В этом дополнении закрепляется способ семейной иерархии, основанной на принципах уважения и послушания, а также несимметричном статусе партнеров или иных членов семьи. Более широкая трактовка понятия «пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений» была дана в

продукции»/ Официальный сайт Российской Газеты. RG.RU [Электронный ресурс] // URL:

<https://rg.ru/2012/11/23/poryadok-dok.html> (дата обращения: 7.04.17)

¹³⁰ Текст федерального закона о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию [Электронный ресурс] // URL:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=181927&fld=134&dst=1000000001.0&rnd=0.0339708457861978#0> (дата обращения: 14.3.17)

¹³¹ Там же.

поправках к административному кодексу РФ 29-го июня 2013-го года. 6.21 КоАП РФ определяет, что пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений выражается в *«распространении информации, направленной на формирование у несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных установок, привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений, искаженного представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений, либо навязывание информации о нетрадиционных сексуальных отношениях, вызывающей интерес* (выделено мной – А.С.) *к таким отношениям»*¹³².

Правовое применение этой статьи подтвердило, что под «пропагандой нетрадиционных сексуальных отношений» имеется в виду в том числе демонстрация гомосексуального поведения на экране. То есть то, что происходит в медиа может (или должно?) отражать социальную норму, а взгляд, направленный на экран, одобряющий социальную норму, в своём конечном осуществлении (с учетом всех рисков и возрастной иерархии их распределения) воспроизводит норму, принятую за социальную. Информация провоцирует интерес, интерес провоцирует практику. Разрыв между практикой и демонстрацией внутри такой модели медиа-морали начинает сокращаться.

Некоторым вкладом в ограничение информации, доступной детям, то есть той, что может быть вредна и опасна для ребёнка, сидящего перед экраном, стал и антитабачный закон 2013-го года («Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака»). Кроме иных мер, направленных на охрану здоровья

¹³² Текст статьи 6.21 КоАП РФ. Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/f385ab5d34de901b2e5f3d08ac0b454481377d6a/ (дата обращения: 15.3.17)

граждан (в том числе совершеннолетних, выбравших вредить собственному здоровью по средствам табака), закон вводит ограничения на демонстрацию табачной продукции или демонстрацию табакокурения в кино и на телевидении:

*«...демонстрация табачных изделий и **процесса потребления** (выделено мною – А.С.) табака во вновь созданных и предназначенных для детей аудиовизуальных произведениях, включая теле- и видеофильмы, в театрально-зрелищных представлениях, в радио-, теле-, видео- и кинохроникальных программах, а также публичное исполнение, сообщение в эфир, по кабелю и любое другое использование указанных произведений, представлений, программ, в которых осуществляется демонстрация табачных изделий и процесса потребления табака»¹³³*

Ограничения демонстрации предлагаются законом как меры, которые направлены на охрану здоровья. И здесь под охраной здоровья понимается запрет демонстрации нездорового потребления или демонстрацию такой продукции, которая наносит вред здоровью. За скобки этого текста выносятся причинно-следственные цепи рисков, которые тем не менее легко опознать, так как они наследуют уже обрисованный в предшествующих текстах принцип организации (нахождения, распределения, действия и т.д.).

Я попыталась восстановить ту причинно-следственную цепь событий, которая ведёт к рискам для здоровья, свернутую в законе в построение «Демонстрация процесса потребления вредит здоровью»:

а) Демонстрация – б) риск увидеть демонстрацию – с) риск одобрить увиденную демонстрацию – d) риск повторить, одобренную демонстрацию –

¹³³ Текст Федерального закона от 23.02.2013 N 15-ФЗ (ред. от 28.12.2016) "Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака" [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142515/f8c54e95eb72faf923b32bbf85e540d607b3eb1f/

е) риск повредить здоровье, повторив одобренную демонстрацию (за пределами этой зоны открываются новые цепочки рисков, которые не исследуются в моей работе).

То есть построение «Демонстрация процесса потребления «n» вредит здоровью» исходит из предпосылки, что существует риск, когда демонстрация продукции или поведения ведёт индивида к потреблению продукции или к миметическому воспроизводству такого поведения. Разрыв между самым по себе поведением индивида и виденной им демонстрацией начинает всё больше сокращаться. «Риск» и «вероятность» выбрасываются из умозаключения, а причинно-следственные связи прочно устанавливаются между демонстрацией и потреблением нездорового как таковым. Смотреть на нездоровое становится нездорово. Сама демонстрация становится нездоровой продукцией (на манер «нездоровой» пищи).

Принцип, который, как мне кажется, организывает и умозаключение и его трансформацию я бы хотела охарактеризовать такими словами, идущими в таком *порядке*: **если что-то не оттогратся¹³⁴, то оно является одобряемым, если что-то было отторгнуто, оно является лишним.**

Отторгнутая законом длинная причинно-следственная цепь является излишней для напоминания. Излишне напоминать, как демонстрация влияет на здоровье ребёнка. Излишне напоминать (то есть раскрывать их, объяснять, доказывать) о рисках, которые влечет курение.

Всё, что не отторгнуто законом из сферы безопасного визуального потребления детей, является одобренным для аудитории, классифицируемой как «0+», то есть для всех родившихся и ныне живущих. Если ребёнок не отторгает демонстрацию (не выключает, смотрит, не осуждает, испытывает

¹³⁴ Я использую термин У. Бека, который говорит, что распределение рисков следует «негативной логике отторжения» (Ульрих Бек. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С.30)

интерес), значит, она одобряется ребёнком. Одобрение конституирует мораль, выражая *принцип подчинения* («я следую этому принципу, потому что одобряю его»). Отторжение же *самовыстраивает этическую работу* («я отказываюсь от того, что будет для меня лишним»).

Несмотря на то, что «нездоровое» внутри этих текстов также трансформируется в значения «аморального» и (или) «ненравственного», язык и принцип, по которому организуется и схлопывается эта цепочка рисков («Демонстрация процесса потребления вредит здоровью»), я атрибутирую как биомедицинский. Так как лучше всего этот принцип иллюстрируется биомедицинской метафорой, которая выражает и одновременно конституирует этот принцип:

Организм (который принят здесь за *моральную субстанцию*) либо отторгает, либо всасывает в себя, конституируя себя самого по средствам того, что не было отторгнуто, избавляясь от того, что излишне.

Моральная телеология: *здоровье (стать здоровым)*. То есть прийти к такому способу потребления, где все элементы потребления субъекта будут одобрены и не будут являться излишними.

Независимо от того, идет ли речь о медиа в контексте евангельского проекта спасения человечества (см. С.30-46), «выздоровления» нации от «культа потребления» (см. С.47-59) или профессиональной заботе исследователей, психологов, юристов, священников и педагогов о безопасности ребёнка (см. С.60-70), метод проблематизации медиа открывает похожую *модель* метода моральной проблематизации медиапотребления. Используя теорию равпределения рисков У. Бека¹³⁵, эту модель я описала в настоящей главе так: **если что-то не отторгается, то оно является одобряемым, если что-то было отторгнуто, оно является лишним.**

¹³⁵ Ульрих Бек. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

В следующей главе я попробую постепенно применять найденный здесь принцип (**если что-то не оттогравается, то оно является одобряемым, если что-то было отторгнуто, оно является лишним**) к анализу порядка, в котором записаны и расшифрованы мною высказывания моих информантов об их способах и практиках, сопряженных с моральной проблематизацией медиадосуга детей.

Глава 3. Пределы практики

3.1. Трансформация просмотра визуальных медиа в некоторых петербургских семьях.

Теперь я вернусь к тому, с чего я начала – к субъекту морали и его практическому измерению. Я хочу понять, какое практическое знание и какого рода опыт так трансформируют практику просмотра визуальных медиа сейчас, что она опознается индивидом в качестве такой сферы, которая формирует его как морального субъекта.

Моральная проблематизация сферы визуальной продукции для детей, если она существует, на мой взгляд, должна каким-то образом преобразовать практику просмотров, а также способ говорения о ней. Для того, чтобы понять, как рассматриваемая мною моральная проблематизация коснулась повседневной жизни семей, я бы хотела сначала пронаблюдать, какова эта практика сейчас, и каким образом она трансформировалась на пути в цифровую эпоху. Речь идет не только о тех изменениях, которые произошли в силу того, что в правовом поле сформировался новый объект – «информационная безопасность ребёнка», но также и о такого рода переменах, которые диктовал сам способ использования тех или иных медиа для просмотра визуальной продукции (от черно-белого телевизора до набора персональных смартфонов).

Для этого исследования мной были выбраны семьи информантов, члены которых имеют большую возрастную разницу и по-своему различный и уникальный опыт визуальных медиа.

Родители в этих семьях имели опыт просмотра советского телевидения ещё до упразднения Главлита (Инф_0, Н., ж., 1963 г.р.; Инф_1, Н., ж., 1978 г.р.; Инф_2, Е., ж., 1980 г.р.; Инф_3, Т., ж., 1969 г.р.; Инф_4, О., ж., 1971 г.р.;

Инф_5, Е., ж., 1975 г.р.; Инф_6, Н., ж., 1978 г.р.; Инф_6, Л., ж., 1940 г.р.;
Инф_7, А., ж., 1982 г.р.; Инф_8, Н., ж., 1976 г.р.; Инф_8, К., м., 1971 г.р.;
Инф_9, Г., ж., 1968 г.р.).

Старшие дети в этих семьях смотрели телевидение 90-х, после того, как вышел закон о запрете цензуры. Им были доступны VHS кассеты, они были пользователями первых компьютеров и сети Интернет до выхода в свет закона о Защите от информации (Инф_0, А., ж., 1982 г.р.; Инф_0, С., ж., 1990 г.р.; Инф_3, А., м., 1991 г.р.; Инф_4, А., ж., 1992 г.р.; Инф_5, О., ж., 1994 г.р.)

Младшие дети в этих семьях растут в эпоху изобилия медиа продукции, информационного риска и безопасности, они являются пользователями компьютеров, гаджетов (смартфонов, планшетов, ноутбуков) и иных электронных устройств чуть ли ни с момента собственного рождения. (Инф_1, Е., ж., 2007 г.р.; Инф_1, В., ж., 2005 г.р.; Инф_2, А., м., 2004 г.р., Инф_2, А., ж., 2007 г.р., Инф_3, В., м., 2008 г.р.; Инф_4, О., ж., 2004 г.р.; Инф_4, А., м., 2012 г.р.; Инф_5, М., ж., 2005 г.р.; Инф_5., Т., ж., 2009 г.р.; Инф_5, Н., м., 2012 г.р.; Инф_6, С., ж., 2005 г.р.; Инф_7, Н., ж., 2008 г.р.; Инф_8, А., м., 2010 г.р.; Инф_9, У., ж., 2008 г.р.; Инф_9, И., м., 2004 г.р.; Инф_9, М., м., 2000 г.р.).

У всех моих страших информантов, кроме двоих (Инф_6, Л., ж., 1940 г.р.; Инф_3, Т., ж., 1969 г.р.) был в квартире один черно-белый телевизор, столько, сколько они себя помнят. У Т. (Инф_3, Т., ж., 1969 г.р.) телевизор появился не сразу, но до момента его появления в доме, она ходила смотреть телевизор к соседям.

Тем не менее, для моих старших информантов телевидение не было ярким воспоминанием, о котором они были бы готовы говорить со мной охотно и много. Иногда просмотр телевидения как таковой и вовсе мог ассоциироваться не с практикой наслаждения, а с обязанностью:

*Не, не говорили вообще, что можно, что нельзя. Тогда не было программ запрещенных. Все было **можно и нужно** смотреть. Идеология и все такое. Программа «Время» была обязательной к просмотру в 9, но не для меня, а для родителей. По Расписанию - в 9 вечера, чтобы не происходило, нужно смотреть программу «Время» (Инф_3. Т. ж. 1969 г. р)*

Цензура Главлита, через которую проходили абсолютно все передачи, была закрытой внутренней кухней государства и телевидения. Цензура как таковая почти не рефлексировалась моими страшными информантами внутри их собственных детских повседневных практик. Вместе с тем, существуют многочисленные свидетельства того, что некоторая продукция в советское время могла быть охарактеризована на уровне худ.советов как «неподходящая для детей». Такой эпизод по этому поводу вспоминает, например, композитор Юрий Энтин:

«"Пластинка "По следам бременских музыкантов" - это марихуана для детей! И разврат!" Вот это было публично сказано известным композитором во время художественного совета»¹³⁶.

Моральное внимание к практикам детского просмотра или прослушивания, если оно и существовало, было скрыто от глаз индивидуального субъекта, в то время как сегодня это моральное внимание время от времени фокусируется в качестве общественного беспокойства. Именно этот факт, на мой взгляд, конституирует сегодняшнее высказывание информанта о том, что в советское время «не было программ запрещенных»

¹³⁶ Текст интервью с Юрием Энтиным. Юрий Энтин: «На худсовете публично заявили: «Пластинка «По следам бременских музыкантов» -это марихуана для детей! И разврат!». 11/09/2008 [Электронный ресурс] / официальный сайт и он-лайн архив газеты «Аргументы и Факты» // URL.: <http://www.aif.ua/culture/957515> (дата обращения: 8.04.17)

или ещё более противоречивые суждения, такие как эти:

С.: А Ваши родители как-то следили за тем, что Вы смотрите, или нет?

Е.: Ну тогда было всё очень просто: если мультики, то их можно было смотреть.

С.: А сейчас этот вопрос сложнее?

Е.: Сейчас — конечно. Уже надо цензуру проводить (Инф_5, Е. ж., 1975 г. р.)

С. Ваши родители как-то смотрели за тем, что Вы смотрите, или нет?

*Н. А там было чего смотреть?! Это сейчас цензуру надо - **тогда цензуры то не было!** (Инф_8 Н. ж., 1976)*

Ощущение «отсутствия цензуры», свойственное моим старшим информантам, на мой взгляд, стоит понимать именно как отсутствие опыта столкновения с морально проблематизированной продукцией в советское время. С другой стороны, это можно понимать и как отсутствие опыта столкновения с такими «практиками себя» в исполнении их собственных родителей, которые могли бы давать о себе знать в качестве морального поведения, относящегося к сфере потребления визуальной продукции. Так, о наличии каких бы то ни было ограничений, которые касались просмотра телевидения, вспоминает только одна моя «старшая» информантка, детство которой пришлось уже на период перестройки:

*Из фильмов могли что-то не разрешать <...> если какое-нибудь насилие, то, конечно. Даже просто если там военные действия. Большие не давали. Ну, если только про нашу Великую Отечественную войну и то, для меня это был стресс, если я видела, что кого-то там сжигают, я уходила сразу **сама. Не смотрела.** А мультики мы вообще обожали. Нам хоть сколько [можно было] смотреть. (Инф_7, Н., ж., 1982 г.р.)*

По большей части, содержание того, что смотрели дети, регламентировалось самой возможностью для каждого конкретного ребёнка провести время перед телевизором. В лучшем случае, телевизор в семье был один, время пользования им распределялось иерархически по отношению к детям. Я говорю о таком принципе, когда ребёнок оказывается на низшей ступени иерархии в пользовании такого рода предметом как телевизор. По воспоминаниям моих информантов, их могли «звать» смотреть телевизор и «давать смотреть» что-либо - то есть роль ребёнка в пользовании телевизором в качестве предмета была довольно пассивной. И это пользование могло происходить при таких условиях, когда по одной из ограниченного количества программ шли мультфильмы или передачи, предназначенные детям, а взрослые не были заинтересованы иной продукцией, которая транслировалась другой программой. Ключевым был вопрос того, *сколько* ребенок может *пользоваться* телевизором - это могло быть измерено в количестве продукции:

*И мне было грустно, когда мультик — он короткий, - заканчивается, а мне говорили: «Один мультик!», потому что мне **разрешили** один или два, и если один длился полтора часа — замечательно! (Инф_2, Е., ж., 1980 г.р.)*

Е. (Инф_2, Е., ж., 1980 г.р.) разбиралась в мультфильмах лучше, чем взрослые, которые в советское время могли и не представлять себе, сколько длится тот или иной мультфильм. Это при том, что мультипликационными студиями Советского Союза было произведено только небольшое количество полнометражных лент¹³⁷. Отсутствие сегодняшней привычки родителей (в лице моих информантов, конечно) до мелочей разбираться в материале,

¹³⁷ По данным, приведенным Н.Изволовым и Н.Спутницкой (Изволов Н., Спутницкая Н. Анимация / Страницы истории отечественного кино: детское кино, анимация, документальное кино, кинематограф русского зарубежья. М.: «Материк», 2006. С.134-180)

который предлагается ребёнку - для меня это ещё одно доказательство того, что моральная забота по поводу просмотров ребёнка появилась в России не так давно.

Тем не менее, уже в 90-е годы сами взрослые начинают активно интересоваться телевидением - многочисленными ток-шоу, зарубежными сериалами, фильмами в переводе Володарского, и даже мультипликацией с канала MTV. В семьях моих информантов постепенно появляются новые цветные телевизоры импортного производства.

Изобилие изображения, цветной телевизор - благо новой цивилизации. То, чем можно “побаловать” ребёнка наравне с конфетой:

Можно сказать, она (соседка - прим.) была моей... ну, не няней, но когда даже папы с мамой не было, или они тут были, но где-то там – я всегда могла к ней пойти и всегда там попросить о чем-нибудь. Она меня баловала, там, приносила конфеты. Я у неё могла смотреть мультики, и иногда даже «Спокойной ночи, малыши» в цветном изображении” (Инф_0., А., ж., 1982 г.р.)

На самом деле, если так посмотреть, не сильно то мы были избалованные вот вещанием телевизора дети. А откуда мы ещё брали мультики в то время? Не было ни видеоманитофонов, ни компьютеров, там, ни «ю-тьюбов» (Инф_0., А., ж., 1982 г.р.)

Для некоторых моих информантов становится актуальной модель фонового телесмотрения только в 90-е годы. Это такая практика просмотра телевизора, при которой ТВ-объект включен, но не всегда просматривается. То есть индивид смотрит на экран не во все время использования ТВ-объекта (его непосредственной работы). Одна из моих «средних» информанток (Инф_5., О., ж., 1994 г.р.) вспоминает, как мама учила её не отвлекаться на включенный экран во время выполнения потенциально опасной задачи:

*А, ну «Спокойной ночи» - **обязательно**, просто такой **ритуал**. И «Каламбур». Вообще, по-моему, даже вместе смотрели, но всё равно он тоже был **фоном**. Я помню такой момент, что я маленькая говорю: «Мама, можно я поглажу бельё?». У нас был включён телевизор... <...> она говорит: «Ну да, только ты смотри не в телевизор, а на утюг». Ну естественно, я ошпарилась, и естественно, я плакала. Я помню, что да, фоном был «Каламбур». Мне было **больно**, а там было **смешно** (Инф_5, О., ж., 1994 г.р.)*

Я понимаю этот эпизод как обучение технике «фонового просмотра». Такая техника заключается в сохранении внимания к повседневным задачам в то же самое время когда ТВ-предмет выполняет свою работу. Кстати, такой режим работы ТВ-предмета, а также ритуализацию форм его использования Бодрийяр предписывает именно стадии освоения телевизора в качестве статусного объекта в его многослойном потреблении¹³⁸. Только я обращаю внимание, что ритуализация для «первых детей» цветного телевизора, начинается в большом объеме связываться не только с самим объектом и назначенным временем пользования, но и с демонстрацией, которую он предоставляет – присвоение этого блага (которое до конца никогда не происходит) происходит иррациональным способом, открывая всё новые и новые сферы потребления по ту сторону экранной плоскости – от плоскости экрана до продукции, которую он транслирует, от транслируемой продукции к товарам, которые транслирует продукция и т.д.

Конечно, было бы неправильно говорить о тотальном отсутствии моральной заботы о содержании тех сообщений или образов, которые мог получить ребёнок, сидящий перед экраном в 90-е годы. Эта моральная забота могла проявляться эпизодически, но не в отношении содержания в его целостности, а лишь сопрягаясь с элементами этого содержания.

¹³⁸ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Академический проект, 2007. С.53

Нежелательными к просмотру ребёнка могли пониматься эпизоды насилия или эротические сцены. Критерием в определении «нежелательного» к просмотру служили личные ориентиры родителей. Так, например, то, что является «нежелательным» в принципе, оказывается разрешенным для фильма про Великую отечественную войну, как было видно из цитаты (Инф_7, А., ж., 1982 г.р.). Личные представления о том, где заканчивается легкая эротика или начинается жестокое насилие также могли отличаться в каждой конкретной семье (и отличаются до сих пор). Тем не менее, существует и такая форма ограждения ребёнка от демонстрации эротики или насилия, когда взрослые предпочитали “выключать” ребёнка, а не сам телевизор:

*С дочкой я проходила так. Мы когда что-то сидели, кино смотрели... Фильмы бывают очень интересные, даже для детей, вот, но бывают вот моменты **совсем не для детей**, и я ей просто глазки закрывала, потом момент прошёл, и я ей открывала глазки. Всё, смотрим дальше. Как-то она очень спокойно воспринимала (Инф_8, Н., ж., 1976 г.р.)*

В определенный момент детям могли прикрывать глаза, просить отвернуться, выйти из комнаты или забраться в свое, отгороженное пространство (в случае, если жилое помещение семьи составляло всего одну комнату). Среди детей могли быть распространены стратегии сопротивления попыткам родительских ограничений, так как запрещенное и казалось им самым интересным:

Я помню какой-то анонс фильма «Мечтатели» [Бернардо Бертолуччи, 2003 – прим.], и он так заинтересовал, безумно. И всё это взрослые фильмы. <...> Но мне уже казалось, что это - дорога. Билет во взрослую жизнь (Инф_4, А., ж., 1992 г.р.)

Такими стратегиями сопротивления могли быть: подслушивание, подглядывание, а также оптические уловки.

У нас была щель, и я слушала. Я всё знала там доскольно. Я всё время не видела тех персонажей... Я воображала там, на что они похожи. Но я слушала весь этот сериал. Что там происходит, но только вот как радио. И они меня все время загоняли спать, чтобы посмотреть... Там были типа какие-то сцены. <...> И я проходила, типа: «ну, мне попить или пописать». Чтобы просто посмотреть: кто там Мейсон, кто там... не знаю, как уж их там звали (Инф_0, А., ж., 1982 г.р.)

Я сама росла в девяностые годы (Инф_0, С., ж., 1990 г. р.). Когда мне было 6 лет (1996-1997 гг.) в доме моей бабушки в определенный час вся женская часть семьи садилась смотреть сериал латиноамериканского производства. Моя бабушка считала, что этот сериал не предназначен для моих глаз, так как речь в нем часто заходила про интимные практики. Бабушка следила за тем, чтобы я в этот момент не смотрела в телевизор, поэтому я сидела к телевизору спиной и делала вид, что строю кукольный дом, в центре которого было зеркальце. Я направляла свое зеркальце так, чтобы следить за всем, что происходит на экране. В свете этого опыта, метафора пятидесятников, в которой сознание ребёнка предстает в качестве обратной стороны оптического аппарата, кажется мне сопоставимой с возможными элементами трансформации детской практики просмотра медиа.

3.2. Проблематизация практики просмотра визуальных медиа в некоторых петербургских семьях.

Существуют и такие случаи этой практики, когда взрослый не проблематизирует ту визуальную продукцию, которая в иных случаях или с другими взрослыми может встретить отторжение.

Так, не для всех взрослых упоминание об интимных отношениях и физиологии было информацией, которая определялась как небезопасная для детей. Моя информантка А. (Инф_4, А., ж., 1992 г.р.) вспоминает случай начала нулевых, когда их посетила двоюродная сестра. На тот момент А. (Инф_4, А., ж., 1992 г.р.) увлекалась сериалом «Клон» (Бразилия, 2001), просмотр которого практиковала её бабушка. Бабушка начала пересказывать содержание латино-американской эпопеи для того, чтобы посмотреть вместе с А. (Инф_4, А., ж., 1992 г.р.) и её двоюродной сестрой новую серию:

*И моя сестра двоюродная, я помню, покраснела, побледнела. Ну, у неё был... У неё очень **тяжелое время** в этот момент произошло. <...> Там обсуждались вопросы менструации, что-угодно! Ну, по телевизору в этих сериалах. Я была абсолютно... Сперматозойды, там, подменили. От кого-то кто-то забеременел... Какие-то там такие истории. Я была в курсе всего этого. Я чувствовала, что это - жизнь. Что не надо смущаться (Инф_4, А., ж., 1992 г.р.)*

Ещё одно наблюдение, которое рефлексировалось моими «средними» информантами: миметическое смущение часто оказывается стимулом для того, чтобы тем или иным образом прервать взгляд на экран во время просмотра в компании - выключить телевизор, опустить глаза, придумать предлог для того, чтобы выйти из комнаты или просто сделать вид, что «ничего не происходит», «перетерпеть момент»:

ну сейчас есть ощущение, допустим, мы смотрим фильмы с моими друзьями детства- парнями, и если там ну такие сцены эротического характера то, да, мне немножко некомфортно <...> не выхожу, но мы вместе **перетерливаем** этот момент (Инф_5, О., ж., 1994 г.р.)

Нужно маме показывать, что я не слишком это **близко к сердцу воспринимаю** (происходящее в фильме - прим.). Значит, какая-то **аномалия** - возможно, у меня самой какая-то проблема в этой области, если я слишком бурно реагирую, поэтому мне приходилось достаточно **пассивно реагировать**, но я могла краснеть, бледнеть, **закрывать глаза**, говорить: «О, может быть, я пойду принесу.... Пойду и принесу нам... **чай?**» (Инф_4, А., ж., 1992 г.р.)

Мне всё время кажется, что эта ситуация имеет дело с представлением о «физиологическом сращивании» индивида и экрана. Так, как будто бы с индивидом происходит физически всё то, что в данный момент виртуально совершается на экране.

Описывая ту ситуацию, которая произошла в начале нулевых при просмотре сериала «Клон», А. (Инф_4, А., ж., 1992 г.р.) связывает реакцию своей двоюродной сестры, её смущение, с моментом её физиологической трансформации, который определяется ею как «тяжелое время».

То, что просматривается мною во всём изучаемом материале на разных его уровнях и порядках - это соседство физиологического состояния, которое трактуется информантом как болезненное, и самоограничений (ограничений), сопряженных с просмотром визуальных медиа. Так, мой средний информант - А. (Инф_3, А., м., 1991 г.р.) рассказывал, каким образом ему удалось будучи ещё ребёнком посмотреть фильмы «Пинк Флойд: Стена» (Алан Паркер, 1982) и «Сияние» (Стенли Кубрик, 1980), а также иную визуальную продукцию, которую он сейчас трактует как *не предназначенную для ребёнка*:

*Дело в том, что у меня «гипервозбудимость» или типа того... ну, в общем, высокая активность нервной системы. Мне **тяжело** уснуть. У меня уходит от получаса минимум, до часов двух, может быть... ну, если я, конечно, не пьяный и не «убитый» с работы... <...> думали, что сплю, а я не сплю...*

С. А ты больше подсматривал или подслушивал?

А. Да, и так, и так. (Инф_3, А., м., 1991 г.р.)

Если вернуться к 90-м и посмотреть на «довольно стандартный» (с таким определением соглашались информанты) перечень ограничений, касавшихся детских просмотров, то там могут фигурировать и предписания в отношении болезни:

***Нельзя смотреть** мультики, пока не сделала домашнее задание. Или не выучила стихотворение. Пока его точно не выучила. И, когда **болеешь** - не надо смотреть мультики, особенно, если ты не идешь в школу, то это по причине того... ну, да, моя мама считала, что если ты можешь воспринимать мультики, то почему ты не можешь уроки воспринимать? (Инф_4, А., ж., 1992 г.р.)*

То, за чем родители в семьях моих информантов по большей части следили в девяностые годы - это то, *сколько* времени ребёнок проводит перед телевизором. Большое количество часов, проведенных перед экраном, может рассматриваться и самими информантами в качестве не полезного для их здоровья. Такая форма моральной проблематизации может связываться с реакцией родителей:

Я думаю, что в моей семье до сих пор из-за того, что мой брат смотрит мультфильмы как сумасшедший, просто запоем. И он неадекватно реагирует. Что ты задаешь вопрос ему, а он вообще не может понять, где он, и у него абсолютно потерянный вид часто... если он долго смотрит. Я

*думаю, что моя мама также... Что она тоже думала, что я заигнотизирована мультфильмом, и пока **болеешь**, лучше этого не делать* (Инф_4, А., ж., 1992 г.р.)

Время, проведенное перед телевизором, которое было желанно для ребёнка и вредно в своем пределе, могло становиться ресурсом в договорах между родителем и ребёнком: «ты сделаешь уроки, а потом ты можешь посмотреть телевизор». В семье информанта А. (Инф_3, А., м., 1991 г.р.) мать (Инф_3, Т., ж., 1969 г.р.) осуществляла проверку послушания сына, прикладывая руку к телевизору, для того, чтобы удостовериться, что сын не проводил перед ним то время, которое не было разрешено:

*Думаю, правила были стандартные, как у всех: сначала уроки, потом телевизор. При этом проверялось всё просто: прикладывалась рука к телевизору. Нужно было очень **умно** всё делать - нужно было знать время начала передачи и когда нужно выключать стопудово”* (Инф_3, А., м., 1991 г.р.)

Факт просмотра чего-либо может сам себя сделать «видимым» - есть такая опасность. То есть он может сопрягаться с какими-то косвенными признаками, по которым родитель может узнать, что ребёнок смотрел что-то в тот момент, когда это не было разрешено. Один из таких признаков «не полезного» времени, которое ребёнок провел за просмотром - повышение температуры. Так, в предыдущем примере шла речь о повышении температуры телевизора.

К похожей форме моральной проблематизации я причисляю способ, которым выявляется «вредная» продукция для младшего ребёнка в семье Инф_3. Младший (Инф_3, В., м., 2008 г.р.) сводный брат А. (Инф_3, А., м., 1991 г.р.) растёт в тот момент, когда фактором, усугубляющим физическое состояние, считается не только само время просмотра, но и содержание того, что просмотрено. Здесь следствием плохого влияния на здоровье оказывается «разгоряченность» молодого организма, повышение градуса его эмоций:

*Не приветствуем, запрещаем, выключаем, если мультик с элементами насилия, агрессии, криками, там, и все-такое. Он очень эмоциональный, на это очень эмоционально реагирует. То есть канал “Дисней”, Хотя он не под полным запретом, но он **лимитирован строго**, то есть если там что-то такое... Выключаем <...> Нельзя, именно, конкретно Славику. То есть другие дети, может, посмотрят, и будет прикольно, это никак не скажется. На Этом - скажется. Потому что он может “агрессировать” как-то на окружающих. Просто играя в какую-нибудь **войнушку, убийства и прочее**. А человек — очень эмоциональный (Инф_3, Т., ж., 1969 г.р.)*

Телевизор начинают замечать в тот момент, когда состояние, демонстрирующееся экраном не совпадает с формой (состоянием) самого субъекта практики - “мне было больно, а там было смешно” (Инф_5., О., ж., 1994 г.р.). К похожего рода форме я отношу следующий эпизод, пересказанный другой моей информанткой:

*И ещё... вдруг она как-то входит, и увидела, что там идет реклама самого канала (кабельный телеканал «Fox kids» - прим.) и продукции канала. И там эта песня поется, наверное, очень веселая и интересная. Вдруг одна из строчек, как мама её запомнила - это она мне потом говорила - что: «мы будем смотреть, а родителям не скажем». И её так это **шокировало**, и я помню, что это была целая история. <...> Это детский канал. Американцы бы засудили за такое, если бы такое там пелось. Но, наверное, ей так показалось, и из-за этого мне было **фактически запрещено смотреть** этот канал.*

(Инф_4., А., ж., 1992 г.р.)

Мать насторожило сообщение, которое предназначалось не ей, а её ребёнку, в тот момент, когда мать являлась таким же субъектом этой практики, как её чадо - они обе смотрели на экран и воспринимали это сообщение.

Здесь происходит нарушение привычной системы коммуникации и освоения такого объекта как ТВ-предмет. Когда родитель транслирует ребёнку мультфильм, дает ребёнку посмотреть что-либо или разрешает провести время перед телевизором в обмен на послушание, телевизор и продукция, которую он транслирует, выступают промежуточным звеном в коммуникации «родитель – ребёнок». Но в такого рода случаях (как тот, что приведен выше) телевизор и его демонстрации, выступавшие в качестве объекта, вдруг обнаруживают себя в статусе субъекта коммуникации, и у коммуникации появляется новое горизонтальное измерение. Третий субъект коммуникации ставит под сомнение иерархию, которая до сей поры включала его использование (Телевизора в качестве предмета). На этом этапе освоения ТВ-объекта открывается иррациональная *глубина* возможности его использования, заставляя считаться с иррациональной логикой распределения рисков, которую выдвигает в качестве описания такой ситуации У. Бек¹³⁹. Не только время использования, но уже сама использующаяся продукция перестает «излучать» чистые блага и начинает производить риски в форме рисков для здоровья и психического благополучия ребёнка (которое также вводится в общий сонм различных видов «здоровья»).

В эту модель – «от рисков для здоровья к моральной проблематизации и обратно» - некоторым образом не вписывается случай Инф_5, когда, по воспоминаниям О. (Инф_5, О., ж., 1994 г.р.) визуальная продукция в её семье начала проблематизироваться довольно резко.

То есть до какого-то момента мы смотрели такие довольно странные фи... ну, не то что странные, да, про вампиров, про что-то ещё...

¹³⁹ Ульрих Бек. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С.30

Там, дядя мне про Блейда показывал, ваще... Я так это... И родители это всё нормально воспринимали. А потом, да, - никакой магии, никаких вампиров, там. Что там ещё? Ну, если, вот, не знаю, там, в мультике или... или в фильме, там, девушка начинала намекать, там, флирт, что-нибудь такое - всё, тоже: «ну, иди, там...» (Инф_5, О., ж., 1994 г.р.)

Стремительное возникновение новых семейных запретов в начале нулевых годов у О. (Инф_5, О., ж., 1994) связывается с новой субъективацией отца в качестве православного христианина, который когда-то был «ярким атеистом». Семейной легендой, которая была пересказана взрослой дочери, является нарратив о том, как отец пришел к вере:

*...просто был такой очень сильный, там, **скандал**. Они [отец и коллеги по бизнесу - прим.], там, организовали компанию, которая приносила **очень большой доход**. Вот, они стали сотрудничать с «Проктер энд гэмбл», и так как это было четыре человека, **один выдвинулся в лидеры** и сказал что, типа: «ребята я дам вам **денег**, а эта компания – моя». В общем, там был серьёзный скандал и, вот, - работа, семья - и он сменил круг друзей и **попал в такой круг**, где люди уже как-то жили с религией, да, там, какое-то определённое количество лет, и сменил мировоззрение (Инф_5, О., ж., 1994 г.р.)*

Крах большого многообещающего коллективного предпринимательского проекта из-за индивидуализации и иерархизации его курса («один выдвинулся в лидеры»), а также капитализации отношений («дам вам денег, а эта компания – моя»), вынуждает отца искать новый круг единомышленников и коллег - комьюнити, предоставляющее духовный контракт на безопасность. Не менее значительной для такого решения была, по словам его дочери, обстановка в семье:

*мы слишком часто стали попадать в аварии. У нас... Мы просто попадали постоянно в **больницы** <...> Я вон там руку себе сильно порезала - лежала в больнице. На другой Лёша попал в больницу, потом ещё раз он попал в больницу, и всё это как-то, ну, как мне объясняли: это **накладывалось, накладывалось, накладывалось.***

После духовной трансформации отца семейства, для О. (Инф_5, О., ж., 1994 г.р.) и её младшего брата начинают формироваться иные предписания и запреты, которые свидетельствуют в пользу моральной проблематизации визуальной продукции. В сущности, я опять могу предложить ту же динамическую модель описания трансформации, что уже была очерчена, пока я писала о прошлых случаях, только теперь для большей наглядности я представлю её схематично. Порядок букв будет описывать порядок трансформаций. Слова будут описывать способы трансформации. Слова в скобках будут пояснять, какое множество вещей я описываю при помощи этих трансформаций. Тире между словами будут обозначать способ иерархии подчинения (за «этим» - следует «то»):

а) Неограниченный способ потребления и проблема в распределении блага ("компания приносила очень большой доход") - с) Болезнь и актуализация рисков (дети в больницах, аварии, потеря условленной предпринимательской доли) - b) Отторжение неограниченного типа потребления (скандал в кампании, уход с работы) - d) Субъективация посредством иного коллектива (принятие христианства) - e) отторжение продукции, которая связывается с рисками (запрет на демонстрации, связывающиеся с магией) - f) здоровье

Описание этой модели я приму за исходную логику, которую я буду прикладывать к другим случаям и постепенно оттачивать в следующей части главы.

3.3. Реконструкция модели моральной проблематизации

До тех пор, пока в домах был только один телевизор, сохранялись также и иерархии в отношении времени его использования. Телевизор мог располагаться в комнате того взрослого, которому принадлежала основная привилегия его использования, маркируя таким образом основного пользователя, например, - «бабушкин телевизор» (Инф_4, А., ж., 1992 г.р.). Позже место этого сверхстатусного объекта, для пользования которым распределялись, по преимуществу, привилегии пользования, а не риски (болезни, поведение, ведущее к риску болезни...), мог занять и компьютер:

Первое, что появилось на компе - это «Масяня», естественно, мамке очень нравилась.

С. Тебе тогда, получается, было 11 - 12 лет, когда «Масяня» появилась?

А. Да, кажется, да.

С. Вы вместе смотрели?

А. Какие-то серии - да, какие-то нет. Запрета на «Масяню» не было, по крайней мере, я не помню, но просто некоторые приколы, я только сейчас допер. Тогда я откровенно не понимал, в чем шутка, в чем юмор (Инф_3, А., м., 1991 г.р.)

Сегодня мультфильм «Масяня» был бы отнесен к сфере «взрослой», т. е. небезопасной для детей продукции. Он содержит эротические сцены, обсценную лексику и шутки, апеллирующие ко взрослому сексуальному опыту. Компьютер, на котором А. со своей мамой смотрел довольно «взрослый», по нынешним представлениям, мультсериал, принадлежал другу их семьи - Басову, у которого на тот момент семья Инф_3 снимала комнату. Пользование компьютером было ограничено для А., так как основным пользователем этого компьютера он не был:

А. Санкции были со стороны Басова.

С. Ему компьютером хотелось пользоваться?

А. Ну, в смысле, «хотелось»?! Он им и пользовался. А мое мнение не котирировалось никак абсолютно (Инф_3, А., м., 1991 г. р.)

В основном, время, которое А., (Инф_3, А., м., 1991 г.р.) проводил за компьютером, ограничивалось теми решениями, которые принимал относительно режима использования компьютера его основной пользователь - его обладатель, его покупатель. Я также предполагаю, что мать А., (Инф_3, Т., ж., 1969 г.р.), которая не являлась основным пользователем компьютера, не имела возможности распределять привилегии в отношении его пользования и никаких "санкций" она не могла предложить сыну.

Иными словами, изученный мною материал позволяет мне судить о том, что такой объект как «риски», которыми начинает обрастать визуальная продукция для детей (в правовом поле и семейном применении) выражает ослабевание возрастных иерархий, сопряженных с использованием технических предметов, которые могут функционировать как визуальные медиа (телевизор, компьютер, планшет и т.д.). Однако то, каким образом взрослый индивид узнает себя в качестве субъекта морали в этой ситуации, сопряжено с его переживанием вины за неограниченный тип потребления (выразившийся в покупке тех же технических предметов), где вина выражается: на языке медицины, в искуплении коллективом, в ограничениях (и самоограничениях) потребления собственного и семейного.

Разработанная мною модель описания действительно сильна для случая Инф_5 – семьи, где общий уровень дохода и потребления значительно выше, чем в других семьях (за счет доходов отца), а иерархии поддерживаются при помощи духовного облика семьи. В квартире Инф_5 семь комнат, один плазменный телевизор, находящийся в просторной гостиной-кухне, кроме того, практически все члены семьи обеспечены личными компьютерами,

планшетами и телефонами:

О. У мамы не хватает времени вообще, и такого жёсткого контроля нет. И что делают младшие: они берут айпэд, идут в какую-нибудь комнату – ну, ты видела квартиру, да, у каждого есть свой уголок...

С. Есть, куда укрыться.

О. ...есть, где, да, есть, где укрыться, и они так потихонечку сидят смотрят. (Инф_5, О., ж., 1994 г.р.)

Мишель Фуко отмечает, применительно к этической заботе, которая окружает в культуре половое поведение: «...её интенсивность и её формы далеко не всегда находятся в прямой связи с системой запретов: часто оказывается, что моральное внимание сильно как раз там, где нет ни обязательств, ни запрещений»¹⁴⁰. Я думаю, что это замечание работает и для моего случая, когда этической заботой оказывается окружено потребление медиа продукции ребёнком. Ситуация в семье Инф_9 полярно отличается от той, что я наблюдала в семье Инф_5. В семье Инф_5 ценятся иерархии и контроль, в семье Инф_9 первостепенной является свобода выбора и договоры между субъектами. Члены семьи Инф_5 с нулевых годов посещают православную церковь, соблюдают посты и водят детей в воскресную школу, члены семьи Инф_9 мыслят себя в рамках научной картины мира, непрерывно слушают «Эхо Москвы» и посещают митинги. Детям в семье Инф_9 предоставлена свобода выбора и просмотра любой визуальной продукции, по крайней мере, это известно со слов матери:

С. А с чем это связано? Вот, ваша позиция? То есть вы вместе с мужем...

*Г. Ну, мы сами смотрим... блин... **чё прятаться?** Пусть лучше они у нас*

¹⁴⁰ Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Спб.: Академический проект, 2004. Т. 2. С.17.

дома это будут знать. То, что у меня нет с детьми вопросов по сексуальным проблемам. Надо - они подходят и спрашивают. Не надо - не спрашивают. Коротко и ясно (Инф_9, Г., ж., 1968 г.р.)

В действительности, «спрятаться» и не представляется особенной возможности: семья Инф_9 проживает в ближайшем пригороде Санкт-Петербурга в двухкомнатной квартире внутри деревянного дома с печкой. Доход семьи складывается из зарплаты отца. В семье Инф_9 два компьютера – этой зимой в последний из моих визитов отец-инженер и средний сын в семье (Инф_9, И., м., 2004 г.р.) начинали подбирать детали для постройки нового. Мне объяснили, что семья нуждается в новом компьютере, так как на пять членов семьи - двое взрослых и трое детей - они имеют только два. Вместе с видимым отсутствием привычных иерархий пользования, существует и такая трансгрессия (относительно выявленной мной модели), которая переносит риск из сферы коллективной ответственности в индивидуальную. Иными словами, родитель не запрещает ребёнку смотреть ту продукцию, которая тем не менее проблематизируется морально:

*Ограничений нет в информации, потому что, на самом деле, дети могут **сами себя оградить**. Если информация идет с перебором... человек раз **попробовал**, два **попробовал**, после этого... Вот, как у нас у В. [Инф_9, В., м., 2004 г.р.] было... Например, какие-нибудь “альтернативные” переводы мультиков. Ну, понятно, да? И он этого **накушался** в возрасте, может быть, начальной школы, может, ещё раньше. Раз смотрел, два смотрел, потом сказал: «давай сотрем “Люди крестик” [фильм «Люди Икс» (США, 2000) в альтернативном переводе с обценной лексикой – прим.]... **Меня тошнит**». Я говорю: «Yes!» Ребёнок сам это нашел. Сам удалил, вычистил корзину. То есть - всё. (Инф_9, Г., ж., 1968 г.р.)*

Это объяснение матери касается информационной политики семьи, которая не предусматривает ограничений для детей в просмотре чего бы то

ни было, а также ограничений в использовании технических средств просмотра. Отсутствие необходимости коллективных ограничений обосновывается матерью тем, что индивиды (независимо от возраста) могут осознавать правило и формировать подчинение, благодаря наличию естественной индивидуальной ответственности за собственную безопасность («дети могут сами себя оградить»). Аргументацией выбора такого типа подчинения служит встроенный в высказывание нарратив о прецеденте с участием среднего сына В. (Инф_9, В., м., 2004 г.р.). А этот прецедент в свою очередь подчиняется уже знакомой модели моральной проблематизации визуальной продукции, описанной мною в предыдущей части главы на случае Инф_5 (успешный предприниматель, который через болезнь и актуализацию рисков приходит к ограниченному типу потребления визуальной продукции через субъективацию посредством коллектива с иными ценностями). Итак, аргументация одобрения неограниченного типа потребления визуальной продукции в семье Инф_9, строится на случае, который можно описать так:

а) Неограниченный тип потребления (ребёнок смотрит «альтернативные» переводы мультфильмов в дошкольном и младшем школьном возрасте) - б) Болезнь («накушался» - переедание) - в) отторжение неограниченного типа потребления («давай сотрем “Люди крестик”. Меня тошнит») - г) субъективация посредством коллектива (исповедь перед матерью о собственном решении и собственных переживаниях, одобрение матери – «Я говорю: “yes!”») - д) отторжение продукции, которая связывается с рисками (перемещение в корзину, необратимое удаление файла) - е) здоровье

По результатам применения этой модели, я могу сказать, что в семье Инф_5 и семье Инф_9 существуют различные типы подчинения, которые, тем не менее, присущи одной и той же моральной форме. В семье Инф_5

подчинение исходит из коллективной нужды (благополучие, здоровье и моральный облик семьи) и распространяется при помощи иерархий, в то время как для семьи Инф_9 актуален такой способ подчинения, который исходит из нужд индивидуальных субъектов и распространяется при помощи договоров. При таком типе подчинения привилегии пользования могут распределяться иначе и это, исходя из моей гипотезы, не может не повлиять на логику распределения и работу рисков, которая должна в случае Инф_9 оказаться иной. Внутри моей гипотезы риски, обуславливающие моральную проблематизацию визуальной продукции, отражают разрушение иерархического способа присвоения блага пользования медиа. Но может ли работать такая гипотеза и в состоянии ли она произвести описание в том случае, когда иерархий пользования нет (или они не рефлексированы)?

Старший из детей - М. (Инф_9, М., м., 2000 г.р.) рассказал мне о том, насколько трудно бывает распределить время пользования двумя компьютерами, при условии того, что использование объектов распределяется по средствам договоров. М. (Инф_9, М., м., 2000 г.р.) подчеркивает, что труднее всего договориться именно с младшей сестрой (Инф_9, У., ж., 2008 г.р.):

*Всё путем договоров решается, но нередко как раз У. [Инф_9, У., ж., 2008 г.р.] захватывает на долгое время компьютер и просто не отдает его пол дня, просто **не обращая внимания** ни на какие **аргументы**. (Инф_9, М., м., 2000 г.р.)*

Распределение времени пользования предметом здесь как будто вывернуто наизнаку по отношению к той модели, которую я постепенно пытаюсь заставить работать. Система аргументации для распределения благ предваряет распределение рисков, а не наоборот. Последние (младший

ребёнок) в цепочке иерархий, сопряженных с семейным использованием, благодаря нечувствительности к таким аргументам, становятся первыми в пересчете на общие часы семейного использования.

И мне стало интересно, по какой модели происходит моральная проблематизация визуальной продукции в такой семье, и работает ли при таких условиях мое описание.

Задолго до составления этого описания, у меня была всего лишь программа интервью, которой мне было труднее всего следовать именно в разговоре с М. (Инф_9, М., м., 2000 г.р.) так как он практически не давал мне никакой возможности задать вопрос, увлеченно рассказывая про свой любимый мультсериал, который привел его в сообщество фанатов «My little Pony: Friendship is magic» (США, 2010 -):

*Этот сериал реально пробуждает очень светлые чувства и дает уверенность и надежду на будущее. То, что можно что-то изменить. То, что есть что-то **противоположное** тому, что творится сейчас (Инф_9, М., м., 2000 г.р.)*

М. (Инф_9, М., м., 2000 г.р.) поделился со мной собственной рефлексией на тему того, как изменилась его жизнь после просмотра этого сериала:

*Потом, когда я пришел на сходки, я был такой тихий весь. Такой... я ни с кем не общался фактически, но потом постепенно начал втягиваться в эту тусовку... У меня **нормализовались** спустя некоторое время после просмотра сериала отношения с одноклассниками, я перестал их считать...*

хм... можно выразиться не матерно, но ругательством, так скажем? Ну, тупым быдлом (Инф_9, М., м., 2000 г.р.)

Влияние сериала на себя самого М. (Инф_9, М., м., 2000 г.р.) выражает в нарративе о трансформации собственной социальной жизни, используя биомедицинский тип повествования о выздоровлении¹⁴¹ (таким образом обычно строится нарратив в рекламах лекарственных препаратов) и термин «нормализация». В этот момент я поняла, что здесь, в действительности, работает моя модель, если развернуть зеркально все её элементы. Такой порядок модели моральной проблематизации этого типа я и назвала «нормализацией»:

Добрый герой весь из себя такой правильный - он уже выглядит картонно, заезженно. А злодеи у меня наоборот вызывали сильнейшее чувство солидарности, ну, потому что - один против всего мира. Но в «My little pony» у меня совершенно не было такого. Мне искренне нравились положительные персонажи. Вызывали симпатию. Поначалу мне казалось это очень странным. Но потом я просто взял листок бумаги и начал

¹⁴¹ Американский исследователь В. Д. Робертсон фиксирует похожий порядок нарративов среди участников интернационального фэндом «Брони», это наблюдение могло бы в последствие уточнить и расширить применение моей модели: «"Брони" стремятся повторять схожий нарратив об обращении: после просмотра одного эпизода из скептического любопытства, они понимают к своему удивлению, что их «зацепило» шоу. По воспоминаниям программиста Люка Аллена: "Сначала мы не можем поверить, что этот мультфильм так хорош, после мы не можем поверить, что мы стали его фанатами на всю жизнь... а дальше мы уже не можем поверить, что наши друзья ещё его не посмотрели, а затем мы не можем поверить, что они тоже становятся «Брони»" [«Bronies tend to repeat a similar story of conversion: after watching one episode out of skeptical curiosity, they realize they are, to their surprise, hooked on FiM. As computer programmer Luke Allen recounts: 'First we can't believe this show is so good, then we can't believe we've become fans for life ... then we can't believe our friends haven't seen it yet, then we can't believe they're becoming Bronies too' (quoted in Watercutter, 2011)»] (Robertson V. L. D. Of ponies and men: My Little Pony: Friendship is Magic and the Brony fandom //International journal of cultural studies, 2014.T. 17. №. 1. P.28)

*рисовать. Вот так вот. Одна моя такая часть **мозга**: «что ты делаешь!? Ты рисуешь разноцветную лошадь из детского мультика!». Другая: «всё! Замолчи и рисуй дальше - получается хорошо».*

Я могу описать случай, которым поделился со мной М. (Инф_9, М., м., 2000 г.р.) в таком порядке:

а) неограниченное потребление продукции, не связанной с рисками («заезженность», «правильность героя») - б) отторжение продукции, которая **не связана** с рисками (солидаризация со злодеем) - в) болезнь (социальная дезадаптация, потребление регрессирует до просмотра «мультфильма для детей») - г) использование продукции, которая **не связана** с рисками (одобрение собственного творчества на тему мультфильма) - д) субъективизация посредством иного коллектива (субкультура и фандом «Брони») - е) здоровье (социальное выздоровление, «нормализация отношений с одноклассниками»)

Такой порядок этого описания я и называю «*нормализацией*». Такой порядок зеркально отражает элементы (связи подчинения и риски) исходной, описанной мной модели моральной проблематизации, и он формируется на такой стадии, где актуализация и распределение рисков (наделение продукции значением «небезопасная для детей») уже произошли когда-то раньше. Исходная продукция, потребляемая индивидом, а также её элементы здесь и рефлексировались в качестве «правильных» - «заезженных» - как если бы речь шла о дороге, проверенной большим количеством путешественников – где количество следов определяет качество безопасности и отсутствие риска. Если соотнести эту ситуацию с семейной установкой Инф_9, которая предполагает такой тип подчинения, при котором индивид самостоятельно сталкивается с актуализацией рисков и вынужден самостоятельно

организовывать ограничение (В., сначала тошнило, а потом он самостоятельно удалил фильм в альтернативной озвучке), то это означает, что к 16-ти летнему возрасту М. уже знаком со всеми возможными рисками для собственного здоровья и порядком ограничил себя в их потреблении. С моей гипотезой о том, что риски отражают распределение иерархий пользования здесь также расхождений нет. Ведь если риски действительно отражают распределение иерархий пользования, то большую часть рисков в ситуации, где больший объем пользования достается младшему ребёнку, получает старший сын, который вынужден считаться с тем обратным распределением пользования визуальными медиа, которое существует в семье (Так М. впервые посмотрел *My little pony* 3 года назад, когда младшая сестра использовала компьютер для просмотра мультфильма).

В рефлексии 35-ти летней матери¹⁴² (Инф_2, Е., ж., 1980 г.р.) двоих детей (Инф_2, А., м., 2004 г.р.; Инф_2, Н., ж., 2007 г.р.) нарратив, связанный с тем же мультсериалом работает по схожей модели «нормализации». Е. (Инф_2, Е., ж., 1980 г.р.) тоже «познакомилась» с этой продукцией около 3-х лет назад. Е. рассказала, как она вместе с детьми была на молодежном смешанном субкультурном фестивале, который проходил в лесу. Е. (Инф_2, Е., ж., 1980 г.р.) довольно часто посещает такие фестивали – весной и летом она живет с детьми в палаточном лагере и оценивает лес как место, которое безопасно для её детей в отличие от городской среды, не полезной для здоровья. Тем не менее, 3 года назад на фестивале «Своя атмосфера» Е. (Инф_2, Е., ж., 1980 г.р.) столкнулась с продукцией, связанной с мультсериалом «*My little pony: friendship is magic*». Е. (Инф_2, Е., ж., 1980 г.р.) увидела, как продукцию используют взрослые мужчины, причисляющие себя к субкультуре «Брони» (шьют и одеваются в костюмы, копируя

¹⁴² на момент записи интервью ей было 35.

персонажей из мультсериала, поют песни из мультфильма и т.д.). В первый момент Е. (Инф_2, Е., ж., 1980 г.р.) испытала отторжение:

*И я думаю: «Ну что-то совсем **плохо** у людей»... А потом я поняла! Я потихонечку — мне стало интересно - я заинтересовалась... Вот, мужчину представляют брутальным таким, сильным, у него всё там схвачено, а у него вот эта есть потребность в волшебном в таком, в добром. Там же главный принцип — «Дружба — магия», а у мужчин это вообще главная тема, дружба.<...> Взрослые мужики, которым, там, за сорок — за пятьдесят, они любят этих поняшек, шьют сами этих зверей. Там такое масштабное движение! Люди там арты... У них творчество просыпается на этой почве <...> Я до сих пор хожу на сходочки! Мне тридцать пять лет, у меня двое детей, а я хожу на сходочки. (Инф_2, Е., ж., 1980 г.р.)*

Отторжения Е. (Инф_2, Е., ж., 1980 г. р.) постепенно трансформируется в понимание. Она описывает этот процесс как что-то, что происходит «потихонечку», открывая его динамическую природу, которую можно попробовать описать при помощи моей динамической модели. Е. (Инф_2, Е., ж., 1980 г. р.) сначала «нормализует» в собственных глазах поведение молодых людей. Для того, чтобы «нормализовать» их поведение ей для начала приходится его медикализировать.

а) неограниченное потребление продукции не связанной с рисками (вид молодых людей, использование молодыми людьми атрибутики детского мультфильма) - б) отторжение продукции, которая не связывается с рисками (первая реакция Е.) - с) болезнь (мысль о психологическом неблагополучии участников движения) - д) одобрение продукции, которая не связывается с рисками (восхищение творческим производством сообщества) - е) новая форма субъективации посредством коллектива (ходит на «сходки»,

использует продукцию, связанную с мультиком) - f) здоровье (творческая и социальная реализация «на почве» мультсериала без потери собственной идентичности в качестве «матери двоих детей»)

Здесь «Нормализация» работает как способ утверждения того, что новая продукция, попавшая в поле зрения индивида, не содержит рисков, что потребление такой продукции нормально, даже в случае, если по возрасту и статусу субъект переходит в категорию тех, кто может не ограничивать себя в потреблении продукции, так как ему больше не грозят риски. Тем не менее, одобрить к собственному потреблению эту продукцию просто так невозможно, так как возрастной статус предписывает её отторгнуть. Тогда одобряется нечто, что связано с продукцией, существующее рядом, вблизи её непосредственного потребления. Связанным с визуальной продукцией может, например, являться самостоятельное производство чего-то по мотивам этой визуальной продукцией (рисунки, костюмы, мягкие игрушки) или одобрение и, возможно, покупка из частных рук такой продукции. Но серьезным фактором для одобрения этой продукции является именно её способность собирать вместе разобщенных сильных субъектов («брутальные мужчины») в масштабное движение. Таким образом мать двоих детей «потихонечку» начинает интересоваться этой продукцией, а потом и потреблять её - и факт потребления продукции, предназначенной маленьким детям, перестает быть для матери двоих детей болезненным.

Проект «нормализации» для незнакомой продукции, то есть такой, которая может быть потенциально отторгнута из сферы потребления, может осуществляться родителем для собственных детей, в этом случае будут обозначены риски и их минимализация посредством медиализации процесса потребления этой продукции, а затем личного «глубинного» исследования этой продукции на предмет её ценностного содержания:

*Последний мультик, с которым меня познакомил Саша — «Gravity Falls» — он, конечно, очень сумбурный, там он сумасшедшим образом подан, но в нем есть такие важные... Вот, я для себя, я, вроде, взрослый человек, а столько такого важного для себя нашла! Он не **поверхностный**, там есть какие-то вот действительно ценные вещи. Там, про дружбу, про семью.*

а) свободный, неограниченный тип потребления визуальной продукции (мультфильм показывает сам ребёнок) – б) обозначение возможных рисков («сумбур» - перемешанные границы субстанций)– с) Болезнь («сумасшедшим образом подан», как «подан на стол») – d) одобрение продукции, которая **не связана** с рисками (в лице матери и её готовности осваивать продукцию в глубину, не опасаясь рисков – «не поверхностный») – е) субъективация посредством коллектива (узнавание коллективных ценностей – «дружба» и «семья») – f) здоровье

Модель «Нормализации» визуальной продукции может запрашиваться и самим ребёнком и получать отторжение родителя в форме её обратного эквивалента:

*я не понимаю мультики «Финис и Ферб», когда они ходят и дубасят друг друга. Я не люблю мультики, где такое насилие прямо... просто... не пойми с чего. Там эта сестра их вредничает. «мама», - говорят: «**нормальный же мультик!**». Ну, я так, типа – переключаю. Ну, на крайний случай, если совсем нигде ничего не идет, а им уж очень хочется посмотреть телевизор, ну, на 15 минут я разрешу этого «Финеса и Ферба». А так я – против*

а) Неограниченный тип потребления (телевидение транслирует мультфильмы, которые могут быть не поняты зрителем) – б) Болезнь («ходят и дубасят друг друга») - с) отторжение неограниченного типа потребления («я не люблю») – d) субъективация посредством коллектива (просмотр телевизора вместе с детьми) – е) отторжение продукции, связанной с рисками

(переключает телевизор) – f) здоровье (формирование предписания просмотра морально-проблематизированной продукции)

По результатам применения этих моделей, я могу сказать, что исходная модель моральной проблематизации с большей вероятностью будет описывать те случаи, где субъект определяет риски для самого себя или распределяет их другим, в случае если он владеет телевизионным пультом и имеет основную привилегию пользования медиумом. И в том и в другом случае субъект будет находиться во властной позиции. В том случае, когда статус субъекта не будет осознаваться в качестве властного (над потреблением собственным или потреблением других), то модель будет принимать форму нормализации или, по крайней мере, идти по пути минимализации рисков.

Та же информантка, распределяющая риски для собственных детей, в случае, когда речь заходит о продукции, которая вызывает отторжение у неё лично (мультфильм «Финис и Ферб») использует модель «Нормализации» визуальной продукции, аргументируя перед лицом своей матери тот выбор продукции, который она предлагает своим детям:

С.: Как тебе «Лунтик»?

Н.: Кстати, нормально, очень даже нормальный, такой добрый мультик. И он хорошему-то учит, несмотря на этого Лунтика. У нас мама (ну, хотя сейчас уже ничего), а раньше там в связи с религией к Лунтику не очень относилась. Я говорю: мам, ну, посмотри, мультик хороший, учит хорошему. «Чебурашка»- то тоже, говорю, непонятно кто. Ну, вот, типа, не бесовский (Инф_1, Н., ж., 1978 г.р.)

«Нормализация» продукции, осуществляемая родителями в некоторых случаях, с закономерной трансгрессией, может работать и в противовес государственным предписаниям 2010-го года:

нет, ну мне, я слышала, по поводу «Ну, погоди!», что волк там всё время курит, его запрещали, так это, ну а что? Мы воспитывались в советское время, там все курили и ничего такого не было (Инф_6, Н., ж., 1978 г.р.)

Тем не менее при описании этого нарратива я сталкиваюсь с тем, что моя модель применима к нему только частично; если такой способ применения можно охарактеризовать как «применение», когда мне пришлось восстанавливать связи подчинения в угоду моей модели:

а) потребление продукции, не связанной с рисками («Ну, погоди!») - б) отторжение продукции не связанной с рисками (запрет «Ну, погоди!») - в) Болезнь (риск, сопряженный с демонстрацией курения) - г) использование продукции, которая не связывается с рисками («в советское время все курили») е) субъективация в ином качестве (коллектив советских детей) - ф) Здоровье («ничего такого не было»)

Бывают и случаи, когда «нормализация» опять опрокидывается в «обратном» направлении - по этой модели, на мой взгляд, устраивается следующее за тем, что было приведено выше, умозаключение той же информантки:

И всё время там какие-то там плохие герои, они всё время пыхтели, то с трубкой, то ещё что с кем-то, мы на это просто внимания не обращали (Инф_6, Н., ж., 1978 г.р.)

а) Неограниченный тип потребления («всё время») б) Болезнь («плохие герои») в) отторжение продукции, которая связывается с рисками (герои «пыхтели», выдувая опасный табачный дым) г) субъективация в ином

качестве («мы» прошедшего времени) е) отторжение продукции, которая связывается с рисками («внимания не обращали») f) ?

Это такой тип подчинения, который в соответствии с применением моей модели я могу назвать «неопределенным». Здесь я наблюдаю не полное связывание и распад цепочки, по которой работает модель моральной проблематизации, нашедшая воплощение в законодательной норме. Моя модель практически его не распознает, и это дает мне возможность заключить, что моё описание не является универсальным и вряд ли подходит для определения любых вариаций возможностей случаев. Тем не менее, в этой главе я попыталась показать возможные сферы применения моей модели, где она будет производить довольно подробное описание.

Заключение.

В своей работе я изучала моральную проблематизацию практики медиадосуга детей, отталкиваясь от описания этой практики. Описание практики потребления медиа и тех рисков, которые это описание сопрягало с практикой, легло в основу, созданной мною модели, по которой, на мой взгляд, сегодня может происходить моральная проблематизация визуальной продукции для детей в России.

На данном этапе мне трудно судить о том, насколько моё описание было полным.

Я исходила из довольно узкой и специфической теоретической рамки, в которой методологические модели работают так, как они были мною поняты и переориентированы с учетом эмпирических наблюдений. Отчасти гипотетическим остается вопрос о правомерности использования теории «общества риска» в моей собственной аналитической модели, которую я использую на всех этапах дискурсивного исследования, следуя догадкам о природе «рисков» и присущей им *иррациональной логики*, на которую указывает Ульрих Бек¹⁴³. Тем не менее, я попыталась объяснить этот возможно экстравагантный способ применения, продиктованный мне материалом (см. «Главу I. Теоретическая рамка исследования» С.17-20). Не менее открытым остается и вопрос о корректности использования термина Бодрийяра «ТВ-предмет»¹⁴⁴, связанного с его теорией общества потребления по отношению к неравенству классов. Теория, исходящая из предпосылки неравенства классов, была переориентирована мной по отношению к неравному способу распределения времени телевизионного просмотра внутри семейных практик (см. «Глава I. Теоретическая рамка исследования» С.18-

¹⁴³ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., Прогресс-Традиция, 2000.

¹⁴⁴ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Академический проект, 2007.

19). Я попыталась опираться здесь на следующую логику: первичным является освоение «ТВ-предмета» в качестве объекта, маркирующего статус; уже затем открывается *иррациональная глубина* потребления, которая бесконечно расширяется за плоскостью экрана, порождая *риски*, которые опознаются как угрожающие здоровью внутри медиализованного морального дискурса. Понятийная конструкция «медиализация морального дискурса» встречается на страницах моей работы на правах некоторой самоочевидности, связанной с предположением о том, что биомедицинский тип дискурса *бесконечно расширяет* сферы своего применения (см. «Глава I Теоретическая рамка исследования» С.21-22).

Определения, включавшие *иррациональную* форму феноменов, с которыми я предполагала работать, на более общем уровне соотносятся с моим выбором в качестве основной теоретической рамки представления о моральном субъекте, предложенные Мишелем Фуко¹⁴⁵ (см. «Глава I. Теоретическая рамка исследования» С.26-27). С другой стороны, можно отметить, что мое построение носит замкнутый на себя характер, не предполагающий выхода за его пределы тех, кто является предметом моего описания. Ведь если взять некоторую константу (данную в форме субъекта морали) и добавить некоторое ограниченное число переменных (*бесконечное* производство рисков, *расширяющееся* и *углубляющееся* потребление медиапродукции, *разрастание* биомедицинского типа дискурса), которые будут бесконечно прогрессировать, а их прогрессия будет подчиняться одному и тому же заданному принципу, постоянно апеллирующему к самому себе (субъект морали и границы его познания), то переход к *рациональной проработке* ситуации телесмотрения оказывается в принципе невозможен.

¹⁴⁵ Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. СПб.: Академический проект, 2004. Т. 2; Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007.

На выходе получится бесконечно расширяющаяся, самовоспроизводящаяся, «мельчающая» и усложняющаяся на каждом своем этапе бесконечная динамическая форма – впрочем, как мне кажется, именно так и работает модель Мишеля Фуко, связанная с феноменом субъекта морали.

Стратегию доступной выборки информантов для эмпирической части исследования я обосновывала методом институциональной этнографии. Этот метод был предложен Дороти Смит¹⁴⁶ и в своем оригинальном применении базировался на расширении границ субъективного знания исследователя, начинающего с самого себя (см. Введение С.9). Тем не менее, мой неформализованный интуитивный способ работы с материалом перерос в то, что я бы назвала «дискурсивной этнографией» (см. «Глава III. Пределы практики» С. 71-104).

По результатам проведенной работы, выяснилось, что появление ограничений в сфере потребления медиа детьми определяют «взлёт» и «падение» основного потребителя в семье – того потребителя, которому принадлежит основная привилегия пользования техническими средствами (ТВ-предметом, ноутбуком и т. д.), то есть тем каналом связи, по которому в семью поступает визуальная информация.

Исследование практик просмотра визуальных медиа в семьях показало, что всякий медиум, связанный с экраном, содержит в себе практический парадокс: его индивидуальное использование может мгновенно переходить в общее пользование коллектива, иными словами, тот или иной субъект не может пользоваться им безраздельно. Для пользования этим медиа

¹⁴⁶ Smith D. Knowing the social: An Alternative Design / Smith D. Institutional Ethnography. A Sociology for people. Toronto: Altamira. 2005. Ch.10. P.205-229

достаточно прямого или опосредованного взгляда, а иногда даже слуха. Таким образом, семьи имеют дело с благом, которое фактически невозможно распределить - потенциал этого блага бесконечен так же как бесконечно возрастающее с ростом изобилия желание.

Простота пользования и символический статус данного блага делают затрудненным его иерархическое распределение. Представление о присвоенном «благе» начинает связываться у детей не с самим техническим предметом и его присвоением (этот предмет и не может быть присвоен), а с содержанием той продукции, которую демонстрирует техническое средство, а далее с той продукцией, которая создана по мотивам потребляемых фильмов и мультфильмов (игрушки, компьютерные игры, аксессуары и т.д.)... Потребление ребёнка начинает в прямом смысле стремительно «ускользать» из сферы внимания взрослого, который стремится преподнести ограничение (и самоограничение) в качестве «лекарства» от вины за собственное стремление к неограниченному типу потребления. Тем временем общее количество технических средств, осуществляющих трансляцию, в семьях продолжает расти и их основными пользователями становятся дети, - при том, что дети не являются основными их потребителями.

С возрастанием изобилия, с переходом на новый этап потребления блага такого рода – с увеличением количества программ, доступностью кабельного телевидения, появлением компьютера, уплотнением телевизионного изображения и ускорением телевизионного потока - общество сталкивается с иррационально разрастающейся тревогой, которая выражает себя в форме ощутимых моральных паник (см. Глава II. С.30-46). Эта ситуация довольно быстро была отрефлексирована на уровне государственного дискурса в качестве «болезни» и «нездорового потребления» (см. Глава II. С.47-59), лекарством от которого должно было

стать ограничение визуального потребления детей как основных адресатов и субъектов желания, «конкурирующих» с родителями в неограниченном типе потребления всего, что не может быть ими присвоено.

Расплату за потребление взрослых или «вину потребления» выражают риски, сопряженные с визуальной продукцией для детей – тем благом, которое дети в действительности могут присвоить. Распределение рисков происходит зеркальным способом по отношению к тому, как распределялось иррациональное благо, - поэтому риски, произведенные медиа-объектами, приходятся на долю детей, которым полагалась наименьшая часть блага (с увеличением в сторону наименьшей возрастной границы). Такое распределение рисков фиксирует расшатывающиеся семейные иерархии в использовании технических средств, способных транслировать визуальную продукцию. Эти риски и организуют ограничения просмотра визуальной продукции. Ограничения в свою очередь понимаются как единственное «лекарство» от присущего субъекту стремлению к неограниченному потреблению.

На сегодняшний момент в отечественном дискурсе эта ситуация проговаривает себя только на языке биомедицинских, юридических или религиозных терминов, так как сами субъекты, которые не могут говорить на языке желания, потому что испытывают тревогу в тот момент, когда пытаются признать себя в качестве таковых. Они одновременно и находят себя в желании, и тут же себя в нем теряют. Эта ситуация кажется мне похожей на то, что происходит в советском мультфильме про цветик-семицветик. В тот момент, когда все бесконечные неисчерпаемые блага «атакуют» субъекта, ситуация бесконечного обладания трансформируется в физическое страдание. Всё это происходит из-за самого факта наличия бесконечного желания, присущего субъекту. Единственным способом справиться с желанием является осуществление желания другого,

предъявленного в форме «выздоровления». На мой взгляд, та модель, по которой происходит моральная проблематизация практики медиа досуга детей в современной российской культуре в общем смысле выражает собой общий шок потребления.

Литература и источники.

- 1) Амбарцумов И. В. Пятидесятнические и харизматические группы Санкт-Петербурга и Ленинградской области // Вестник ленинградского государственного университета им. АС Пушкина. 2016. №. 1. С.164-174
- 2) Арьес Ф. Ребёнок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 1999
- 3) Бачинин В. А. Детство и детское ТВ в социальном контексте //Социологические исследования. 2009. №.10.С.119-125
- 4) Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., Прогресс-Традиция, 2000.
- 5) Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Академический проект, 2007.
- 6) Большая советская энциклопедия (3-е изд.). Т. 24: Кн. 2: Союз Советских Социалистических Республик. 1977. М.: Сов. энциклопедия, 1969—1978.
- 7) Веселые человечки: Культурные герои советского детства/Сост. и ред. И. Кукулин, М. Липовецкий, М. Майофис. М.: Новое литературное обозрение, 2008
- 8) Воронкин А. С. Социальные сети: эволюция, структура, анализ //Образовательные технологии и общество, 2014. Т. 17. №. 1. С.650-675
- 9) Горохова О. В. Трансформация образа ребенка в отечественной анимации 1920–1940-х гг.// Том 1. Гуманитарные науки. 2013. № 4. С. 262-266
- 10) Дуглас М. Чистота и опасность. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково Поле, 2000.

11) Здравомыслова Е., Роткирх А., Тёмкина А. Создание приватности как сферы заботы, любви и наемного труда / Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности: Коллективная монография. СПб.: Издательство ЕУСПб, 2009.

12) Изволов Н., Спутницкая Н. Анимация. / Страницы истории отечественного кино: детское кино, анимация, документальное кино, кинематограф русского зарубежья. М.: «Материк», 2006. С.134-180

13) Кирия И. В., Новикова А. А. Депрессивное медиапотребление (исследование телевизионных предпочтений местных жителей) //Вестник Московского университета. 2013. №. 5. С. 53–63

14) Луман Н. Понятие риска //THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем, 1994. №. 5. С.135-160.

15) Лункин Р. Н. Евангельские церкви России и общество: реформация для “малой родины” //Современная Европа. 2014. №. 4. С.136-148

16) Макинтайр А. После добродетели. М.: Академический проект, 2000.

17) Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988

18) Михель Д.В. “Воплощенный человек”. Западная культура, медицинский контроль и тело. - Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000

19) Новикова А. А. Антропология медиа в России: истоки и перспективы //Этнографическое обозрение. 2015. №. 5. С. 3–12

20) Овчинская Е. В. Этнографические исследования телеаудитории в западной и российской социологии //Знание. Понимание. Умение. 2013. №. 3. С.117

- 21) Ромашова М. В. От истории анимации к истории детства в СССР: постановка проблемы // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2011. № 3–17. С. 114–119
- 22) Сафиуллина Л. Г. Утопический и антиутопический дискурсы в анимационных версиях симфонической сказки «Петя и волк» С. Прокофьева //Филология и культура. 2012. № 3. С. 187–194
- 23) Сергеева О.В. Домашний телевизор: экранная культура в пространстве повседневности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009
- 24) Скоробогатова И. В. Новые тенденции в развитии пятидесятилетнего движения в России // Вестник Ленинградского государственного университета им. АС Пушкина. 2012. Т. 2. №. 1.
- 25) Ушакин С. Бывшее в употреблении: Постсоветское состояние как форма афазии //Новое литературное обозрение, 2009. №.100
- 26) Ушакин С. А. Мы в город Изумрудный идем дорогой трудной»: маленькие радости веселых человечков //Веселые человечки: Культурные герои советского детства/Сост. и ред. И. Кукулин, М. Липовецкий, М. Майофис. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 9-60
- 27) Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ “Гуманитарная академия”: Университетская книга, 2004.
- 28) Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007.
- 29) Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. СПб.: Академический проект, 2004. Т. 2
- 30) Шкловский В. О теории прозы. М., «Федерация», 1929.

- 31) Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. М.; СПб.: Университетская книга, Т.1. 2001.
- 32) Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. М.; СПб.: Университетская книга, Т.2. 2001.
- 33) Яницкий О. Н. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции //Общественные науки и современность, 2004. №. 2. С.5-15
- 34) Barker M. Petley J. Ill effects: The media violence debate. London and New York: Routledge, 2002
- 35) Brannon L. A., Brock T. C. The subliminal persuasion controversy: Reality, enduring fable, and Polonius's weasel //Persuasion: Psychological insights and perspectives. Boston: Allyn and Bacon, 1994
- 36) Beatty, S. E., & Hawkins, D. I. Subliminal stimulation: Some new data and interpretation Journal of Advertising, 18,4—8. 1989
- 37) Bignell J. Writing the child in media theory //The Yearbook of English Studies, 2002. P.127
- 38) Cohen S. Folk Devils and Moral Panics. London and New York: Routledge, 2002
- 39) Critcher C. Moral panic analysis: Past, present and future //Sociology Compass. 2008. Т. 2. №. 4.
- 40) Critcher Ch. Moral Panics and the Media. Milton Keynes, UK: Open University Press, 2003

- 41) Critcher Ch. Widening the focus moral panics as moral regulation //British Journal of Criminology. 2009. T. 49. №. 1. C.17-34
- 42) Ferguson C. J., Kilburn J. The public health risks of media violence: A meta-analytic review //The Journal of pediatrics, 2009. T. 154. №. 5. P.759-763
- 43) Gentile D. A. Media Violence and Children: A Complete Guide for Parents and Professionals: A Complete Guide for Parents and Professionals. Santa Barbara, California: Praeger, 2014
- 44) Key, W. B. Subliminal seduction: Ad media's manipulation of a not so innocent America. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1972
- 45) Morley, D. Family Television: Cultural Power and Domestic Leisure. L.: Comedia, 1986.
- 46) Pratkanis, A. R. The cargo-cult science of subliminal persuasion. Skeptical Inquirer, 16. 1992. P.260–271
- 47) Robertson V. L. D. Of ponies and men: My Little Pony: Friendship is Magic and the Brony fandom //International journal of cultural studies, 2014.T. 17. №. 1. P.28
- 48) Smith D. Knowing the social: An Alternative Design / Smith D. Institutional Ethnography. A Sociology for people. Toronto: Altamira. 2005. Ch.10. P.205-229
- 49) Thompson K. Moral panics. New York: Routledge, 2005
- 50) Vokey J. R., Allen S. W. Psychological Sketches. Lethbridge, Alberta: Psyence Ink, 2007
- 51) Vokey, J. R., & Read, J. D. Subliminal messages: Between the devil and the media. // American Psychologist, 40. 1985. P.1231–1239

Интернет-источники.

1) Бендас К.В. Засилье безнравственных образов на ТВ - главная угроза российскому обществу и Российскому государству 22 сентября 2007 [Электронный ресурс] // Бывший официальный сайт организации РОСХВЕ (пятидесятников) URL: <http://old.cef.ru/5/a/5549/> (дата обращения: 14.01.17)

2) Бендас К.В. Открытое заявление российского объединенного союза христиан веры евангельской (пятидесятников) от 27.11.2008г. [Электронный ресурс] // Бывший официальный сайт организации РОСХВЕ (пятидесятников) URL: <http://old.cef.ru/3/a/6529/> (дата обращения: 14.01.17)

3) Бендас К.В. Открытое обращение РОСХВЕ с требованием закрыть экстремистский телевизионный канал -2х2- 1 сентября 2008 [Электронный ресурс] // Бывший официальный сайт организации РОСХВЕ (пятидесятников) URL: <http://old.cef.ru/3/a/6056/> (дата обращения: 14.01.17)

4) Дубровский М. Объясните пожалуйста , какую выгоду для вас имеет преследование телеканала 2Х2 ? Василий 10 ноября 2008 года [Электронный ресурс] // Бывший официальный сайт организации РОСХВЕ (пятидесятников) URL: <http://old.cef.ru/140003/14/a/6385/> (дата обращения: 14.01.17)

5) Манкина И. Не превращайте дом в Содом! 3 марта 2009 [Электронный ресурс] // Бывший официальный сайт организации РОСХВЕ (пятидесятников) URL: <http://old.cef.ru/3/a/7178/> (дата обращения: 14.01.17)

6) Официальный сайт экспертной комиссии по вопросам нравственности и социальной информации [Электронный ресурс] / URL: <http://www.nssi.ru/comission.html> (дата обращения: 3.11.2017)

7) Понкин И.В., Абраменкова В.В Российский телеканал "2х2" демонстрирует мультсериалы, направленные на дискредитацию моральных норм и разрушение нравственных ценностей [Электронный ресурс] // Бывший официальный сайт организации РОСХВЕ (пятидесятников) URL: <http://old.cef.ru/3/a/4331/> (дата обращения: 14.01.17)

8) Понкин И.В., Юрьев Е.Л., Елизаров В.Г, Абраменкова В.В., Пристанская О.В., Коровина Ю.В., Соловьев А.Ю., Халтурина Д.А., и др. Концепция государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в Российской Федерации и защиты их нравственности (02.06.2008) [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал Государство и религия URL: <http://www.state-religion.ru/index.php?p=post&id=14> (дата обращения: 13.03.17)

9) Попов Н. Когда толерантность становится предательством? Ответы пастырей [Электронный ресурс] // новостной христианский портал «Православие.ру» URL: <http://www.pravoslavie.ru/95493.html> (дата обращения: 15.3.17)

10) Постановление Секретариата ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему улучшению работы радиовещания и телевидения» [Электронный ресурс] // Архив Александра Н. Яковлева URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1026898>

11) Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) от 24 августа 2012 г. N 824 г. Москва "Об утверждении Порядка аккредитации экспертов и экспертных организаций на право проведения экспертизы информационной продукции"/ Официальный сайт Российской Газеты.

RG.RU [Электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2012/11/23/poryadok-dok.html> (дата обращения: 7.04.17)

12) Реген Е. Гольденштейн Ю. Текст открытого интервью Михаила Боярского со студентами и выпускниками СпбГУ [Электронный ресурс] // Интернет-газета «Бумага» URL: <http://paperpaper.ru/fullscreen/boyarskiy-mozhnovse/> (дата обращения: 15.3.17)

13) Россвязьохранкультура выносит предупреждения редакции телепрограммы «Телеканал 2x2» и ЗАО «Телеканал 2x2». 4 марта 2008 года // официальный сайт РКН [Электронный ресурс]/ URL: <http://rkn.gov.ru/news/rsoc/news559.htm?print=1> (дата обращения: 4.4.2017)

14) Ряховский С.В., Столяр В.Д., Окара П.Н., Сипко Ю.К. Обращение Консультативного совета глав протестантских церквей к генпрокурору РФ по поводу закрытия канала "2x2" 11 марта 2008 года [Электронный ресурс] // Бывший официальный сайт организации РОСХВЕ (пятидесятников) URL: <http://old.cef.ru/3/a/5134/> (дата обращения: 14.01.17)

15) Стенограмма парламентских слушаний Комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей на тему: «О концепции государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в РФ и защите их нравственности» [Электронный ресурс] // официальный сайт Всероссийского союза общественных объединений, действующих в интересах детей URL: <http://www.detirossii.ru/13124.php> (дата обращения: 13.03.17)

16) Текст интервью с Юрием Энтиным. Юрий Энтин: «На худсовете публично заявили: «Пластинка «По следам бременских музыкантов» -это марихуана для детей! И разврат!». 11/09/2008 [Электронный ресурс] / официальный сайт и он-лайн архив газеты “Аргументы и Факты” // URL.: <http://www.aif.ua/culture/957515> (дата обращения: 8.04.17)

17) Текст статьи 6.21 КоАП РФ. Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних [Электронный ресурс] // URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/f385ab5d34de901b2e5f3d08ac0b454481377d6a/ (дата обращения: 15.3.17)

18) Текст федерального закона о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=181927&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.0339708457861978#0> (дата обращения: 14.3.17)

19) Текст Федерального закона от 23.02.2013 N 15-ФЗ (ред. от 28.12.2016) "Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака" [Электронный ресурс] // URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142515/f8c54e95eb72faf923b32bbf85e540d607b3eb1f/

20) Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям [Электронный ресурс] / URL:

<http://www.fapmc.ru/mobile/newsandevents/media/2008/09/item5765.html> (дата обращения: 3.11.2017)

Приложение 1.

Сведения об Информантах:

семья Инф_1.

Детей воспитывают оба партнера (мать и отец). Оба работают. Отец – руководящая должность (пищевая промышленность), мать – секретарь в крупной компании. Проживают в Санкт-Петербурге в трехкомнатной квартире. Оба имеют высшее образование – технологи пищевого производства.

мать (Инф_1, Н., ж., 1978 г. р.)

Дети: В. (ж. 2005 г. р.) и Е. (ж. 2007 г. р.). Ходят в школу и посещают спортивные секции.

семья Инф_2

Детей воспитывают мать и бабушка, без отца. Мать (Инф_2, Е., ж., 1980 г. р.) увлекается экоактивизмом. Работа и образование: неизвестно. Большую часть года живут всей семьей в палаточном лагере за городом.

Дети: А. (м., 2004 г.р.) и А. (ж., 2007 г.р.). Ходят в школу.

семья Инф_3

Детей воспитывают оба партнера (мать и отец). Оба работают. Проживают в трехкомнатной квартире (бывшая коммуналка). Мать (Инф_3, Т., ж., 1969 г.р.). Родом из Киришей. В Санкт-Петербурге проживает около 10 лет. Работает преподавателем английского языка в общеобразовательной школе. По высшему образованию: театральный режиссер. Ведёт студию народного театра на добровольных началах.

Дети:

старший сын от первого брака: А. (м., 1991 г. р.) живет вместе с матерью. Средне-специальное образование. Политехнический колледж. Ни разу не работал по специальности. Сейчас работает грузчиком-логистом. Не женат. Детей нет.

младший от второго брака: В. 2008 г. р., Посещает школу.

Семья Инф_4

Детей воспитывают оба партнера (мать и отец). Проживают в трехкомнатной квартире.

Мать (Инф_4, О., ж., 1971 г.ж.) имеет высшее образование (архитектор). Сфера занятости: фриланс (архитектор-дизайнер). Родилась и выросла в Кронштадте. Проживает в Санкт-Петербурге больше 20 лет.

Дети от первого брака:

старшая дочь от первого брака: А. (ж., 1992 г. р.), имеет высшее образование: филолог, учится зарубежом, живет отдельно. Не замужем. Детей не имеет.

Дети от второго брака:

О. (ж., 2004 г. р.) – учится в математической школе

А. (м., 2012 г. р.) – ходит в детский сад.

Семья Инф_5

Многодетная семья. Детей воспитывают оба партнера (мать и отец). Иногда нанимают няню. Квартира: 7 комнат. Мать – домохозяйка (Инф_5, Е., ж., 1975 г. р.). имеет неоконченное высшее образование (психолог.) Отец: имеет

неоконченное средне-специальное образование (макаровское училище), работает (предприниматель, руководящая должность). Православные – соблюдают посты, посещают церковь.

Старшие дети:

О. (ж., 1994 г. р.) высшее образование (искусства и гуманитарные науки), живет с родителями, работает, занята в сфере интернет-маркетинга, верующая.

А. (м., 1996 г. р.) спортсмен, живет с родителями, атеист

Младшие дети:

М. (ж., 2005 г. р.), учится в школе, посещает спортивные секции и воскресную школу

Т. (ж., 2009 г. р.), учится в школе, посещает воскресную школу

Н. (м., 2012 г. р.), только «играет»

Семья Инф_6

Ребёнка воспитывают мать (Инф_6., Н., ж., 1978 г.р.) и бабушка (Л. 1940 г.р.). Приехали из Феодосии. Проживают в Санкт-Петербурге около 5 лет, на момент исследования снимали комнату в коммунальной квартире. Бабушка – домохозяйка, в советское время работала учителем. Мать – работает не по специальности, имеет высшее образование (физик).

Дети:

С. (ж., 2005 г.р.), ходит в школу

Семья Инф_7

Ребёнка воспитывают оба партнера (отец и мать). Мать (Инф_7., А. ж., 1982

г.р.) оба родителя не имеют высшего образования. Проживают в Петербурге меньше 5 лет. Мать работает медсестрой. Отец – механик.

Дети:

Н. (2008 г.р.), посещает школу.

Семья Инф_8

Детей воспитывают оба партнера (отец и мать). Мать (Инф_8., ж., Н., ж., 1976 г. р.) работает в Университете (сфера услуг). Отец (К., м., 1974 г. р.) – рабочий метростроя. Высшего образования не имеют. Коренные Петербуржцы. Проживают в двухкомнатной квартире.

Дети:

Сын (1995 г.р.)

Дочь (1998 г.р.)

А. (2010 г.р.), посещает школу.

Семья Инф_9

Детей воспитывают оба партнера (отец и мать). Двухкомнатная квартира в Лен.области (Парголово, частный сектор). Мать (Инф_9., ж., 1968 г.р.). В данный момент не работает. Высшее образование: психолог. Работала научным сотрудником. Отец – по высшему образованию и текущей сфере занятости: инженер.

Дети:

М. (м., 2000-й г. р.), учится в выпускном классе школы

И. (м., 2004 г. р.), учится в школе, посещает спортивные секции и художественный кружок

У. (ж. 2008 г.р.), ходит в школу, посещает художественный кружок.

Семья Инф_0

(Инф_0 ж., Н. 1963 г.р.)

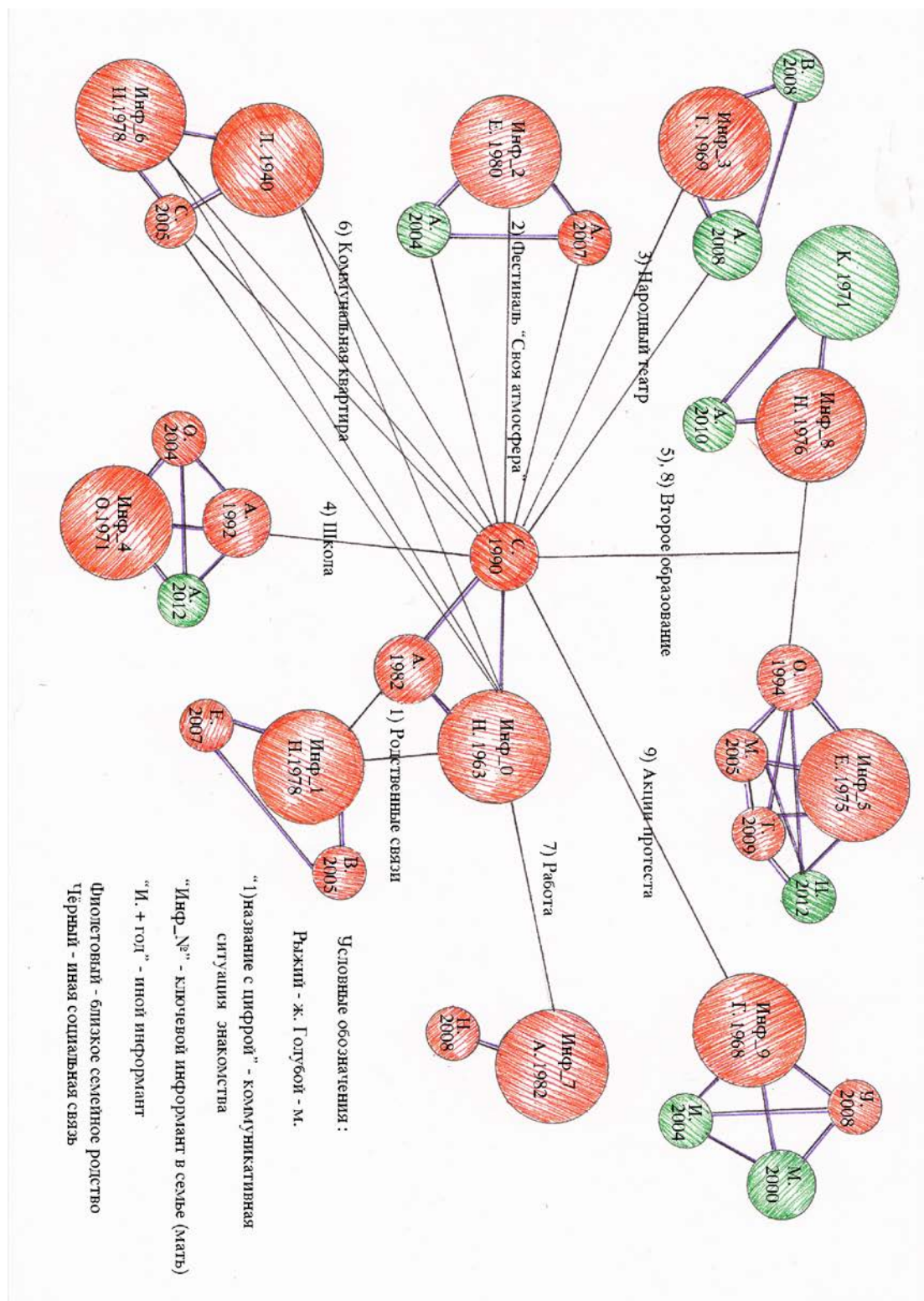
разведена, проживает в коммунальной квартире (две комнаты), имеет неоконченное средне-специальное образование, пенсионерка,

Дети:

А. (ж., 1982 г.р.), проживает в Париже (дом), замужем, имеет двух детей, два высших образования, занята в сфере Интернет-маркетинга

С. (ж., 1990 г.р.), проживает с матерью, не замужем, детей не имеет, имеет одно неоконченное высшее образование (режиссура ТВ), студентка, сфера занятости: фриланс.

Приложение 2. Таблица коммуникативных стратегий поиска информантов.

Приложение 3.

Интервью 1. Инф_0, А., ж., 1982 г.р

А. С. Какие у тебя были любимые мультики в детстве? Можешь ли ты вспомнить?

А. Мне точно не нравились «Ну погоди!»

А.С. А почему?

А. Я помню были мультфильмы, как правило, я не знаю почему, но мы их делили на, типа, кукольные и нарисованные. И как то среди, там, кукольных, там, тоже много воспоминаний.... Ну, «Винни Пух» мне нравился, хотя он такой... достаточно... Ну, вот, сейчас я уже не понимаю почему он мне нравился, прочитав книгу, мне кажется, что он совершенно там не совпадает с реальностью. Про крота мне нравились какие-то польские мультики, вот про этого... Не помню, как его звали там крота

А. С.: А что тебе там нравилось? Может, какие-то картинки тебе там запомнились?

А. Ну, яркие картинки. Вот этот мультфильм он был достаточно там яркий, какой-то там необычный стиль у него был нарисованный. Ну, и не было слов... Ну, много-чего было, на самом деле, как-то так я не помню.

А.С.: Помнишь ли ты какие-нибудь мультики про пионеров?

А. Ну, «Чебурашка». Про «Чебурашку» - там были пионеры. Что-то там... Именно в мультиках? Да, нет. «Ералаш» мне нравился. Про пионерскую, типа, жизнь. Не знаю, если там, ты помнишь, какие именно?

А. С.: Нет, интересно правда то, что запомнилось. А скажи, а ты в детстве хотела стать пионером?

А. Ну, да. На самом деле, да. Ну, как бы, я не стала пионеркой.

А. С. : Почему?

А. Потому что мои родители не хотели, чтобы я стала пионеркой. Они меня увезли на каникулы специально там к бабушке. И даже в октябрю я не вступила как все как раз... В октябрю я не вступила, я болела. Я когда пришла, мне просто вручили звездочку, то есть я не приносила никакую клятву, там не было этой именно церемонии октябрю, а вот в пионеры намеренно... мне потом родители сказали, что типа... Ну, они сначала представили, как «нам типо надо было уехать». Там как раз эта была церемония перед каникулами. Ну, в общем, не важно... Ну, мне, на самом деле, хотелось быть пионером ещё в несознательном возрасте так сказать. Там, когда мне родители сказали, что это не так-то классно...

А. С.: А как они тебе это объяснили?

А. Ну, так смутно, на самом деле, что-то там папа мне втирал, втирал. Я помню, что – да. Я как бы огорчилась, потому что всех типа, ну, это как праздник был для всех, а я как бы... С него меня, это самое, дернули. То есть, не дали поучаствовать. Я с досадой, не хотела, на самом деле, уезжать, когда мне сказали: мы уедем раньше до того, как четверть закончится. Там как раз было вступление в пионеры перед каникулами. Ну, я какая-то была очень податливая, и мне папа объяснил таким образом, что я не помню конкретно, что он мне сказал что-то там про идеологию или там... какими словами это было сказано, но я помню, что да, что это, на самом деле, не так-то классно. Не так, как мне казалось. Во-первых, это только один день... что это только церемония. И он мне писал, что да, что это потеря времени... Что это будет: слушать, там, клятву Ленину, приносить...

<...>

Про мультики, если честно, я помню, слишком много времени прошло. Как будто это было в какой-то прошлой жизни.

А. С.: А ты во взрослом возрасте пересматривала советские мультфильмы?

А. Смотря какие ты называешь советскими... Нет, слушай, мне на ум, кроме «Ну погоди» ничего не приходит, на самом деле, хотя были же вот «Винни

Пух», да? Это я вспомнила сразу.

А.С.: А вот «Ну погоди» ты их пересматривала, когда стала взрослой?

А. Намеренно нет. Где-то что-то, может быть, мелькало...

А. С.: А сыну своему ты показывала «Ну погоди»?

А. Нет. Нет, не показывала. Хотя... что-то мы это пытались все эти мультфильмы. Нет. Но «Машу и медведя» он смотрит. «Маша и медведь», то есть это уже новое поколение. Не особо то я и хотела ему показывать мультики моего детства. Не знаю почему. Почему? Потому что у него тоже должен быть свой опыт. Это его как бы... Жизнь меняется, жизнь совсем другая и мало ли что... Да... Мне понравилось передать ему вот эту песенку из «Спокойной ночи, малыши», я ему пела как колыбельную. И потом я ему показала вот эту заставку из передачи «Спокойной ночи, малыши» с этими из пластилина фигурками, которые друг в друга там перемешиваются, и ему очень понравилось... И когда мы были в Старом Осколе уже второй год, и там дети смотрят «Спокойной ночи, малыши» и идут спать. Вот эту передачу. И что... Да, что у него есть такой какой-то опыт, да, в течение нескольких недель, может быть, уже второй год в своей жизни он там слушает эту песню, эту заставку и как бы потом идет в кровать. Было очень много мультиков в этой передаче «Спокойной ночи, малыши»... Я думаю, что... Я помню, мы очень мало смотрели телевизор, ну, по крайней мере, в моей семье. У нас был такой маленький черно-белый телевизор, который там надо было хитроумно настраивать и «Спокойной ночи, малыши» это не то, что там максимум времени... Просто, такое советское детство, когда приходишь из садика... то есть мультиков было мало... В садике нам не показывали мультфильмы там не было телевизора, а дома у нас вот был такой худо-бедный телевизор, ну, и когда я была в сашином возрасте – 4-5 лет – у меня очень мало было культуры мультиков. Ну, не считая тех, которые я видела в кинотеатре у папы, потому что папа мой там работал...

Вот по телевизору, на самом деле, мы очень мало смотрели по телевизору. И, вот, я знаю, вот в этой комнате жила соседка, у которой был цветной телевизор – Тётя Люда – и у неё ещё был такой аквариум, и я очень часто тусовалась здесь у неё... И у неё все время была дверь, когда она была дома, дверь была всегда открыта, и у неё свисала такая занавеска с бубенчиками такими, знаешь, из бамбука. Можно сказать, она была моей... ну, не няней, но когда даже папы с мамой не было, или они тут были, но где-то там – я всегда могла к ней пойти и всегда там попросить о чем-нибудь. Она меня баловала, там приносила конфеты. Я у неё могла смотреть мультики, и иногда даже «Спокойной ночи, малыши». 9:22 в цветном изображении. Она разрешала мне у неё смотреть телевизор. То есть, она его включала, там было два канала, и когда шли мультики, всё время все друг друга: «о, мультики идут!». Там, знаешь, и даже когда у нас потом уже появился телевизор, я помню, что родители меня звали... Что мы не следили за сеткой телевидения, то есть мы включали его очень редко телевизор, что как-то насыщенной была жизнь, на самом деле без него и очень много, там, разговаривали, в гости друг к другу ходили. То есть как-то было достаточно... Я застала такой период, когда у папы с мамой было много гостей как бы, можно сказать, приходили люди разные: молодые, пары, там, когда какие-то приезжие, знаешь, там, которые останавливались, С Сахалина, там, я не знаю. В то время, как бы, люди были по-проще – тоже, знаешь, останавливались в Питере, вообще Ленинград, все приезжали сюда, некая культура, там, и общались. Много читали и ходили в кино. И мультики, на самом деле, вот в моем детстве вот в таком, когда это ценно, в возрасте 4-5-6 лет – дошкольном, я очень мало мультиков смотрела и каждый раз... «Ералаш» помню был, ну, вот, передача «спокойной ночи, малыши» - это вот как бы единственное, наверное, такой момент, когда я специально смотрела мультфильмы в такое отличное время от жизни. И, вот, я не помню конкретных мультиков... По выходным ещё было тоже. Показывали иногда

мультфильмы, после обеда. Тогда была передача «Детский час» ещё, и, ну, а потом постепенно это стало развиваться, и детская сетка. На самом деле, если так посмотреть не сильно то мы были избалованы вот вещанием, телевизором дети. А откуда мы ещё брали мультики в то время? Не было ни видеомагнитофонов, ни компьютеров, там, ни ю-тьюбов.

А. С.: А у тебя есть ощущение, что твой сын, например, избалован вещанием?

А. Ну, да, есть, есть... Ну, да. Потому что да, он становится как бы зависимым от этой культуры. То есть она везде теперь в школе, там эти персонажи – на одежде, на чем-угодно. Ну, слава богу, он ещё не сильно, там, подвержен, ну, этой мании, там, супер-героев или там каких-то там, я не знаю, машинкой «мак-квин». Вот эта, знаешь, индустрия, которая поглощает школы, детские сады... Ну, вот, эта вся эта продукция, которая на одежде, там, Микки-маусы... Детям тоже важно, там, иметь тоже чашку со спайдер-мэном, или там вот это, понимаешь? Ну, это уже как бы другое. Уже как бы мультики стали более... засилье. Во-первых, он как бы ни один такой. Все дети вот в современном мире как бы немножко избалованы этим изобилием. Ну, стараться как-то его лимитировать. Это время перед экраном – да. Но это уже отдельный разговор. Про то, как я вижу телевидение, там. Потому что он тоже смотрит мультики, в основном, по телевизору дома. Хорошо что там у нас есть один канал, где показывают там классные действительно мультфильмы. Или, вот, он посмотрел фильм... Он сейчас больше даже хочет смотреть фильмы, ну, типа, давай посмотрим фильм вместе? Ну, и мне тоже интересней как бы ни вот эти мультики, знаешь, короткие, смотреть, знаешь, короткометражки, не знаю, как «маша и медведь» такие, знаешь, эпизоды. Мне уже как бы не очень интересно их смотреть. Я предпочитаю тоже фильмы. Ну, вот, мы с ним посмотрели тоже «чарли и шоколадная фабрика». Там ему очень понравилось... другие какие-то фильмы.

А. С. : А он что-то спрашивает, когда видит что-то?

А. Конечно. Даже не то, чтобы он спрашивает, а я ему стараюсь объяснять, как-то комментировать... Потому что бывают моменты. Я понимаю, что он не... ему надо как-то объяснить эту ситуацию. Что он не сразу поймет, глядя просто на экран. Если там текст. Или он просто не очень внимателен, может быть. Ему как бы напоминаю детали: «вот, этот персонаж, помнишь, он там сделал то-то и то-то». А он: «А почему он там делает это?» Ну, и так как бы мы общаемся. И мне тоже именно нравится посмотреть фильм с ним. Какой-нибудь такой, знаешь... который может ему понравится и который он может понять слегка, всё равно приходится комментировать. Ну, мультики тоже, конечно, да. Особенно те, которые... Даже сейчас мне как-то все равно нравятся больше новые мультики. Посмотреть... что-то уже пересмотрено много всего – Дисней. Это потом.... Вот в моем детстве советском, там, знаешь, эта пойти на «Белоснежку и 7 гномов»... там надо было за сколько-то недель покупать билеты. Там все было вообще битком кинотеатр «Прибой»... там сидели на выдвижных стульчиках... он был весь...

А. С.: А это какие годы получается?

А. Какие годы? Там, наверное, 87-й. Подожди! <...> Ну, до школы.... А, нет, подожди, в первом классе, наверное. Лет в семь, шеть-семь. То есть это 82-83-83-й. Может быть, и 88-й и 89-й. В 89-м я пошла в школу. Наверное, 89-й. Этот Дисней в Прибое, ты что! Такой аншлаг. И потом уже постепенно, постепенно, даже вот в кинотеатрах я все равно смотрела больше, потому что у нас потом уже... У нас достаточно поздно, когда ты уже родилась, у нас появился цветной телевизор. Там, с четырьмя каналами. И это было вообще что-то. Это, наверное, в году... в 93-м-4-ом. Бабушка с Сахалина там где-то выписала. В очереди стояла. И он как три зарплаты или что-то такое. И я смотрела уже больше мультфильмов. Даже уже возраст такой был, что мне интересней было смотреть фильмы, и было много передач, вот именно детских фильмов. То, что сейчас детские фильмы либо там какие-то блокбастеры, ну, в общем, не суть.

<...>

И там был этот сериал «Богатые тоже плачут». И там очень был стремный сюжет. Друг другу все они там подкинутые дети. Друг другу они все там оказались, ну, в общем, не важно. И там была персонаж – Мариса Белль. И тётя Люда назвала свою кошку «Мариска». А это был её любимый персонаж? Я помню, мы приехали, вернулись, то ли со Старого Оскола... откуда-то мы приехали, с вокзала. И все смотрели этот сериал. И там появился как раз этот персонаж. А мы смотрели его с Аней и с Наташей (двоюродные сестры) тоже. Ну, тоже как вот Лера (двоюродная племянница). Ну, она тоже все время... Бабушка смотрит сериалы и Лера все время там подсаживается смотреть всякую жуть.

А. С.: Я тоже так делала в детстве.

А. Мы так делали вот с Аней и с Наташей втроем. Да, ещё тётя Катя (тётя по материнской линии) смотрела.

А. С. : А я помню, что у меня были всякие приспособы, что ты играешь в какой-нибудь домик и у тебя там есть зеркало в этом доме, короче... И я все время делала так: садилась под стол и настраивала зеркало, короче. И там была комната, и все играли, но у них было зеркало и так смотрела <...>

А. Я слушала... Ещё был один сериал. Назывался «моя вторая мама». Как сейчас помню. И там такая тоже музыка была в заставке. Такая – депрессивная. И такой тоже чуть ли ни один из первых таких сериалов, и ни смотрели, а я... я спала вот там, где ты спишь – на этой кровати, а они смотрели, ну, вот в комнате, где мама сейчас живет. Там типо была гостинная. Вот там они смотрели телевизор. И я слушала. У нас была щель, и я слушала. Я всё знала там доскольно. Я всё время не видела тех персонажей... Я воображала там на что они похожи. Но я слушала весь этот сериал. Что там происходит, но только вот как радио. И они меня все время загоняли спать, чтобы посмотреть... Там были типа какие-то сцены. И как бы

мне надо было идти спать. Это было без... не обсуждалось. Но я все равно слушала, чем там дело заканчивалось. И я проходила, типа: «ну, мне попить или пописать». Чтобы просто посмотреть: кто там Мейсон, кто там... не знаю, как уж их там звали.

А. С.: Я помню, как мама с тётёй Людой друг другу пересказывали сериалы...

А. Тоже помнишь?

А. С.: Это то, о чем они разговаривали. Они пересказывали друг другу сериалы.

А. Ну, не только... Ну, да.

Приложение 4.

Интервью 2. Инф_3, В., м., 2008 г.р

А.С. А почему тебе нравится с выключенным светом смотреть?

В. Потому что так классно. Как будто бы как в кино. А я ни разу не был в кино.

А. С. Ни разу?

В.,. Да. Представляешь? - Ни разу не побывать в кино. Так это уже Ужас.

А. С. Ну ты скоро пойдешь. Просто, Чем старше ты будешь, когда первый раз пойдешь в кино, тем будет круче. Знаешь, я первый раз побывал в кино, Когда мне было 9 лет. А сейчас тебе сколько?

В. 7

А. С. Ровно 7?

В. С половиной.

А. С. А какого ты года рождения, помнишь?

В. Помню.

А. С. Какого?

В. А, рождения? Надо у родителей спросить.

А. С. Не помнишь, Ну, и ладно.

В. Да, совсем не помню. Когда у меня День рождения, Я помню.

А. С. Когда у тебя день рождения?

В. 9 АПР.

А. С. Апреля! Ясно. А ты сказал, что ты другие Мульттики любишь смотреть . Какие мульттики ты любишь смотреть?

В. Я люблю? Сейчас вспомню: Звездные войны, повстанцы, например.

А. С. Ну, он классный! А что тебе в нем нравится?

В. Ну, мне не нравится что...

А. С. Нравится, наоборот.

В. Нравится? Ну, это все! А что мне очень нравится? Это как он отбивает (имитирует звук меча). А, "Конан" отбивает как.

А. С. Тебе разрешает Звездные войны смотреть?

В. Ну, или когда родителей нет, я смотрю. Когда они приходят, я сразу же все выключаю, а когда родители есть, я их прошу, прошу прошу ну, и потом все.

А. С. Бывает так, что ты сам показываешь родителям какой-нибудь мультик, Чтобы посмотрели, или нет?

В. Типа я. Еще выбор есть?

А. С. Нет, сегодня выбора нет!

В. Нет, у меня есть выбор!

В. Я прошу посмотреть. Есть один выбор. Я прошу посмотреть , они отказываются.

А. С. Слушай, ну сегодня так получилось, что мы будем смотреть "Чебурашку и Крокодила Гену", но тебе будет задание внимание, согласен?

В. Угу.

А. С. Ты, Кстати, помнишь про что этот мультик?

В. Ну, помню. Там Про все все все.

А. С. Про все все все, это про что?

В. Ну, про пионеров про всяких Ну, про Чебурашку, про Галю, и все такое.

А. С. Про Галю?

В. Да.

А. С. Про какую Галю?

В. Девочка такая маленькая , с которой еще построили такой домик дружбы.

А. С. А пионеры Кто такие?

В. Ну, это всякие там мальчики.

А. С. Это только мальчики? Девочек не бывает пионеров?

В. Да, там не было.

А. С. А ты где-нибудь еще это название слышал?

В. Какое?

А. С. Ну, пионеры.

В. Да! Пионерская! Станция такая. Я с ней очень редко.

А. С. Ты туда ездишь? А почему так станция называется?

В. Да! Это станция метрополитена.

А. С. Да, я знаю.

<...>

В. Лучше с самого начала.

А. С. С самого начала? Ну, мы с песни. (ставит мультик)

А. С. Если тебе что-то непонятно, можешь комментировать.

В. У меня уже есть 1 "комментир".

А. С. Какой?

В. А почему не с самого начала?

А. С. Ты хочешь самого самого начала?

В. Да!

А. С. Ну, ладно, Хорошо. (Перематывает мультик). Вот самое начало.

В. Ну, хорошо, с этого мультфильма начнем . А я хотел с самого самого начала.

А. С. Нет, самого-самого, поэтому долго будем смотреть.

В. Хорошо, с этого.

А. С. А этот мультфильм помнишь про что?

В. Да, когда я его вообще не стал смотреть , и долго долго его не видел. То есть Очень хочу его посмотреть.

А. С. А почему не стал смотреть?

В. Да, потому что наплевать, это очень долго.

(смотрят мультик)

А. С. Кто такой Гена?

В. Крокодил.

А. С. И все ? Кто он такой? Кем он работает?

В. Тогда Нажми на паузу, тогда все расскажу.

А. С. Хорошо, ладно. Тогда смотри, Потом у тебя спрошу.

(смотрят мультик)

- мне в подарок 500 эскимо.

В. 500!

- чебурашка с Геной видят пионеров. Чебурашка: давай, попробуем.

В. Сказал же Гена — не возьмут.

А. С. Почему не возьмут?

В. Потому что не сделали несколько вещей

(смотрят мультик)

- Гена делает скворечник.

В. Но сначала хуже получилось. Смешно!

Даже разрушил скворечник!

- пустой двор с детьми. Панорама.

А. С. На твой двор похоже.

В. Почти.

- после того как Гену дернуло током.

В. Все-таки не надо было ломать.

- перфоратор

А. С. А что это за штука?

В. Не знаю.

- с молотком и пионерами - ещё молоток упустишь.

А. С. А что такое упустишь?

В. Ну значит пропустишь.

- милиционер уезжает с компрессором: до свидания, привет!

В. А откуда "привет"?

А. С. В смысле?

В. Ну, почему он говорит "Привет", когда нужно сказать пока.

А. С. Не знаю.

- ныряет за металлоломом.

В. Это Он плавает. И пропал.

В. Это завершение?

А. С. Да. Там дальше мультик уже другой, но мы сегодня с тобой только один смотрим.

В. А вот и бабушка. За которой гнались малыши.

А. С. Можешь пересказать мультик? Что тебе больше всего запомнилось?

В. Больше всего запомнилось площадка, это что там, и про пионеров тоже. То, что они их приняли и ушли и бабочка, Что-то такое. И Малыши. И что там они бла-бла-бла. Впрочем много всего запомнилось.

А. С. Скажи, а кто такие пионеры?

В. Пионеры — это те люди, которые делали много-чего/

А. С. Делали?

В. Да. И Совершили много добрых дел.

А. С. А сейчас есть пионеры? Или это только в мультике?

В. Я уже не помню.

А. С. Ну, а как ты думаешь?

В. Ну, нет, Если только, где я не проходил. А по-вашему?

А. С. Ну, я тебе ничего не скажу, потому что я сегодня хочу это от тебя услышать. С тобой поговорить. А ты помнишь где-то еще? Может, кроме станции метро ты еще где-то слышал?

В. Да! В этом мультике.

А. С. А в других мультиков не было такого? Почему Гена и Чебурашка хотят, чтобы их приняли в пионеры?

В. Потому что они хотели хоть чуть-чуть... Нет. Наверное, по моему мнению, чуть-чуть потрудиться. А по мультику я не помню.

А. С. Ну, то есть, пионеры это те кто трудится? Я правильно тебя понимаю?

В. Да

А. С. А что нужно уметь делать, для того чтобы стать пионером?

В. Ну, в мультике нужно стараться сделать... Сделать что-нибудь. Ну, сделать. Мне пропылесосить там всякое там, а сделать.

А. С. А Пропылесосить это не делать, да?

В. Тогда много чего.

А. С. Много чего, это чего? Как ты понял? Что нужно сделать?

В. Много чего.

А. С. А почему они маршировали?

В. Потому что это был отряд.

А. С. В смысле, что такое отряд?

В. Ну, это как команда .

А. С. Какая команда?

В. Команда без названия.

А. С. Почему без названия?

В. А! Потому что потому что, по качану. Что ты доебалась до меня?

А. С. Хорошо. А почему пионеры только мальчики в Мультике? Или они вообще только мальчики?

В. Они вообще только мальчики, потому что девочки слабые. слабачки!

А. С. Чтобы быть пионером, нужно быть сильным? Правильно?

В. Не совсем верно.

А. С. А как верно?

В. Нужно быть мастером, А девочкам Все сложно стать. Всем девочкам трудно кем-то стать.

А. С. Окей. Помнишь они там маршировали? Почему нужно уметь маршировать?

В. Чтобы... Найду этот вопрос в интернете. О! Это очень интересный вопрос.

А. С. Ты умеешь маршировать?

В. Умею. Да, уже давно.

А. С. А кто такой Чебурашка, кстати?

В. Это непонятное Чудо зверь. Или по-другому — "вуки". Например, "Вуки" - никто его не знает , никто не знал что он вуки. Это его зовут просто Чебурашка. Я сказал на вопрос, как его имя. Чебурашка, кто это?

А. С. А, ну ты меня спрашиваешь? Ну, ты прав, это непонятный науке зверь. Как ты думаешь, Чебурашка Маленький или большой?

В. Маленький.

А. С. Почему?

В. А, Вуки большой!

А. С. Ну, Вуки большой, а Чебурашка маленький.

В. Маленький.

А. С. Почему ты так решил?

В. Потому что потому, все кончается на "мэ"

А. С. А там еще был такой момент, Они там собирали какие-то вещи. Вот, что они собирали? Помнишь?

В. Угу . Это было всякая старина.

А. С. Для чего они собирали ее?

В. Чтобы отдать их. Пиу-пиу-пиу-пиу-пиу-пиу-нерам.

А. С. А Пионеры Для чего собирают Всякую старину?

В. Ну, для чего-то там.

А. С. Ну, то есть нет никаких идей? А если пофантазировать, Как ты думаешь для чего можно собирать?

В. Чтобы построить какую-нибудь штуку. Вещь. Я хотел ответить, но почему-то я забоялся, и не смог ответить по-настоящему.

А. С. Ладно. Хорошо. А, может быть, у тебя есть какие-нибудь вопросы? Может, тебе что-то было непонятно в мультике?

В. На самом деле, я ответил на пионеры не очень то и верно. У меня есть один вопрос? Бывает ли Пионерах девочки? А то я подумал, или правду, или неправду сказал.

А. С. Но, в пионерах бывали девочки. Мама рассказывала, что она была пионером.

В. Значит, все-таки бывают девочки.

А. С. А как ты думаешь, Они до сих пор есть, или нет?

В. Они где-то. Они где-то в мое рождение... Короче, не помню.

А. С. погоди, ответь еще на один вопрос. Это старый мультик или новый?

В. Старый-старый.

А. С. Откуда ты знаешь? Как ты догадался?

В. По этим таким штукам.

А. С. Каким?

В. Которые такие мелькают в мультики, Черное и белое. И еще такие полоски черные.

А. С. А как говорят герои? Они говорят, как сейчас люди говорят, или как?

В. Ну, на этот вопрос я не могу ответить.

А. С. Ну, то есть все понимал что они говорили?

В. Все понимал.

А. С. Ну, хорошо, спасибо тебе огромное.

В. Главное, что не английский без субтитров русских!

А. С. Ну, хорошо, спасибо.

Приложение 5.

Интервью 3. Инф_4, О., ж., 2004 г.р.

А. С. Какого ты года рождения?

О. 2004.

А. С. Ты сейчас еще смотришь какие-то мультики, или уже нет?

О. Ну, да.

А. С. А что ты любишь смотреть?

О. Я сейчас вот "Головоломку" смотрела недавнВ. Ну, вот и все.

А. С. А так уже сама не смотришь, уже кино какой-то смотришь.

О. Да

А. С. А что из фильмов? Может быть, сериалы какие-то смотришь.

О. Нет, сериалы не смотрю, но там "Властелин колец", "хоббит" вот эти.

А. С. А почему мультики больше не смотришь?

О. Ну, просто, ну, не знаю. Ну, просто уже более интересно другие — не мультики.

А. С. Понятно. Но, на самом деле, мы сегодня будем смотреть кусочек из мультика, который ты наверное смотрел 10 000 раз. Но я буду спрашивать разные вопросы поэтому поводу, вообще... Ты ведь наверняка смотрела Чебурашку и Крокодила Гену?

О. Да.

А. С. А во сколько лет ты первый раз посмотрела его? Помнишь?

О. Нет.

А. С. Когда-то очень давно?

О. Да. Очень давно.

А. С. В детстве тебе мама оставила мультики? Или ты что-то сама находила?

О. Мама.

А. С. Когда выбирала для тебя что-то или она спрашивала твоего совета , что ты хочешь посмотреть.

О. Но, наверное, больше спрашивала моего совета. Но иногда Просто, если какой-то хороший мультик , просто показывала.

А. С. Какие мультики тебе в детстве нравились?

О. Я не помню.

А. С. Вообще?

О. Ну "Ну погоди", по-моему. Еще какие-то. "Король Лев".

А. С. А были у тебя когда-нибудь какие-нибудь разногласия относительно того, что посмотреть с родителями или с сестрой?

<...>

А. С. А какие, Возможно, у тебя ассоциации вообще вызывает этот мультик? Что ты из него помнишь?

О. Ну, Шапокляк помню Очень хорошо, Чебурашку.

А. С. Какой Как ты думаешь этот мультик — Веселый он или грустный? Какие-то такие ассоциации он у тебя вызывает?

О. С этим мультиком по-моему мало связано.

А. С. Ну, смотри сейчас мы посмотрим момент.

<...>

- фрагмент с пионерами. -

А. С. Знаешь ли ты, что это за ребята?

О. Это пионеры.

А. С. А что ты знаешь о пионерах?

О. Ну, пионеры помогали взрослым ну, они были не так уж давно, но сейчас их нету, это были школьники, не двоечники и не хулиганы, ну, вроде бы все.

А. С. Почему сейчас нет? Ну, просто как ты думаешь? Это не какой-то вопрос с подвохом.

О. Не знаю.

А. С. А кто тебе вообще об этом рассказывал? И откуда ты об этом знаешь?

О. Мама, наверное.

А. С. А Как вообще, у тебя есть какие-нибудь Воспоминания из детства...

Ну, то есть это ведь не один мультик, в котором есть пионеры?

О. Угу.

А. С. Из других мультиков были, может быть, в книжках? Помнишь ли ты какие нибудь мысли по этому поводу? Были ли у тебя вопросы Относительно того, кто это такие, что они делают?

О. Ну, да . Когда я в первый раз увидел какую-то игрушку Да, но, по-моему спросила, кто это , и мама сказала что это Пионер. И Рассказала.

А. С. А что она рассказала?

О. Ну, что это такие ребята , что они помогают там вот эТВ.

<...>

А. С. А почему, Кстати, они все мальчишки? Ну, то есть не все были мальчиками?

О. Нет, были девочки

А. С. А как ты думаешь, почему в мультике одни мальчишки?

О. Не знаю.

А. С. Почему, Кстати, а не маршируют?

О. Ну, это как бы их шаг такой. Они должны всегда так ходить, когда ходят строем.

А. С. А у тебя есть какие-то мысли по этому поводу, зачем это нужно?

О. Чтобы все отличали пионеров.

А. С. Ну вот, такой вопрос: как ты думаешь, почему Гена и Чебурашка хотят стать пионерами?

О. Ну, потому что пионеры — это считалось хорошо . Ну, потому что они хотели помогать.

А. С. А почему Гена уверен, что их не возьмут?

О. Потому что они мало умеет делать. Потому что они слишком маленькие, Ну Чебурашка слишком маленький.

А. С. Почему, как тебе кажется с, для того чтобы стать пионером нужно уметь разводить Костры, маршировать и строить скворечники?

О. Строить скворечники — для того чтобы помогать. Нужно разводить костры, для того чтобы ходить в походы какие-тВ. Маршировать, потому что это такой шаг Пионерский. Маршировать , для того чтобы ходить как все , они как другие.

<...>

А. С. Почему он кстати говорит "Привет"?

О. Ну, это приветствие такое.

А. С. Но Он ведь уходит? Как тебе кстати кажется они на каком-то понятном языке говорят, или сейчас Люди так не говорят?

О. Ну, говорят так еще.

А. С. Это вообще кстати старый мультик?

О. Да, старый.

А. С. Когда примерно его сделали?

О. Но, в 1990-м как-то так.

<...>

А. С. Что такое металлолом?

О. Это какие-то старые металлические изделия.

А. С. А как ты думаешь, почему они его собирают?

О. Чтобы, во-первых он нигде не валялся. Чтобы потом его отнесли на фабрику и переработали.

<...>

А. С. А про какое первое место они говорят?

О. Но, наверное, это пионеры какой-то школы, им было дано задание, ну, собрать металлолом, и они собрали больше всего.

Приложение 6.

Интервью 4. Инф_5, М., ж., 2005 г.р.

А. С. А ты вообще мультики смотришьещё или уже нет?

М.: Ну смотрю, и киношки всякие.

А.С. А какого ты года рождения?

М.: Две тысячи пятого.

А.С. Ну ты уже большая.

М.: Десять лет, да.

А.С. Мы посмотрим мультик не целиком, потому что он вообще детский, и ты его много раз смотрела, но я буду спрашивать какие-то вопросы. Ты ведь смотрела Чебурашку с Крокодилом Геной?

М.: Да

А.С.Много раз?

М.:Ну, в детстве много.

А.С.А сколько раз примерно? Не помнишь, когда в первый раз посмотрела?

М.: Ну. в первый раз я, может быть, в четыре года посмотрела. Ну, может быть, пять раз смотрела.Или больше.

А.С. А какие в детстве у тебя любимые мультики были?

М.: Я даже не знаю. Может, "Чебурашка и Гена". Ну, это, может быть, уже нормальный, не старинный, ну, я раньше смотрела Цыплёнка Цыпу.

А.С.А старинные мультики - это какие?

М.: Ну, разные. Смотрю разные. Когда бабушка обычно приезжает, всё время смотрю. Ну, например, Иванушка-Алёнушка, всякие. Ну, я так редко не смотрю. Раньше смотрела, теперь уже перестала. Ну не знаю, как-то так.

А.С. А ты, когда вы мультики смотрели, тебе кто-то ставил или ты сама выбирала?

М.: Ну, когда я была маленькой, мне, конечно, ставили, а сейчас я уже сама выбираю.

А.С. А кто тебе выбирал?

М.: Мама обычно. Или Оля.

А.С. Они когда-нибудь говорили, что "это мой любимый мультик, давай посмотрим?"

М.: Нет, особо нет.

А.С. Ну, хорошо. А вот ты сказала, что есть старинные мультики, а как ты отличаешь новый мультик от старого, например?

М.: Ну отличить как бы можно по звуку - раньше говорили чуть-чуть по-другому..

А.С. А как по-другому?

М.: Например: "гой, еси" и что-то там. Вот. И, как бы, если смотреть, то как-то там по народной одежде можно различить..

А.С. А, ну да. А про "Чебурашку и Крокодила Гену" ты что-нибудь помнишь про этот мультик? Ну с чем он у тебя ассоциируется, может быть, с какими воспоминаниями?

М.: Ну то, что там животные разговаривали, то что там они дружили со всеми, то что ещё что можно сказать? Ну как бы в одежде уже такой ходили. Так вот.

А.С. Хорошо, я сейчас тебе покажу кусочек маленький, поскольку ты его уже смотрела, и спрошу некоторые вопросы

(смотрят отрывок)

А.С. Это кто такие?

М.: Это пионеры.

А.С. Кто такие пионеры?

М.: Ну, это которые помогали всем, помогали в делах, я сильно так не могу сказать про это. Ну, они помогали, кому надо: государству помогали, кто в помощи нуждается. Вот.

А.С. У нас сейчас пионеры есть?

М.: Может быть, и есть, но я думаю, что нету.

А.С. А почему ты думаешь, что нету?

М.: Ну. просто сейчас всё так изменилось, просто в той жизни, ну когда раньше было, там уже ничего такого не было, вот. И сейчас можно позвать кого-то, сейчас такие работы появились, раньше такого не было, и можно ко всем обратиться как бы.

(смотрят отрывок)

А.С. А почему они все мальчики, кстати?

М.: Наверно, потому что у них сил больше.

А.С. Обычно пионеры были только мальчики или девочки тоже были?

М.: Мой учитель был пионером.

А.С. Он тебе рассказывал?

М.: Угу.

А.С. А что он рассказывал?

М.: То, что она тоже была пионером, тоже помогала всем постоянно, ходила по посёлкам, помогала всем. Ну вот, как бы.

(смотрят)

А.С. Почему он с лопатой, кстати?

М.: Ну они будут сажать деревья.

(смотрят)

А.С. А почему они так ходят, кстати? Просто, как ты думаешь?

М.: Ну, может, это так показано, то, что они - пионеры, типа защищают.

(смотрят)

А.С. А куда они хотят попроситься?

М.: Чтоб тоже стать пионерами, помогать.

А.С. Ну, а почему они этого хотят, как ты думаешь?

М.: Чтобы их все уважали, чтобы все их знали, всё время просили помощь, обращались чаще.

(смотрят)

А.С. А почему он (Гена) уверен, что их не возьмут, кстати?

М.: Потому что надо что-то хорошее сделать.

(смотрят)

А.С. А что за живой уголок, ты знаешь?

М.: Раньше в школах был - там животные были.

(смотрят)

А.С. Почему, как ты думаешь, чтобы быть пионером, нужно уметь маршировать, разводить костры и строить скворечники? Почему именно это?

М.: Ну вот костёр - это чтобы вдруг в поход куда-то, заблудиться, чтобы если темно, чтобы разжечь костёр, согреться, чтобы увидеть, что вокруг, вот. Но маршировать даже не знаю. А самых лучших, чтобы, ну, если они, например, неадекватные, то их тоже не возьмут.

А.С. Неадекватные - в каком смысле?

М.: Ну, то, что они могут ничего не знать, не знать, что делать как бы. Вот.

(смотрят)

А.С. Ну, ещё кусочек - вот у них там не получается делать скворечник, потом они строят площадку..

(смотрят)

А.С. Это кто?

М.: Это - полицейские.

(смотрят)

А.С. Но вот они, как бы, украли компрессор для того, чтобы построить площадку, а он посмотрел, что они построили и сказал: О компрессоре не беспокойтесь. Почему он так сказал?

М.: Ну как бы потому что они сделали только добро, помогли, ну, дети хотели площадку, там её не было, и он как бы их простил вот за то добро, то, что они сделали.

А.С. Это вообще такая - жизненная ситуация?

М.: Ну да, мне кажется.

(смотрят)

А.С. Почему он, кстати, "привет" говорит?

М.: Не знаю.

(смотрят)

А.С. Что такое металлолом?

М.: Металлолом, по-моему, это такая штука, которая лом.. Нет. Лом - это когда, что-то там.. например, замок можно открыть. Ну вот разломать. Или ещё что-то можно.

А.С. Зачем они его собирают?

М.: Чтобы государству отдать и что-то полезное делать.

А.С. А как ты думаешь, чем это может быть полезно?

М.: Ну, например, что-то сделать такое важное... Например, трубу.

(смотрят)

А.С. Так, потом они крадут якорь...

(смотрят)

А.С. А что за первое место, о котором они говорят?

М.: То, что там, как бы, проводили, может быть, конкурсы - кто больше соберёт железа, и кто больше поможет государству.

(смотрят)

А.С. Почему их всё-таки принимают в пионеры?

М.: Потому что они помогли.

(смотрят)

А.С. Ну вот слушай, ты вначале сказала, что раньше всё было другое. Ну, а в каком плане другое? Государство тоже было другим? Тебе что-нибудь про это рассказывали?

М.: Мне кажется, государство не менялось. То же самое. Так и называлось, но тут как бы показывается, что было раньше.

А.С. А скажи, вот, в детстве, может быть, или сейчас до сих пор - ну это ж, наверно, не единственный мультик, где есть пионеры, ты наверно видела какие-нибудь? Или книжки читала?

М.: Смотрела.

А.С. А у тебя в детстве возникали с этим вопросы, непонятно, может быть?

М.: Ну, когда я была маленькая, ну, были какие-то там вопросы.

А.С. А что тебе было непонятно? Было ли ощущение, что в мультиках, которые ты смотришь, очень много незнакомых слов - которых сейчас нет?

М.: Ну, было такое то, что вопрос: зачем нужны были пионеры? почему их сейчас нет? для чего это всё? почему их именно так называли, а не по-другому?

А.С. А почему их именно так называли? Или не ответили?

М.: Нет.

А.С. Хорошо. Не знаю - тебе легко было понять эти вещи?

М.: Ну, я как бы иногда сама разбиралась чуть-чуть. Ну, не очень легко было понять вот это всё.

А.С. А как ты понимаешь - твои родители - они тоже были пионерами? Они что-нибудь рассказывали тебе про это?

М.: Нет.

Приложение 7.

Интервью 5. Инф_8, А., м., 2010 г.р.

А.С.: ты знаешь какого ты года рождения?

А. четвертого августа.

А.С.: угу, тебе шесть лет сейчас?

А. угу

А.С.: с половиной получается, да

А. ага, да, скоро будет с четвертью.

А.С.: ага, смотри, вот, э, скажи, пожалуйста, ты смотрел такой мультик?

Сейчас, секунду, он включится. ЭЭЭ, ну какой ты долгий, давай включайся.

Так. Тут несколько мультиков.

А. ААА. Такой я смотрел

А.С.: Смотрел?

А. ага

А.С.: А помнишь, что там происходило?

А. Очень плохо

А.С.: очень плохо..Ну давай вот с тобой его ещё раз посмотрим? Если ты не возражаешь, я буду иногда останавливать и спрашивать какие-то вопросы.

А. я не... я на всё готов.

А.С.: хорошо, договорились.

Звучит песня крокодилы Гены (про день рождения)

А.С.: это кто, кстати, ты знаешь?

А. Да, крокодил Гена.

А.С. а кто он такой.

А. музыкант.

А.С.: угу.

Продолжается песня из м\ф

А.С.: ты знаешь песню?

А. такую я плохо знаю.

А.С.: ага

Песня...

А.С. : а как ты думаешь, это новый мультик или старый мультик?

А. ммм, думаю старый.

А.С.: а почему?

А. потому что его уже давно показывают.

А.С. угу. А по телевизору показывают? Да?

А. ыы, у нас показывали.

А.С.: ага

А. я даже смотрел глубокое синее море. Там человеку руку откусили.

А.С.: Кошмар, хе-хе-хе. А это кто, как думаешь?

А. Человек. Ну я не знаю этого. Наверное, кажется, полицейский.

А.С. : А почему ты думаешь, что полицейский?

А. Ведь не знаю кто это.

А.С. : ага. А что вот он папку достал, распишитесь, это зачем?

А. Ну это я не знаю.

А.С. : Ага.

А. А, это почтальон.

А.С. : Ага.

Идет мультик

А.С.: А это кто знаешь?

А. Чебурашка.

А.С.: А кто он такой?

А. Друг его.

А.С.: ага.

Слышно мультик

А.С. : как ты думаешь, они одного возраста с Геной? Или нет?

А. Ну думаю да.

Слышна музыка «пионеры идут»

А.С. : Во, вот это кто такие? Как думаешь?

А. ммм, Дворники?

А.С.: ага, а почему вот думаешь, что дворники?

А. Потому что у них вещи, которые нужны дворникам.

А.С.: Ага.

Продолжение марша пионеров.

А.С.: Почему они так идут странно?

А. Не знаю.

А.С.: Ага. Ну сейчас узнаем.

Чебурашка говорит «пионеры»

А. эм. Э.

Чебурашка про пионеров

А. я плохо разбираюсь в профессиях.

А.С.: Ага. А вот как думаешь... вот ты слышишь слово пионеры, и вот как бы... как думаешь, кто это такие?

А. пионеры, я не знаю кто они.

А.С.: угу. А ты где-нибудь слышал такое слово уже?

А. Нет,

А.С.: ыы

А. только первый раз слышу.

А.С.: угу. Ну давай дальше посмотрим. Посмотрим.

Про пионеров... Гена и Чебурашка

А.С.: вон, смотри...

Мультик...

А.С.: вертолет... да?

Мульт... Чебурашка полетел на вертолете...

А. смеётся.

А.С.: Что смеёшься?

А. Ну смешно просто.

А.С.: Улетел, да?

А. к пионерам.

А.С.: А-А.

Мультик.

А.С.: Чего они делают, как думаешь?

А. Скамейку сейчас, э не, кормушку

А.С.: угу. А зачем кормушки нужны?

А. чтобы птицы там жили.

А.С.: угу.

А. Ну уже одну сделали.

А.С.: ДА?!

А. Смотри как (НЕПОНЯТНО- 5:08) повесили.

А.С.: Круто! А вы дома с мамой делали?

А. Угу, я сам делал.

А.С.: круто.

А. Только мама повязала веревку.

А.С.: А это вам задание такое дали?

А. Да нее, мы сами , я сам решил это сделать.

А.С.: Здорово.

Мультик: Гена с Чебой просят в пионеры и получают отказ!!!

А.С. : А ты знаешь, что такое живой уголок?

А. ы-ы (типа НЕТ)

Гена и чеба отказываются от халявы в уголке.

А.С.: Живой уголок, там где звери, зверей показывают, может быть в школах, но не зоопарк, а такой маленький.

А. понятно.

А.С.: Вот, а они им предлагают, видишь, в живой уголок, типа того они же зверята, а не ...такие.. вот..

Мультик о способностях пионеров

А.С.: Вот, как думаешь? Что сейчас произошло?

А. Не знаю.(невесело) вздохнул

А.С.: Ну вот они подошли и к ним попросились. Это ты видел?

А. ыыы, нет...

А.С.: Давай чуть-чуть отмотаю, то есть это важный момент...Видишь?

Опять к пионерам.

А.С.: Давай попробуем, говорит Гена.

Мультик

А.С.: Вон видишь? Вот куда он просится? Как ты думаешь?

А. К пионерам.

А.С.: угу, Ну в смысле чтобы, что, что с ними делать или как? Как думаешь?

А. Ну делать всякие скворешники...

А.С.: угу

Мультик

А.С.: как думаешь? Почему они так хотят?

А. Потому что им интересно.

А.С.: А что интересно?

А. Что пионеры делают.

А.С.: Угу.

Мультик что умеют пионеры.

А.С.: А ты умеешь маршировать?

А. Маршировать?

А.С.: угу

А. Умею.

А.С.: А вас где-нибудь учили?

А. ЭЭ , я сам умею. Ну не учили.

А.С.: угу. А как думаешь, а зачем, вот , чтобы быть пионером, нужно строить, уметь строить скворечники, разводить костры и маршировать.

А. Чтобы все знали, что они пионеры.

А.С.: угу, ну , то есть они идут маршируют и все знают, угу.

Мультик

А.С.: Как думаешь, почему их не взяли?

А. Потому что они много чего не умеют.

А.С.: угу.

Мультик

А.С.: Они расстроились? Как думаешь?

А. Ну да.

А.С.: А ты бы взял Чебурашку с Геной в пионеры?

А. м-м-м, да.

А.С.: Почему?

А. ну, чтобы они не загрустили.

А.С.: Ага.

А. Не похоже на домик, да?

А.С.: Конечно.

А.С.: У тебя , наверное, лучше получился. Да?

Мультит «неудачный скворечник»

А.С. повторяет за крокодилом: Ничего не получается.

А.С.: О. А чего он это сломал? Как думаешь?

А. Потому что не получилось.

А.С.: угу.

Музыка из мультфильма.

А.С.: О, это кто?

А. Дети.

А.С.: Угу, а как думаешь, они маленькие, большие? старше или младше тебя?

А. маленькие, младше меня.

А.С.: угу.

А. потому что мне шесть.

А.С.: угу. А этим, как думаешь, сколько?

А. М-мм, два года.

А.С.: угу.

А. или три.

Музыка.

А. ооой, может быть это ... (непонятное)

музыка

А.С.: А почему вот он его так поругал или что?

А. Потому что он сделал очень опасную вещь.

А.С.: Угу.

Мульттик.

А. похоже на смешок. 11:22

А.С.: (смешок) грязный весь.

Мульттик

А.С.: Как думаешь, почему им делать нечего?

А. Потому что у них нет друзей.

А.С.: Угу.

Мульттик про детей, им негде играть.

А.С.: А что это за домик?

А. электростанция.

А.С.: Угу.

Мульт, Гена лезет в транс будку.

А. смеётся, чуть.

А.С.: Это, что произошло?

А. Взрыв.

А.С.: Угу.

Гена поражен током.

А.С.: Там написано , что Опасно.

А. угу.

Мульт. Дети поют про именины и каравай.

А.С.: Ты знаешь эту песню?

А. угу-гу, знаю.

А.С.: А когда её поют?

А. Когда день рожденья просто поют.

Мульт.ик.

А.С.: А у тебя тут много детских площадок?

А. ну могу показать.

А.С.: нет, пока не надо.

А. Ну в окне, из окна одну видно, большую.

А.С.: угу

А. там такой как корабль, есть веревочные качели. Я уже умею качаться.

А.С.: здорово.

А. угу.

А.С.: а прикинь, вот мой друг моего возраста, он не умеет качаться. Его так не научили в детстве.

А. смеётся немножко. А я уже умею, с пяти лет научился.

А.С.: Круто.

Мультик.

А.С.: А это что, как думаешь?

А. не знаю, ккк, какая-то шшш ышь, ну это я точно не знаю. Дрель.

А.С.: Угу.

А. Как он подлетел то так?

А.С.: а-а-а-а-а, вот так.

Мультик

А.С.: Как ты думаешь, почему они , кстати, все мальчики? Ну вот эти пионеры.

А. Не знаю. Потому что они похожи на мальчиков.

А.С.: угу, а как думаешь, девочек в пионеры берут?

А. эээ, да, да. Я думаю.

А.С.: Угу.

Мультик.

А.С.: А это что?

А. Не знаю.

Мультик.

А.С.: Как думаешь, почему они пришли?

А. К ним. Смотрят, что они делают.

А.С.: Угу.

Мульт. Отбойный молоток.

А.С.: А как думаешь, почему он ему не дал? Поработать.

А. Потому что очень опасная вещь.

А.С.: А он сам почему работает?

А. Потому что он умеет обходиться с такой вещью.

А.С.: Угу.

Мульт.

А. А вот эта штучка все слова мои записывает?

А.С.: Да, я ж тебе сказала. Чтобы я не забыла потом.

Музыка мульт.

А.С.: Это кто к ним пришел?

А. Полицейский.

А.С.: Угу

Мульт.

Кто-то говорит шепотом: теперь полицейский.

Мульт.

А.С.: А что они руки поднимают?

Мульт продолжается допрос про компрессор.

А.С.: Похоже на твою площадку?

А. ну не очень, не похоже.

А.С.: угу

Мульт.

А.С.: получается он их не оштрафовал.

А. да, не оштрафовал.

А.С.: А почему, как думаешь?

А. Потому что они помогли детям.

А.С.: непонятное 17:43

Мультик

А.С.: Как думаешь, что такое металлолом?

А. Э, сломанный металл.

А.С.: угу.

Мультик

А.С.: А почему вот они с табличкой шли? Как думаешь.

А. Чтобы все знали, что это металлолом.

А.С.: угу. Ну то есть , что они его несут или что?

А. Да, несут.

А.С. : А зачем его собирать? Как думаешь?

А. Чтобы сделать из него другие нужные вещи.

Мульт- кража якоря.

А. мм, это целый корабль они сейчас притащат.

А.С.: а корабль разве сломанный?

А. нет

А.С.: то есть они по ошибке, что ли?

А. угу... да, по ошибке.

А.С.: это что они у него оторвали?

А. якорь.

А.С.: а зачем кораблю якорь, кстати, ты знаешь?

А. Чтобы он не поплыл.

А.С.: угу

А. туда куда не надо. Если надо останоовиться, его просто спускают, он зацепляется за дно и корабль стоИт.

А.С.: угу.

Мультик

А.С.: совсем непонятное говорит.19:35

А.С.: Как думаешь, вот что это?

А. Граммофон сломанный.

А.С.: ага

Мультик

А.С.: А чего они так радуются?

А. То что у них много металлолома.

А.С.: угу

Пионеры рады.

А.С.: А вот сейчас говорят про какое-то первое место. Как думаешь, почему?

А. Потому что они сделала очень важную вещь.

А.С.: Угу. А что вот, за места, вот, как думаешь? Первое там место, второе, это за что или как.

А. это за то что выиграли. Ммм. Я не знаю за что.

А.С.: угу

Зверей принимают в пионеры.

А.С. : вот как ты думаешь, почему они теперь их принимают?

А. потому что они им помогли

А.С.: угу

Пионеры уводят животных строем.

А.С.: а по какому принципу они строятся, как думаешь?

А. Не знаю.

А.С.: Вон видишь, ну то есть, они как-то меняются местами. .. не знаешь, да?
(непонятно 21:10)

Музыка из мультя. Чей то шепот. Шуршание. Звуки.

А. там все слова мои сейчас записали?

А.С.: Да. Конечно

А. серьезно?

А.С.: Да, ты ж столько важного рассказал. Ну вот в общем, это конец. А
скажи тебе понравился мультик? Как вот?

А. ну да понравился

А.С.: Как вот он тебе? Как думаешь вот он какой тебе показался, грустный,
веселый? Или..

А. странный

А.С.: А почему странный?

А. Ну потому что там делали странные вещи.

А.С.: какие, почему...

А. ээмм.

А.С.: Ну в смысле, что ты находишь странным?

А. Металлолом зачем-то принесли

А.С.: угу

А. угу , я делал, дом, домик из втулок(неразборчиво).

А.С.: из кого?

А. из втулок, из втулок из под туалетной бумаги

А.С.: ААА

А. вот могу показать. Вот он.

А.С.: давай показывай

А. на листочке.

А.С.: Слушай, классно.

А. могу подарить.

А.С.: Не, не надо.

Разговор. Шуршание.

А.С.: а скажи, а вообще, какие мультики ты любишь, какие смотришь обычно?

А. нууу, вспыш и чудо-машинки.

А.С.: угу

А. только это люблю.

А.С.: угу. А почему вот его?

А. потому что он идет ну... ну потому что там делаю классные вещи.

А.С.: какие?(НЕПОНЯТНО) классные

А. там есть одна машинка...каншила (или что-то такое) она всегда жульничает вечно

А.С.: угу.

А. там есть люди и чудо-машинки.

А.С.: угу

А. это гоночные.

А.С.: да, поняла

А. это, это бигфуты

А.С.: ага, я знаю ещё такой мультик, поль и робокар. Не , не слышал такой? (что-то непонятное)

Женщина: не , смотрели же мы...

А.С.: а смотрели?

Женщина: поль и робокар. Где маленькие машинки, девочка там мальчики, тоже (слово непонятное)...трансформируются.

А.С.: но ему больше это нравится..

А. угу. Только а этот, а там нет трасформации.

Женщина: нет, в твоём нет.

А.С.: ну понятно, слушай.

А. у них джуниор идёт.

А.С.: слушай, а что тебе кстати больше всего запомнилось из мультика?

А. ничего.

А.С.: смеётся.

А. я мало чего запомнил, вот

А.С.: поняла. Вот. А как , ну вот ты сказал, что возможно старый мультик, да, то что его давно показывают. Да? Поэтому?

А. у?, да.

А.С. : ага

А. да, я уже его давно не смотрю.

А.С.: а почему?

А. не знаю...надоело.

А.С. : угу

А. смотреть этот мультик.

А.С.: ну понятно, ну ты его наверное совсем маленьким его видел ещё.

А. ну да.

А.С.: угу

А. в три года

А.С.: понятно. Ладно, спасибо, тебе большое. Было очень ценно. Всё что ты сказал, очень интересно. Я всё записала. иыыы

А. я много что знаю.

А.С.: да! Спасибо огромное!

Приложение 8.

Интервью 6. Инф_6., Н., ж., 1978 г.р.

А.С.: вот. Я хотела Вас спросить по поводу года рождения всё таки.

Н.: семьдесят восьмого. Я подхожу?

А.С.: конечно.

Смеются вместе.

А.С.: на самом деле , как бы, не так часто бывает на самом деле когда вот эээ ну вот есть семья и ребенок, ну потому что вот я объясню чуть позже. На самом деле я исследую то, как дети смотрят мультфильмы

Н.: угу

А.С. : и то как взрослые с ними смотрят мультфильмы, и куча вещей вокруг этого. Потому что очень много всего интересного за этим процессом стоит и как бы как-то не особо говорят, это просто в семьях происходит вот и всё. Вот я Вас сначала хотела спросить, а у Вас были какие-то любимые мультики?

Н.: Были.

А.С.: Какие?

Смеются

Н.: Сейчас. (Смех) Этот, кхе-кхе, про этого, как он, в лес за елкой ходил, мужика-то

А.С.: А, падал прошлогодний ...

Н.: Падал прошлогодний снег и Жил был волк.

А.С.: ага

Н.: жил был пёс, вот

А.С.: жил был пёс

Н.: вот этот. А так ..ну все 01:06

А.С.: ага, а у вас, в вашей семье уже к тому времени был телевизор?

Н.: был, тогда.

А.С.: ага, ага

Н.: был, конечно, был

А.С.: ну не у всех были на самом деле, как ни странно. Даже кто вот в конце семидесятых , ну то есть я у кого спрашивала, бывали такие моменты, что и у соседей смотрели, ну в зависимости от того где человек рос, поэтому...

Н.: не , ну у нас был телевизор и мы всё время бежали, смотрели.

А.С.: угу

Н.: когда что чтож по программе были , нас это, ну знали, прибегали посмотрели и обратно убегали.

А.С.: угу

Н.: ну вот.

А.С.: а вас звали или вы сами как-то читали программу, что будет или как..

Н.: ну когда как

А.С.: ага

Н.: когда звали, когда читали программу , что будет

А.С.: угу

Н.: вот

А.С.: а взрослые с вами смотрели вместе или нет. или они как-то уходили там или как это происходило

Н.: да не, не смотрели. Мы сами посмотрим и уйдём.

А.С.:угу

Н.: взрослые, этот , занимались своими делами

А.С. : угу. Они, а вообще было такое что они как-то ну там, следили за тем , что вы смотрите или сколько вы смотрите?

Н.: нет, такого никогда не было. Ну было достаточно редко это, случалось то.

А.С.: угу.

Н.: ну вот когда пошли , ммм, эти , диснеевские , это Том и Джери,

А.С.: угу

Н.: и всякие там эти, как там, Дональд Дак?

А.С.: угу

Н.: вот, да мы ходили , бегали даже в это, в видеосалоны (смеётся) бегали, там смотрела, но никогда родители не говорили, что вы долго сидите.

А.С.: ага

Н.: но такого насыщения, как сейчас , не было конечно.

А.С.: ага, а видеосалоны, это вот, ..эээ

Н.: смеется и что-то бормочет

А.С.: Видеосалоны...расскажите! Просто мне очень интересно про видеосалоны, э, ну, сейчас такого нету и мало про это написано, но это очень, как вообще это происходило?

Н.: да снималось где-нибудь помещение,

А.С.: угу

Н.: ставился телевизор, рядом ставился видик,

А.С.: угу

Н.: покупались кассеты, там расписание, типа, какие фильмы когда показывают и стоимость.

А.С.: угу

Н.: один рубль и бежали мы

А.С.: угу

Н.: и смотрели всегда

А.С.: угу, а это официально вообще как-то было или это просто какие-то любители у себя организовывали вот это всё дело?

Н.: ну вот это я не знаю, как на счёт того что официально-неофициально, на сколько тогда это было всё, ну как-то и даже..

А.С.: угу, это вот в восьмидесятых примерно...

Н.: да

А.С.: угу

Н.: да в восьмидесятых, после... ну да, после восьмидесят пятого года

А.С.: угу

Н.: где-то так они пошли уже вводиться

А.С.: угу

Н.: и я не знаю на сколько это всё легально было

А.С.: угу

Н.: но в любых местах, даже, в ДК там они

А.С.: ага

Н.: организовывались, типа, там же прекратились, к... одно время крутить вообще какие-либо фильмы показывать, на большом экране

А.С.: ага

Н.: вот, зал был закрытый, надо было как-то, они маленькие залы организовывали, ставили и показывали всякие фильмы

А.С.: а это в каком городе? эммм

Н.: это город Феодосия,

А.С.: ага

Н.: республика Крым (смеётся)

А.С.: ... интересно

Н.: вот и так и всё

А.С.: ага, а как вот узнавали об этих видеосалонах? Это просто было известно что ли...?

Н.: да нет, они писались как все обычно этот, на ватмане писались расписание

А.С.: ААА

Н.: там вот это вот всё, всё вывешивалось и ... всё мы об этом узнавали и мы уже знали

А.С.: ага

Н.: что где ... несколько там было, по городу всегда несколько этих видеосалонов было.

А.С.: угу.

Н.: вот. в разных местах.

А.С.: а с Соней сейчас смотрите мультики вместе или вот так не получается, чтобы вместе смотрели

Н.: эээм, раньше мы с ней смотрели, а сейчас я уже нет. не смотрю

А.С.: угу.

Н.: Раньше мы с ней смотрели я всегда её заставляла, крутила ставила мультики наши советские.

А.С.: угу

Н.: в записи. На дисках там, всё везде я ей ставила советские мультики

А.С.: угу, а почему? Вот именно советские.

Н.: ну они мне больше нравятся, чем вот эти все зарубежные

А.С.: угу

Н.: ну а потом э Том и Джери она так не особо, эээ...а всех остальных она ...ну вот этих коротких мультиков она не особо,

А.С.: ага

Н.: она длинные мультики полнометражные вот эти всё время смотрит

А.с.: угу

Н.: А сейчас как повзрослела, она стала всё за этим следить. Постоянно за...всё это...смотрит.

А.С.: угу. А я вот, ну на самом деле со многими эээ, ну родителями уже говорила и ну действительно так получается, что многие родители, ну вроде как не очень одобряют, ну как бы очень одобряют советскую мультипликацию, но не очень, ну как бы одобряют там, какую-то современную, например или зарубежную, то есть, ну как бы ...и мне всё время интересно, ну почему? По каким причинам, то есть,.. вот

Н.: ну, может потому что, в нас это заложено, изначально... доброта вот эта вот вся

А.С.: ага

Н.: так как вот раньше были. И мультики на самом деле совде советские, они же живые.

А.С.: ага

Н.: то что сейчас, оно ну не смотрится особо так

А.С.: угу

Н.: чтоб...они не живые получаются

А.С.: угу

Н.: поэтому ну как-то вот так и воспринимаем их чтобы дети знали что такое, что такие мультфильмы есть, они когда-то выпускались, и даже мы с ней вместе смотрели мультики ещё сорок шестых годов, когда всё выпускались

А.С.: Аа, да.

Н.: были эти старые мультики,

А.С.: ага

Н.: и мы с ней всё время смотрели. Ну это все веяния эпохи. Каждой. Дальше даже ещё вот этот мультик, который наш русский сделал, режиссер «Петя и волк» ,

А.С.: а, да-да

Н.: оперу поставил, но он же сделал не здесь.

А.С.: угу

Н.: и оно ... и ей диск специально купили, и он ей понравился, она его несколько раз смотрела. Вот этот пластилиновая что ли кукольный

А.С.: угу, да-да, я слышала про него.

Н.: вот он ей понравился, один из последних советских, которые делали.

А.С.: угу

Н.: а так...ну-ууу, ичѐ

А.С.: ага, а вот сейчас она сама уже как-то выбирает, что ей смотреть. Или то...или Вы смотрите за этим процессом?

Н.: ну она сама выбирает, я конечно смотрю, присматриваю то, что выходят новые мультики, мы конечно идем в кинотеатр, там они сидят смотрят, и мы следим, чтобы они ничего такого плохого не смотрели.

А.С.: ага. Ну а вообще ну вот эти вот маркеры, которые ввели, там шесть плюс, двенадцать плюс, это , ну помогает как-то? Или нет. они насколько соответствуют? Ну вот знаете, вот пишут там,

Н.: ну это они совсем абсолютно ничему не соответствуют.

А.С.: да?

Н.: Это наоборот всё хуже, что если двенадцать плюс, тебя не пустят если тебе одиннадцать лет.

А.С.: угу

Н.: а тебе положено смотреть там шесть плюс

А.С.: угу

Н.: это тебе уже не интересно

А.С.: ну, да.

Н.: сейчас дети немного раньше начинают развиваться,

А.С.: да

Н.: и лучше поставить этот маркер десять плюс.

А.С.: ага

Н.: это если разделить, вот , то что интересно в шесть лет, не интересно уже в десять.

А.С.: ага . А по-поводу, ну как бы, ну информационной безопасности, то есть, на сколько по вашему мнению справедливо поставлены эти маркеры. То есть может так, как-бы оказаться, что как бы маркер стоит, а вроде какая-то там нежелательная информация

Н.:нет, они всё соответствуют

А.С.: угу, угу

Н.: нет, ну мне, я слышала, по поводу «Ну, погоди!» (смеются обе), что волк там всё время курит, его запрещали, так это, ну а что, мы воспитывались в советское время, там все курили и ничего такого не было.

А.С.: угу

Н.: и всё время там какие-то там плохие герои, они всё время пыхтели,

А.С.: да.

Н.: то с трубкой, то ещё что с кем-то, мы на это просто внимания не обращали

А.С.: ага

Н.: вот и всё

А.С.: ну а Вы вот, эээ,

Н.: они перебарщивают иногда

А.С.: угу

Н.: вводя все эти запреты, они перебарщивают

А.С.: ага

Н.: они , как обычно, далеки...от народа.

А.С.: понятно. Ну я вот поэтому и пытаюсь, узнать, не то чтобы на что-то повлияет, но мне кажется это очень, ну, полезная информация. Как вот на самом деле в семьях, с этими вещами . А вот, ну, Вы как родитель, как представляете, то есть, ну вот если ребёнок, ну вообще как вот, вот он смотрит и повторяет? или как-то это по – другому. как этот процесс происходит, то есть, если он видит что-то , что какой-то положительный герой делает что-то плохое, что повторит или как... что в этом такого? То есть, ну ... Ну вот некоторые родители говорили, что если там что-то агрессивное показывают, то ребенок начинает повторять что-то агрессивное. Ну вот в вашем опыте это так? Или нет?

Н.: нет, я видела, она копировала некоторые там эти, рисовала рисованные, вот мимику...

А.С.: угу

Н.: вот это я видела, она копировала. А чтобы была агрессия какая-то, чтобы это никогда такого не было.

А.С.: угу, угу

Н.:ну копировала, да, там вот эти вот все, как бегают все эти черепашки, когда они там вот это, это у неё было. За исхо.

А.С.: угу

Н.: ну-у, прошло

А.С.: понятно. А вот ещё такой...вопрос, ну вот смотрите, советские мультфильмы, эм, я сегодня показывала ей фрагмент из чебурашки, которого она смотрела , и меня всё беспокоит вопрос, вот, там показаны пионеры, ну и вообще часто бывает там, советские мультфильмы какие-то советские реалии, ну то есть, она вообще бывает так, что спрашивает там, а кто такие пионеры, а почему вот так, и что Вы объясняете, каким образом?

Н.: ммм, мне ни разу не задавала...

А.С.: да?

Н.: Да. ну, пионеры и пионеры..не знаю, как-то наверное, поняла

А.С.: ага

Н.: что...были таки... люди, давайте, м-м-м, все мы, помогали (10:55), помощниками (смеется) были пионеры.

А.С.: а если вот она Вас спросит, как бы Вы объяснили?

Н.: Глубокий вздох.) ... Ну , не знаю даже...Может сначала октябрятами были, а потом пионерами, (смеется)а потом принимали в комсомол,(смеется) до которого я ещё не дожила.

А.С.: угу

Н.: отменили. Ну это было такое течение жизни. Это была такая идеология. Мы то на этом всём воспитывались.

А.С.: угу

Н.: и не только пионеры, а были ещё и тимуровцы,

А.С.: угу

Н.: которые Тимур и его команда, мы жили там всё, помогали

А.С.: угу

Н.: ну они же всё специально, они ж тоже в школе-то, м-м-м-, есть в школе, эээ, школы, в которых есть это, пионерия, некоторые-то это, э-э-э-э, всё течение так их и принимают в пионеры.

А.С.: сейчас?

Н.: есть, да-а-а-а.

А.С.: да-а. бы, я не в курсе, если честно, это интересно (смеется)

Н.: есть (смеется), всё это есть, но очень мало. Также мы же сдаём макулатуру.

А.С.: Да?!

Н.: каждый год в школе. Да!

А.С.: угу

Н.: мы в году по несколько раз, мы два раза в год, за учебный год, мы сдаем макулатуру,

А.С.: ну это вроде как индивидуальное соревнование у них...

Н.: нет это в школе, они заказывают, сама школа заказывает машину, иии вот такого-то числа будет сбор макулатуры...и все ммм, это, несут, кто под-, подгружает родителей, из офисов всё вывозится, все макулатура собирается

А.С. угу

Н.: и потом уже идет эти, школа уже там какой-нибудь приз там, грамота...ну плюсы зарабатывает школа

А.С.: угу

Н.: не во всех школах сбор мука- макулатуры.

А.С.: угу

Н.: но в нашей постоянно.

А.С.: угу, а это в какой это?

Н.: в пятнадцатой

А.С.: а, в пятнадцатой, ну то есть а там потом как-то объявляют, что вот наша школа заработала там бла-бла 12:44

Н.: да, они объявляют там , грамоты дают, всё это есть.

А.С.: а грамоты в индивидуальном порядке,

Н.: не-е-е-т

А.С.: кто как бы больше при---или вот как бы тоже...

Говорят одновременно!

Н.: ну просто на класс там или на школу,

А.С.: коллективное...

Н.: коллективное всё там.

А.С.: а-а-а...угу

Н.: в школах тоже есть такое же

А.С.: угу. А вот Вы как , ну Вы же тоже, участвовали в этих практиках вот, в детстве, в сборе макулатуры, может в сборе металлолома....

Н.: ...металлолома, это всё..

А.С.: было?

Н.: да, было

А.С.: ну расскажите хоть (смеются обе)

Н.: да а чё, мы ходим всё соберем, ну вот это, бумажек меньше и все газеты

А.С.: угу

Н.: а если ме-м, сбор это металлолома, то к-к-, тоже всё собирается.

А.С.: угу

Н.: э-э-меньше всего, всей этой гадости валялось.

А.С.: угу

Н.: это сейчас сборщики металлолома, они ценные металлы (смеются обе) хахахах

А.С.: тоже смеётся

Н.: всё несётся, это тоже (смеётся) ...плюс

А.С.: а Вам тогда как объясняли, ну то есть, зачем собирать металлолом, ну то есть...

Н.: очищать это , к-г-м-г-м...экология

А.С.: угу

Н.: улучшалась

Говорят одновременно, плохо разборчиво! 13:44

А.С.: то есть так так собирали, и говорили

Н.: сбор макулатуры это деревья, да, мы спасали..

А.С.: ага

Н.: смеется. Говорит что-то неразборчиво сквозь смех. Здесь тоже самое сейчас сбор макулатуры, деревья спасаем

А.С.: угу, угу. Ну то есть им так и говорят.

Н.: да, да

А.С.: угу, ага. А ну вот ещё какие-то может быть воспоминания вот о пионерской организации, то есть , ну какое вообще у Вас было впечатление от этого, то есть, ну вот моя мама например вообще ей это было настолько как бы всё чуждо и всё как-то и очень не нравилось и она до сих пор как бы говорит , что ей было там ужасно...(слово неразборчиво, т.к. перебивает Н.)

Н.: меня-то сильно напрягало, что надо что-то всё время делать

А.С.: угу

Н.: какая-то ответственность, что-то тебе надо делать, куда-то надо идти, что-то надо писать, мне это как-то, эмм, не хотелось...

А.С.: угу

Н.: ну, не все такие были уж относящиеся как сказал и сделал

А.С.: угу

Н.: без фанатизма я к этому относилась

А.С.: угу. Ну а какая то вот ну при этом вот вера в эту идеологию у Вас была? Или...неразборчиво слово

Н.: ну гордились сначала тем , что мы пионеры

А.С.: ага

Н.: первый год после принятия (громко смеется) потом это уже всё (смеётся)

А.С.: ну вот в мультике про чебурашку и крокодила Гену, там говорится, что в пионеры принимают только лучших, это как ? правда? Или...

Н.: это правда. Только лучших сначала принимали.

А.С.: А, ну сначала

Н.: это специально так всё делали, они конечно, там всё лучших, отличников, всё время первыми принимали

А.С.: ага

Н.: там всё у них , эээ, грандиозно, всё там,

А.С.: угу

Н.: на этой, на сцене, их поздравляли, всё грамотно, значки вешали, галстуки

А.С. : угу

Н.: повязывали, (вздых) а те кто не очень там, так уже , уже и

А.С.: угу

Н.: уже так это , особенно ... ну я то шла во второй категории ,

А.С.: угу

Н.: в хорошистах там, ну там тоже помпезности особой не было, так в спортзале поставили линейчку там, всех приняли,

А.С.: угу

Н.: всё. А тех кто двойшники, тройшники были, так тем в классе галстуки повязали, всё ты пионер.

А.С.: ага

Н.: вот так. (смеется)

А.С.: а у вас был кто-то может там в классе, в школе кого исключили, из ваших там знакомых, исключали из пионеров, не было такого?

Н.: ну там пытались что-то сделать, но так и не исключили, они давали им всё время шанс на исправление

А.С.: угу

Н.: назначали, ммм, этих... как воспитать не воспитатели, смотрящих, эээ, кураторов, что бы они ими занимались, чтобы они их вытягивали там, занимались с ними,

А.С.: угу

Н.: эмм, помогали им, ну это обычно всё напрягало и, ии, ммм, ну я старалась, чтобы меня это... чуть-чуть отошло, первый год да.

А.С.: угу

Н.: я то старалась там это

А.С.: угу

Н.: серьёзно к этому относилась, а потом посмотрела, ну тя на фиг

А.С.: угу

Н.: смеется

А.С.: А ваши родители при этом, они, ну серьезно относились к этому? Или, или нет.

Н.: ну, да.

А.С.: угу

Н.: Серьёзно, всё, как этот, нуу...

А.С.: Ну, просто всё разные семьи были по этому поводу...

Н.: ну, надо было...партия сказала-сделали

Смеются немного.

А.С.: ага

Н.: а вот

А.С.: то есть, а Вам, ну как бы, вот, я вот, я же родилась в девяностом году, я вот это поэтому, с большим интересом спрашиваю, ну, я же не знаю, как бы, ну у меня есть какие-то знания о том как это было там, я там книжки читаю, какие-то документы, но при этом у меня этого опыта нет. И вот очень интересно, вот... как вот в семье говорили об идеологии, то есть, это было как само собой разумеющееся что-то или..ну то есть...

Н.: ну, у нас не было такого, чтобы, мы...

А.С.: угу

Н.: далеко, мы далеки от этого были

А.С.: угу

Н.: поэтому мы... не говорили даже

А.С.: угу

Н.: об этом...чётко, я, я даже и не помню.

А.С.: угу

Н.: надо там выполнять, надо там этот самый, а потом когда это всё рухнуло, всё закончилось, и мы...ещё во времена, когда это конец перестройки, да мы уже противились тому, чтобы эти галстуки носить,

А.С.: угу

Н.: они уже никому не нужны были, эээ, эта форма, эти строй вечный, а потом когда всё рухнуло, мы очень сильно радовались, что не надо эту форму,

А.С.: угу

Н.: не надо галстуки, теперь всё свободно,

А.С.: угу

Н.: свобода слова, и этот, и пошли всякие эти все течения

А.С.: угу

Н.: больше и ничего, и пошли , вот...кто хиппи, кто вот разделились, кто металлисты, кто хиппи, кто наркоманы, кто алкаши. Потом и уже этот самый, это, кто кого начал, э, кто кого сильнее.